

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ

№ 1 (63) 2020

Периодическое научное издание

Исторический учредитель – Общество
«Экономическое возрождение России» (1915 г.),
действующий учредитель – С. Д. Бодрунов

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетель-
ство о регистрации средства массовой информации от 27.08.2012 г.
ПИ № ФС77-50990).

Издание Института
нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте

в сотрудничестве с Санкт-Петербургской
региональной общественной организацией
ООО «Вольное экономическое общество России»

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых должны быть опубли-
кованы основные научные результаты диссертаци-
онных исследований на соискание ученых степеней доктора и канди-
дата наук (Решение Президиума Высшей аттестаци-
онной комиссии Минобрнауки России от 2 февраля
2012 года № 8/13).

Журнал включен в базу данных «Российский индекс
научного цитирования» и размещается на сайте Научной
электронной библиотеки (НЭБ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. Д. Бодрунов, главный редактор, д-р экон. наук, профессор;
А. А. Золотарев, заместитель главного редактора, канд. экон. наук;
Д. Л. Драндин, канд. экон. наук.
Институт нового индустриального развития (ИНИР)
им. С. Ю. Витте работает под научно-методическим руковод-
ством Отделения общественных наук РАН.
Директор ИНИР — С. Д. Бодрунов
Научный руководитель ИНИР — Р. С. Гринберг

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержа-
щихся в настоящем издании, допускается с письменного раз-
решения редакции. Ссылка на журнал «Экономическое воз-
рождение России» обязательна.

Официальный сайт журнала e-v-r.ru

Выпускающий редактор Л. А. Мозгунова

Адрес редакции и издателя:
197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16
Тел.: (812) 313-82-68, E-mail: evr@inir.ru
Подписано к печати 27.02.2020 г.
Формат 84 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 9,2. Усл. печ. л. 15,45.
Тираж 2000 экз. Заказ 20144.

Свободная цена

Общество с ограниченной ответственностью «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15, лит. А, корп. 7
© ИНИР им. С. Ю. Витте: составление, редакционная
подготовка, 2020

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. А. Акаев, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
Л. А. Аносова, д-р экон. наук, профессор;
С. Д. Бодрунов, д-р экон. наук, профессор;
Р. С. Гринберг, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
Дж. К. Гэлбрейт, д-р экон. наук, профессор Техасского
университета в Остине (США);
И. И. Елисеева, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН;
А. Е. Карлик, д-р экон. наук, профессор;
В. Л. Квинт, д-р экон. наук, иностранный член РАН;
И. А. Максимцев, д-р экон. наук, профессор;
А. Д. Некипелов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
П. Нолан, профессор Кембриджского университета
(Великобритания);
В. В. Окрепилов, д-р экон. наук, профессор, академик РАН;
Б. Н. Порфирьев, д-р экон. наук, профессор, академик РАН

MEMBERS OF THE SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD

A. A. Akaev, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
L. A. Anosova, Doctor of Economics, Professor;
S. D. Bodrunov, Doctor of Economics, Professor;
R. S. Grinberg, Doctor of Economics, Professor, correspond-
ing member of Russian Academy of Sciences;
J. K. Galbraith, Doctor of Economics, Professor of the Uni-
versity of Texas at Austin (USA);
I. I. Eliseeva, Doctor of Economics, Professor, corresponding
member of Russian Academy of Sciences;
A. E. Karlik, Doctor of Economics, Professor;
V. L. Kvint, Doctor of Economics, foreign member of Russian
Academy of Sciences;
I. A. Maksimtsev, Doctor of Economics, Professor;
A. D. Nekipelov, Doctor of Economics, Professor, academi-
cian of Russian Academy of Sciences;
P. Nolan, Professor of University of Cambridge (Great Britain);
V. V. Okrepilov, Doctor of Economics, Professor, academician
of Russian Academy of Sciences;
B. N. Porfiriev, Doctor of Economics, Professor, academician
of Russian Academy of Sciences

CONTENTS

On the way to revival

<i>Ivanov V. V.</i> Methodological aspects of strategic planning in the context of global transformations	6
<i>Grinberg R. S.</i> Ruminations on action against global threats	15
<i>Sorokin D. E.</i> Political economy of Russia's technological modernization	18
<i>Smolin O. N.</i> Economic growth and social policy.....	26
<i>Kleiner G. B.</i> Intellectual economy of the new age: post-knowledge economy	35
<i>Lenchuk E. B.</i> Is Russia ready for a technological breakthrough?	43
<i>Mironov V. V.</i> Deformation of education in the transformation of modern culture	50
<i>Maslov G. A.</i> Production, science and education in the age of transformations: Russia in the (de)globalizing world	56

Problems of economic development

<i>Kolganov A. I.</i> Conflict between productive forces and production relations: modern perspective	63
<i>Mirziyoeva S. Sh.</i> Accounting for global and national trends and idiosyncrasies of socioeconomic progress in the development of government strategies	69
<i>Demidenko D. S., Vaganov P. I., Kvasha N. V., Malevskaya-Malevich E. D.</i> Transforming the cost model of an industrial business system under the innovating economy	79
<i>Makhamatov T. M., Makhamatova S. T.</i> Principles of democracy and market economy	89
<i>Tenyakov I. M., Konovalova T. V.</i> Innovative factors of Russia's economic growth: human capital and industrial parks	98
<i>Vertakova Y. V., Evchenko A. V.</i> Formation of the modern paradigm for the application of end-to-end production planning technologies based on the synthesis of planned economy's and market environment's productive elements	112
<i>Sirotkin V. B.</i> Economic opportunities in control modes: interdependence of the economy and politics	122
<i>Zhuravlev D. M.</i> Assessing regional economy's technological readiness for uptake of innovations	138

СОДЕРЖАНИЕ

По пути к возрождению

<i>Иванов В. В.</i> Методологические аспекты стратегического планирования в контексте глобальных трансформаций	6
<i>Гринберг Р. С.</i> Размышления о противодействии глобальным вызовам	15
<i>Сорокин Д. Е.</i> Политическая экономия технологической модернизации России	18
<i>Смолин О. Н.</i> Экономический рост и социальная политика	26
<i>Клейнер Г. Б.</i> Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний	35
<i>Ленчук Е. Б.</i> Готова ли Россия к технологическому рывку?.....	43
<i>Миронов В. В.</i> Деформация образования в условиях трансформации современной культуры	50
<i>Маслов Г. А.</i> Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в (де)глобализирующемся мире	56

Проблемы развития экономики

<i>Колганов А. И.</i> Противоречие производительных сил и производственных отношений: современное прочтение	63
<i>Мирзиёева С. Ш.</i> Учет глобальных и национальных тенденций и особенностей социально-экономического развития при разработке государственных стратегий	69
<i>Демиденко Д. С., Ваганов П. И., Кваша Н. В., Малевская-Малевич Е. Д.</i> Трансформация модели затрат промышленной бизнес-системы в условиях инновационной экономики	79
<i>Махаматов Т. М., Махаматова С. Т.</i> Принципы демократии и рыночная экономика	89
<i>Теняков И. М., Коновалова Т. В.</i> Инновационные факторы экономического роста в России: человеческий капитал и индустриальные парки	98
<i>Вертакова Ю. В., Евченко А. В.</i> Формирование современной парадигмы применения сквозных технологий производственного планирования на основе синтеза продуктивных элементов плановой экономики и рыночной среды	112
<i>Сироткин В. Б.</i> Экономические возможности в режимах управления: взаимозависимость экономики и политики	122
<i>Журавлев Д. М.</i> Оценка технологической готовности региональной экономики к восприятию инноваций	138

Программа грантовой поддержки научных изданий

Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте (далее – Институт), реализуя программу научно-исследовательской работы и информационно-методической помощи инициативным исследователям, объявляет о запуске Программы грантовой поддержки научных изданий (далее – Программа), предметом которых являются основные проблемы исследований Института:

- основные направления и специфические черты технологических трансформаций, обусловленные ими изменения в экономике и обществе;
- государство и технологическая революция: прямые и обратные связи и взаимозависимости;
- двойственный характер и перспективы трансформации финансового капитала, его связь с реальным сектором экономики;
- интеграция производства, науки и образования: механизмы, инструментарий, методы оценки эффективности, перспективы развития;
- промышленная политика: теория, методология, практика реализации;
- стратегическое планирование в экономических системах макро-, мезо- и микроуровня;
- реиндустриализация на новой технологической основе, ее связь с национальными приоритетами;
- новое качество человека и общества в условиях технологических трансформаций.

В рамках Программы Институт оказывает поддержку авторам изданий по вышеуказанной проблематике за счет их адресного распространения в экспертной среде. Поддержка осуществляется путем приобретения 100 экземпляров издания (по согласованной цене), прошедшего отбор, для последующего представления на бесплатной основе на публичных научных и общественных мероприятиях, проводимых Институтом и Вольным экономическим обществом России.

Срок действия Программы – постоянный. Срок представления заявок на участие в Программе не ограничен. Заявки рассматриваются Научно-издательским советом ИНИР им. С. Ю. Витте на основе предварительной экспертизы на ежеквартальных заседаниях.

К рассмотрению не принимаются ранее изданные научные произведения (переиздания), а также издания, подготовка которых была профинансирована за счет средств других организаций или грантов (РНФ, РФФИ и др.). Последнее определяется наличием соответствующих отметок в издании. Представляя проект книги на экспертизу, автор(ы) подтверждают ее соответствие вышеуказанным требованиям.

Объем научного издания, как правило, не должен превышать 20 п. л.; число авторов не лимитировано.

Для участия в грантовой программе соискателям (авторам научного издания) необходимо представить рукопись издания в электронной форме в Институт (эл. почта: inir@inir.ru, контактное лицо: Лев Павлович Табачникас, тел. 8 (812) 313-82-71) для проведения экспертизы научно-издательским советом Института на предмет поддержки данного издания в рамках Программы. В сопроводительном письме, направляемом в Институт вместе с рукописью, соискатели должны указать на свое желание получить поддержку в рамках Программы.

При одобрении рукописи научно-издательским советом Института и поддержке ее издания в рамках Программы автор(ы) книги обязуются указать в выходных данных книги: «Рекомендовано к изданию научно-издательским советом Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте (председатель совета – д-р экон. наук, профессор С. Д. Бодрунов)».

ПО ПУТИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ

В. В. Иванов¹

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ²

Вопросы стратегического планирования рассматриваются с позиций глобальных трансформаций. Анализируются большие вызовы; показано, что мир вступил в период гуманитарно-технологической революции, где главным приоритетом становится повышение качества жизни на основе новых технологий и формирование нового мирового уклада. Государства, имеющие наиболее развитый научно-технологический потенциал, станут глобальными лидерами. Система стратегического планирования должна обеспечить присутствие России в числе стран – глобальных лидеров.

Ключевые слова: глобальные процессы, качество жизни, гуманитарно-технологическая революция, стратегическое планирование.

УДК 330.352

Введение

Мир вступил в эпоху глобальных трансформаций. Об этом свидетельствуют участвовавшие экономические и политические кризисы, локальные военные конфликты. Отличительной чертой текущей ситуации является возрастающее неравенство как между отдельными государствами, так и внутри них. Исходными причинами такого неравенства стали неравный доступ к природным ресурсам и современным технологиям, асимметрия информации, разрыв между уровнями культуры, социально-экономического и научно-технологического развития. Мир находится в точке бифуркации, после перехода которой будет сформирован новый мировой уклад, а при неблагоприятном стечении обстоятельств может наступить глобальная катастрофа с непредсказуемыми последствиями.

¹ *Владимир Викторович Иванов*, заместитель президента РАН, руководитель Информационно-аналитического центра «Наука» РАН (ORCID: 0000-0002-9823-8767), д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, e-mail: ivanov@presidium.ras.ru

² Статья подготовлена при поддержке проекта РФФИ №18-011-00567-а «Междисциплинарный и методологический анализ технологий проектирования будущего и цифровой реальности» и программы президиума РАН «Большие вызовы и научные основы прогнозирования и стратегического планирования».

В такой ситуации суверенные государства должны четко выстроить стратегию своего поведения, чтобы занять достойное место в новом мировом укладе.

Начальные условия

Теоретические основы развития Российской Федерации в постсоветский период базировались на тезисе о свободном рынке и конкуренции как единственных факторах развития. При этом декларировалось, что государство должно уйти из экономики, а в качестве главного конкурентного преимущества России рассматривался ресурсно-сырьевой сектор. Основным критерием успешности провозглашалось финансовое благополучие – финансы стали главной целью и приоритетом развития.

Предлагаемые подходы изначально носили сугубо теоретический характер, и для их практической реализации требовалась тщательная научная проработка механизмов, обеспечивающих развитие страны. Очевидно, что в первую очередь речь должна была идти о сохранении фундаментальной науки, научно-технологического комплекса и системы образования как базовых институтов, необходимых для модернизации и развития экономики, ее адаптации к новым условиям.

Однако был выбран путь, предполагающий не развитие государства и решение социально-экономических проблем, а ликвидацию социально-экономической системы СССР и встраивание в западную систему отношений. Очевидно, что это было возможно только ценой потери значительной части экономического суверенитета, поскольку, по сути, означало отказ от конкурентной борьбы на мировом пространстве.

К началу XXI в. в РАН были разработаны подходы к переходу России на инновационный путь развития [1–7]. Они учитывали не только положение внутри России, но и тенденции глобального развития, явно указывавшие на возрастающую роль науки в решении вопросов развития и занятия лидирующих позиций на мировом рынке. Однако заданная в 1990-е гг. траектория развития осталась неизменной.

В результате проведенных трансформаций экономика страны практически полностью перешла на ресурсный тип развития и попала в зависимость от мировых цен на углеводородные энергоносители. Ситуация усугублялась существенным сокращением научно-технологического комплекса и наукоемкой промышленности. На мировом рынке наукоемкой продукции страна представлена в основном продукцией атомной промышленности и ОПК. При этом были существенно сокращены прикладные исследования и разработки, что резко снизило возможности создания новых технологий, продукции и формирования новых рынков. За 1991–1999 гг. численность работников в сфере исследований и разработок снизилась более чем вдвое, бюджетные ассигнования на гражданскую науку сократились в 4,6 раза, а с учетом затрат на содержание научной инфраструктуры затраты на исследования и разработки уменьшились примерно в 10 раз [8, с. 290].

Система образования была переведена на подготовку «квалифицированных потребителей». В соответствии с этим подходом законодательно была ликвидирована научная аспирантура, которая из первого этапа научной карьеры была превращена в очередную ступень образования. В стратегической перспективе это грозит стране утратой технологического суверенитета из-за отсутствия высококвалифицированных кадров, способных самостоятельно разрабатывать новейшие технологии.

В той же логике в 2013 г. была проведена так называемая реформа РАН, и Академия наук лишилась статуса независимой научной организации – высшей научной организации России, которой она по факту и по закону являлась с 1724 г. Собственно РАН

получила статус Федерального государственного бюджетного учреждения (наряду с объектами социального обеспечения). Кроме того, Российской академии наук было законодательно запрещено заниматься наукой. Так произошла дезинтеграция сектора фундаментальных научных исследований – основного поставщика знаний, необходимых для развития образования и культуры, создания новых технологий и образцов продукции, выработки важнейших государственных решений (см. рисунок).

Общее состояние России на мировом пространстве характеризуется позициями в мировых рейтингах [9] (см. таблицу).

Таким образом, в результате политических и социально-экономических трансформаций Россия заняла устойчивое место среди развивающихся стран. И только наличие мощного оборонного потенциала, основу которого составляют научно-технологические заделы, созданные во времена СССР, позволяет России отстоять статус стра-

Фундаментальная наука как базовый институт развития государства и общества

Россия в мировых рейтингах

Рейтинг	Индекс	Место
Глобальная конкурентоспособность (2017–2018 гг.)	4,64	38 из 144
Глобальный инновационный индекс (2017 г.)	38,8	45 из 121
Индекс человеческого развития (2015 г.)	0,804	49 из 188
Количество университетов в ТОП-100 (Рейтинг университетов мира QS-2018 по странам)		МГУ им. М. В. Ломоносова, позиция 95
Количество университетов в ТОП-100 (Рейтинг университетов мира THE-2018 по странам)		Нет
Качество государственного управления		44,2 из 100

ны, определяющей правила игры на мировой арене. Однако при сохранении существующих тенденций высок риск утраты и этих преимуществ.

Глобальные трансформации

На исходе XX в. резко усилились трансформационные процессы на глобальном пространстве. Участвовавшие экономические, политические кризисы и военные конфликты явно указывают, что существующая модель капиталистического развития исчерпала свои возможности и нуждается в реформировании. Это объясняется следующими обстоятельствами.

Со времени окончания Второй мировой войны и до распада СССР на глобальном пространстве конкурировали две принципиально различные системы, каждая из которых доказала свою эффективность и право занимать в мире лидирующие позиции. Устранение одной из систем с конкурентного поля означает не столько победу другой системы, сколько перевод всей мировой системы в неустойчивое положение. В результате произошел резкий скачок межстранового неравенства в доступе к ресурсам (природным, энергетическим, финансовым), их концентрация в ограниченной группе структур [10].

Изменилась и суть капитализма, который отошел от своего прямого назначения: «Задача предприятия – производить для потребления, а не для наживы или спекуляции. А условия такого производства – ... чтобы продукты эти служили на пользу народу, а не только одному производителю. ... Стоит народу сообразить, что производитель ему не служит, и конец его недалек» [11, с. 16–17]. Сегодня доминирующей парадигмой экономической деятельности на государственном уровне и на уровне отдельного человека является получение финансовой прибыли. Однако: «Мотив только лишь прибыли ... не практичен, целью его является повышение цен для потребителя и уменьшение заработной платы» [12, с. 31]. Таким образом, в начале текущего века капитализм изменил свою сущность и превратился в институт накопления богатств узкой группой собственников. Это стало одним из основных факторов развития неравенства.

Ограниченная емкость рынка потребовала качественно новых видов продукции, что стимулировало интенсивное технологическое развитие и повышенный спрос на результаты фундаментальных научных исследований. Тем более что итоги Второй мировой войны и последующая холодная война убедительно показали, что авторитет и суверенитет любого государства определяются состоянием научно-технологического и промышленного комплекса, а также системы образования. Основу научно-технологического комплекса составляет фундаментальная наука, призванная изучать закономерности развития природы, человека и общества.

На глобальном пространстве научно-технологический комплекс создает качественно новые образцы продукции, на основе которых формируются новые рынки. Государство (группа государств), обладающее наиболее развитым научно-технологическим комплексом, будет определять правила игры на глобальном рынке, а также систему международных отношений. Отметим, что военный потенциал является необходимым условием обеспечения внешней стабильности. Уровень развития оборонного потенциала – важнейший показатель конкурентоспособности, поскольку только страны, имеющие высококвалифицированных специалистов, сильную науку и производство, могут самостоятельно(!) выпускать современные образцы вооружений, прежде всего, на новых физических принципах.

С экономических позиций научно-технологическое развитие определяется следующими законами:

1. По мере социально-экономического и научно-технологического развития коммерческая и социальная ценность фундаментальных научных результатов постоянно возрастает. Это естественно, потому что область применения результатов фундаментальных научных исследований невозможно определить на стадии их открытия. Но с течением времени именно на этой основе создаются новые отрасли, производства и формируются новые рынки. Наиболее наглядно это прослеживается на примере фундаментальных законов механики и электричества.

2. Коммерческая стоимость наукоемкой продукции постоянно падает. Действительно, по мере развертывания массового производства высокотехнологичной продукции снижаются издержки на ее производство и расширяются рынки.

Массовый выпуск высокотехнологичной продукции сформировал технологическую среду обитания человека, которая стала постоянно расширяющимся барьером между человеком и природой. Это также требует формирования новой культуры, обеспечивающей безопасное использование новых технологий. Таким образом, следствием технологического развития является трансформация среды обитания человека, которая из традиционной биологической превращается в систему биология – технология – культура.

Альтернативой капиталистической модели развития является концепция постиндустриального общества [13], в которой главным приоритетом значится качество жизни, обеспечиваемое научно-технологическим прогрессом. Высокое качество жизни позволяет сконцентрировать на своей территории самый главный ресурс – человеческий потенциал. В современных условиях именно качество жизни является основным показателем конкурентоспособности государства [2, с. 47–72].

При этом, как отмечал Д. Белл: «В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки. Поэтому характер и формы государственной поддержки науки, ее политизация, социологические проблемы организации научных исследований заняли центральное место среди политических проблем постиндустриального общества».

Характерная черта происходящих трансформаций – интеграция технологических и гуманитарных процессов, что указывает на начало гуманитарно-технологической революции [14–16], итогом которой станет формирование нового мирового уклада. Лидирующее место в этом укладе займут страны, которые смогут обеспечить высокое качество жизни за счет новых технологий.

Анализ протекающих трансформаций позволил определить три глобальных вызова текущего столетия:

- исчерпание действующей модели капиталистического развития, что требует смены экономической парадигмы – не «человек для экономики», а «экономика для человека»;
- гуманитарно-технологическая революция;
- трансформация среды обитания человека.

Новый вектор развития России

Посланием Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г. был задан новый вектор развития страны:

- повышение качества жизни;
- технологическое развитие, прежде всего ликвидация технологического отставания от стран – технологических лидеров;

- развитие территорий;
- обеспечение обороны и безопасности.

В развитие этих направлений были разработаны 12 национальных проектов по стратегически важным направлениям, задача которых – до 2024 г. создать условия для перехода на траекторию развития страны, позволяющую в обозримой перспективе войти в клуб стран – мировых лидеров.

Кроме того, 1 декабря 2016 г. Указом Президента России была утверждена Стратегия научно-технологического развития до 2035 г., а 13 февраля 2019 г. Председатель Правительства подписал Стратегию пространственного развития.

Новый вектор развития страны, по сути, означает кардинальную смену политики в целом: переход от ресурсной экономики к инновационной.

Реализация этой стратегии потребует существенной корректировки, а в ряде случаев – кардинальной переработки стратегических документов. При этом необходимо совершенствование системы стратегического планирования, в первую очередь качественное улучшение научного обеспечения.

Методологические вопросы организации стратегического планирования

Исходя из выявленных тенденций, глобальных вызовов и существующих социально-экономических реалий, формируются стратегические цели развития государства, достижение которых обеспечивается системой стратегического планирования.

Понятие «*Стратегическое планирование*» определим как комплекс научно-организационных мероприятий, направленных на разработку согласованных по целям, задачам, срокам, ресурсам и исполнителям государственных программ и проектов, обеспечивающих в стратегической перспективе (25 и более лет) устойчивое развитие страны по заданным направлениям.

Собственно стратегическое планирование осуществляется на основе приоритетов, формулируемых по результатам аналитических (стратегический анализ) и прогнозных (стратегический прогноз) исследований. С учетом высокой степени неопределенности долгосрочных прогнозов стратегическое планирование целесообразно осуществлять на трех уровнях:

- долгосрочный (30...50 лет) – доктрина;
- среднесрочный (10...30 лет) – концепция, стратегия, основные направления;
- краткосрочный (до 10 лет) – планы, проекты, программы.

При этом документы долгосрочного и среднесрочного стратегического планирования подлежат периодической корректировке с учетом динамики ситуации.

Стратегические цели и приоритеты развития государства формируются исходя из трех групп факторов:

- исторические условия развития;
- глобальные тенденции развития;
- текущий уровень и тенденции социально-экономического развития.

Методология стратегического планирования, являясь научной основой разработки прогнозов, проектов, программ и планов, должна давать ответы на следующие вопросы:

- 1) каковы цели развития соответствующего объекта стратегического планирования;
- 2) какой должна быть последовательность процесса разработки управленческих решений в форме стратегических прогнозов, программ и планов;

3) какими должны быть стратегические прогнозы, программы и планы, каким требованиям они должны удовлетворять;

4) какие методологические подходы и решение каких проблем стратегического планирования следует использовать;

5) какие показатели наиболее адекватно описывают состояние объекта и системы в целом?

Процедуру стратегического планирования определяют ее структурные элементы:

- целеполагание – определение и формирование целей, достижение которых предполагается в планируемом периоде;

- анализ динамики развития объекта стратегического планирования и его состояние на начало планируемого периода;

- определение объема и структуры потребностей государства и общества;

- определение объема и структуры ресурсов, имеющихся на начало планируемого периода, и потребности в них в планируемом периоде;

- согласование выявленных потребностей и ресурсов, подготовка управленческих решений, стратегических прогнозов, программ и планов.

Одной из важнейших (и на практике наиболее сложных) задач стратегического планирования является обеспечение соответствия выделяемых ресурсов определенным целям и приоритетам.

Главным принципом стратегического планирования является системность – рассмотрение в комплексе всех факторов, обеспечивающих развитие государства. Для создания такой системы требуется соответствующий институт, имеющий возможность анализировать ситуацию с учетом различных групп факторов и разрабатывать на этой основе стратегические прогнозы и рекомендации. Очевидно, что на уровне федеральных органов исполнительной власти создать такую систему проблематично, поскольку эти органы работают только в пределах электорального цикла и не ориентируются на долгосрочную перспективу.

В этой связи представляется целесообразным сосредоточить вопросы стратегического планирования в президентских структурах, в аппарате Совета безопасности, а научное, экспертное и аналитическое сопровождение возложить на Российскую академию наук, тем более что экспертная деятельность является основной содержательной функцией РАН. При таком подходе РАН могла бы обеспечить научно-методическое сопровождение системы стратегического планирования:

- организацию и проведение аналитических и прогнозных исследований, выявление глобальных тенденций развития, рисков и угроз;

- разработку методологии, в том числе математических моделей социально-экономических процессов в РФ;

- сбор, хранение, обработку и анализ распределенной информации, содержащейся в федеральных, региональных и муниципальных информационных ресурсах и системах, данных официальной государственной статистики;

- мониторинг и оценку состояния и динамики социально-экономического развития;

- разработку сценариев развития;

- научную поддержку принятия управленческих решений.

Научные подходы к совершенствованию документов стратегического планирования предполагают широкий спектр аналитических и прогнозных исследований, ис-

пользование современного математического аппарата. Эти работы предусмотрены в проекте Программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации, одобренной Общим собранием РАН и внесенной на рассмотрение Правительства Российской Федерации [17, 18].

Список литературы

1. *Иванов, В. В.* Национальные инновационные системы: теория и практика формирования / В. В. Иванов. – М.: Абелия, 2004.
2. *Иванов, В. В.* Инновационная парадигма XXI. – 2-е изд. / В. В. Иванов. – М.: Наука, 2015.
3. *Голиченко, О. Г.* Национальная инновационная система России: состояние и пути развития / О. Г. Голиченко. – М.: Наука, 2006.
4. *Голиченко, О. Г.* Основные факторы развития национальной инновационной системы: уроки для России / О. Г. Голиченко. – М.: Наука, 2011. – 634 с.
5. *Иванова, Н. И.* Национальные инновационные системы / Н. И. Иванова. – М.: Наука, 2002.
6. *Инновационная экономика* / под ред. А. А. Дынкина и Н. И. Ивановой. – 2-е изд. – М.: Наука, 2004.
7. *Макаров, В. Л.* Экономика знаний – уроки для России / В. Л. Макаров // Вестник РАН. – 2003. – № 5.
8. *Белая книга.* Экономические реформы в России. 1991–2001. – М.: Алгоритм, 2002.
9. *Россия в зеркале международных рейтингов: Информационно-справочное изд.* / отв. ред. В. И. Суслов; науч. редакторы О. В. Валиева, Н. А. Кравченко; ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск: Параллель, 2019.
10. *Стиглиц, Д.* Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99 % населения? / Д. Стиглиц. – М.: ЭКСМО, 2016.
11. *Форд, Г.* Моя жизнь. Мои достижения / Г. Форд. – М.: АСТ, 2015.
12. *Форд, Г.* Сегодня и завтра. Кодекс миллиардера / Г. Форд. – М.: АСТ, 2014.
13. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999.
14. *Иванов, В. В.* Глобальная гуманитарно-технологическая революция: предпосылки и перспективы / В. В. Иванов // Инновации. – 2017.
15. *Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего* / под ред. В. В. Иванова, Г. Г. Малинецкого, С. Н. Сиренко. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 344 с.
16. *Иванов, В. В.* Философские основания гуманитарно-технологической революции / В. В. Иванов, Г. Г. Малинецкий // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 4. – С. 76–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-76-95
17. *Козлов, В. В.* О проекте программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период: докл. академика РАН В. В. Козлова // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 9. – С. 923–925. doi: 10.31857/S0869-5873899923-925
18. *Иванов, В. В.* Программа фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период: принципы формирования, структура, управление: докл. чл.-корр. РАН В. В. Иванова // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89, № 9. – С. 926–928. doi: 10.31857/S0869-5873899926-928.

V. V. Ivanov. Methodological aspects of strategic planning in the context of global transformations. Issues of strategic planning are considered in the context of the global transformation. Key challenges are analyzed. It is shown that the World has entered the stage of the humanitarian technological revolution. Improving of the quality of life based on new technologies becomes the main priority of development. As a result, a new world order will be formed. States with the most developed scientific and technological potential will become global leaders. The strategic planning system should ensure Russia's presence among the global leading countries.

Keywords: global processes, quality of life, humanitarian technological revolution, strategic planning.

*Р. С. Гринберг*¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ²

Обсуждаются вопросы противодействия глобальным вызовам (разрушение окружающей среды, геополитические угрозы и обострение социальных конфликтов). Приводится критика чрезмерной коммерциализации науки, образования, культуры и здравоохранения. Подчеркивается, что без государственного участия нельзя решить важнейшие проблемы современности; с другой стороны, это участие может привести к самым разным последствиям.

Ключевые слова: глобальные вызовы, рыночный фундаментализм, рыночная экономика, количественные показатели, расслоение населения по доходам, государственное вмешательство в экономику.

УДК 330.352

Прежде всего хочу отметить доклад Олега Николаевича Смолина³ на VI Международном конгрессе «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире». Я считаю его одним из самых компетентных и серьезных защитников образования, науки, культуры и здравоохранения в Государственной Думе. Цифры, приведенные Олегом Николаевичем, говорят о том, что в России идеологическая преданность правящего дома идеям рыночного фундаментализма не исчезает. Еще недавно казалось, что две великие утопии – директивного плана и свободного рынка – умерли. Но сегодня мы наблюдаем живучесть мифа свободного рынка и вытекающего из него требования коммерциализации науки, культуры, здравоохранения и образования. Недавно я был в Екатеринбурге, где в государственном университете девять из десяти студентов – «коммерческие». Данный тренд подтверждает слова О. Н. Смолина: образование не является приоритетом в политике правительства. Далее, хотел бы обратить внимание на высказывание профессора С. Д. Бодрунова⁴ о том, что

¹ *Руслан Семенович Гринберг*, научный руководитель Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, e-mail: grinberg@inecon.ru

² Статья подготовлена по материалам доклада на VI Международном конгрессе «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в [де]глобализирующемся мире» (ПНО-2019) (Москва, 4 декабря 2019 г.).

³ Краткое содержание доклада профессора О. Н. Смолина приведено в обзоре конгресса, выполненном Г. А. Масловым и представленном в данном журнале на странице 58 (прим. ред.).

⁴ Краткое содержание пленарного доклада профессора С. Д. Бодрунова приведено в обзоре конгресса, выполненном Г. А. Масловым и представленном в данном журнале на страницах 57–58 (прим. ред.).

во всем мире наблюдается кризис количественных показателей, особенно в контексте тех угроз, перед которыми стоит человечество.

Недавно, беседуя с одним из самых проницательных экономистов Джозефом Стиглицем о судьбах мира, мы договорились до того, что количественные показатели вредны уже сегодня, но других нет. И это – не самое важное. Главная проблема – в том, что рыночная экономика построена на эгоизме и корыстолюбии, общественные интересы в ней не являются приоритетными. Но чем ее заменить? Как показал наш исторический опыт, она более эффективна, чем дискредитировавшая себя экономика с директивным планированием. Ведь именно рыночная экономика создает больше товаров и услуг, чем любая другая. При этом, однако, без регулирования рыночных отношений невозможно противостоять трем большим вызовам, которые могут сработать одновременно.

Первый из них – климатический: сегодня разрушающее вмешательство человека в среду обитания очевидно. Некоторые специалисты считают, что через 10...15 лет можно говорить о точке невозврата. Конечно, по срокам может быть ошибка, но угроза действительно велика.

Второе – социальные факторы: расслоение населения по доходам очень велико повсеместно, но самое главное – скачок неравенства в развитых странах. Если в развивающихся странах уже привыкли к такому расслоению, то в развитом мире по-другому. Впервые за 250 лет белые образованные американцы живут хуже родителей. По словам Стиглица, в последнее время заметно сократилась продолжительность жизни белых образованных американцев («смерть от отчаяния»). Мы не знаем, как будут развиваться события. Но вот еще недавно слово социалист было в Америке ругательным, а теперь, если бы от демократической партии был выставлен Берни Сандерс, настоящий социалист, больше даже коммунист, то он вполне мог бы стать президентом. Как бы то ни было, социальные конфликты повсюду, и нет консенсуса по поводу того, как с ними бороться: правящий класс очень не хочет социального выравнивания, а других способов, по-видимому, не существует.

Третье – геополитика, которая, похоже, вернулась в своем самом отвратительном виде, с взаимными подозрениями и угрозами. По-видимому, начинается «холодная война 2», и она хуже первой, при которой существовали какие-то многосторонние соглашения, а сейчас почти все эти соглашения почил в бозе. Так что ядерный конфликт возможен просто по недоразумению. Конечно, его никто не хочет, но взаимное недоверие при отсутствии правил и легковесном отношении к войне – явление очень опасное.

Что касается экономики, главный вопрос современности – как сохранить рыночную экономику без жажды наживы? Многие уже поговаривают о пострыночном мире, пострыночной экономике, как бы забывая наш 70-летний опыт... Тем не менее многим кажется, что это хорошо: «прошлое никогда не было таким прекрасным, как сегодня».

Теперь – *еще об одном противоречии нашего времени.* Принято считать: чем меньше государство вмешивается в экономику, тем для нее лучше. Но как сегодня можно без государственного участия предотвратить разрушение окружающей среды, сократить массовую бедность и растущее неравенство? При этом надо иметь в виду, что само это участие может иметь самые разные последствия. Господство духа рыночного фундаментализма привело к тому, что жизнь требует государственной активности, которая очень часто игнорирует общественные интересы. В наше время даже в самых цивилизованных странах имеет место эрозия демократических институтов. Тот же Стиг-

лиц заметил, что дело идет к тому, что «не один человек – один голос, а один человек – один доллар»⁵, а это уже совсем другая песня. Я помню, как мы смеялись над замечанием Ленина о диктатуре денежного мешка, подрывающего демократические институты. Сегодня мы видим, что это – реальность. Чтобы выявить и реализовать общественный интерес, требуется укрепление демократических институтов, а они испытывают растущую зависимость от так называемой финансовой номенклатуры.

Есть очень важная вещь, которая внушает некоторый оптимизм. Технический прогресс, в отличие от морально-этического, развивается очень быстро и здесь возникают возможности. Речь идет о безусловном базовом доходе – это построение коммунизма без утраты рыночной экономики. Сегодня он тестируется в разных странах, и по прагматическим соображениям этот безусловный базовый доход может быть введен, потому что замена живой рабочей силы будет происходить быстрее, чем введение новых профессий.

Либертарианцы так не думают. Они считают, что так было всегда: с революцией отмирают одни профессии и появляются другие. Я согласен с теми, кто утверждает, что теперь этого не будет. Из прагматических соображений безусловный базовый доход придется вводить как средство против массовой безработицы. А это – победа над порабошающим человека разделением труда, как говорил Маркс. И последнее. Мой немецкий друг говорит: не верь статистике, которую сам не сфальсифицировал. Оказывается, что из всех людей в мире, работающих по найму, только 15 % довольны своей работой, остальные просто зарабатывают на пропитание и содержание семьи. Безусловный базовый доход, несомненно, будет этому способствовать. Словом, у человека появляется возможность посвятить себя творческому труду, творческой жизни и отказаться от той профессии, которой он случайно занимался всю свою жизнь.

R. S. Grinberg. Ruminations on action against global threats. The article discusses the issues of counteracting the global challenges (the destruction of the environment, geopolitical threats and exacerbation of social conflicts). Criticism of the excessive commercialization of science, education, culture and education is given. The paradox, associated with attempts to prevent the destruction of the environment and to reduce the scale of mass poverty and growing inequality is examined. The dominance of the spirit of market fundamentalism has led to the fact that life requires state activity. And state activity in our time simply ignores public interests.

Keywords: global challenges, market fundamentalism, market economy, quantitative indicators, the stratification of the population by income, state intervention in the economy.

⁵ *Стиглиц, Дж.* Экономика должна служить обществу / Дж. Стиглиц // Финансы и развитие. 2014. № 51. С. 18–19.

Д. Е. Сорокин¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ²

Рассматриваются объективные причины исторически сложившегося в России тренда догоняющего технологического развития. Обосновывается гипотеза, что технологическое отставание порождено прежде всего избыточным присутствием государства в российской экономике, обусловленным рядом объективных обстоятельств – от природно-географических до геополитических. В результате главным инструментом конкуренции предпринимателей становится не технологическое развитие, а доступ к покровительству со стороны представителей государственной власти. Делается вывод, что экономическая стратегия России должна быть нацелена: 1) не на достижение всеобъемлющего технологического лидерства, а на недопущение опасного технологического отставания в секторах, являющихся критическими для гарантированного обеспечения национальной безопасности; 2) на создание институтов, предотвращающих перерастание объективно необходимой для России роли государства в огосударствление экономики.

Ключевые слова: технологическая модернизация, производительные силы, конкуренция, государство, экономическая стратегия, технологическое лидерство, институты.

УДК 330.352

Постановка в майском (2018 г.) Указе Президента Российской Федерации в качестве первоочередной цели осуществления технологического прорыва [1, с. 1] отражает реалии, в которых сегодня находится Россия. С одной стороны, история свидетельствует, что именно технологическое лидерство является материальной базой экономического успеха. При этом социумы, которые первыми осваивают новый технологический уклад, получают весомые конкурентные преимущества. Социумы, в которых такое освоение задерживается, превращаются в объект экспансии со стороны технологически продвинутых соседей, стремящихся расширить свою ресурсную базу. Не объемы экономики, а ее технологическая база обеспечивает конкурентные преимущества. Приведем классический пример: к началу XIX в. (1820 г.) совокупный ВВП стран Азии (без Японии) более чем в два раза превосходил совокупный ВВП Австралии, Западной Европы, Канады и США [2, с. 161–162], однако именно крупнейшие государства Азии превратились в зависимые от западных стран территории. Причина – технологическое

¹ *Дмитрий Евгеньевич Сорокин*, научный руководитель Финансового университета при Правительстве РФ, д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, e-mail: ds@fa.ru

² Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

преимущество западных держав, сумевших освоить передовые по тем временам технологии, обеспечившие им экономическое и военное превосходство.

С другой стороны, усилия по преодолению сложившегося в СССР отставания национальной экономики в освоении нового технологического уклада, что признавалось на высшем уровне государственной власти, так и не дали результатов.

В этой связи напомним, что в проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации (2001 г.) на период до 2010 г. предусматривалось создание к 2007–2010 гг. условий «для кардинального технологического перевооружения основных экономически значимых секторов производства и увеличения доли современной конкурентоспособной на мировом уровне продукции» [4, с. 37]. Однако, если в 2000 г. доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных предприятий составляла 10,6 %, то в 2007 г. – 9,4 %³, чего было явно недостаточно для технологической модернизации экономики. На научной сессии Общего собрания РАН в декабре 2008 г. констатировалось, что российская экономика находится, в основном, в рамках четвертого технологического уклада (ТУ) с элементами пятого, в то время как экономики основных геополитических конкурентов России функционируют, как правило, в рамках пятого ТУ и начинают осваивать элементы шестого [5].

В Концепции социально-экономического развития России на период до 2020 г. была поставлена задача преодолеть сложившееся отставание, доведя долю промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации, до 40...50 % [6], однако в 2017 г. доля таких предприятий составила лишь 9,2 %. Майский (2018 г.) указ президента переносит срок выполнения задачи на 2024 г. [1, с. 1].

В чем же причина отсутствия сдвигов в решении жизненно важной для существования государства задачи? Ответ лежит на поверхности – ошибки (непоследовательность, некомплексность и т. п.) проводимой экономической политики. На это указывают все представители экспертного сообщества. Соответственно предлагаются различные меры по устранению допущенных ошибок и введению институтов, способствующих преодолению сложившейся ситуации. Вместе с тем, действенность таких мер зависит от того, насколько они опираются на фундаментальные положения экономической теории.

Главным двигателем технологического развития является конкуренция предпринимателей, о чем писал еще К. Маркс, ссылаясь на публикации полуторавековой давности [7]. В XX в. это положение легло в основу теории экономического развития Й. Шумпетера [8]. В Стратегии инновационного развития России до 2020 г. отмечается, что отсутствие предпринимательского интереса к использованию технологических инноваций (в частном и в государственных секторах) является ключевой проблемой, сдерживающей технологическую модернизацию российской экономики [9].

Отсюда следует необходимость устранения институтов, ограничивающих свободу предпринимательской деятельности, прежде всего институтов ее государственного директивного планирования [10]. Функционирование экономических систем советского типа подтверждает теорию. Обеспечив мобилизацию ресурсов и их концентрацию для решения масштабных экономических и научно-технологических задач, эти системы демонстрировали впечатляющие результаты на выбранных направлениях. С другой стороны, эти же механизмы директивного планирования экономической деятельности оказались неспособными решить задачи перевода экономики в целом на новые технологичес-

³ Здесь и далее, если не указано иное, использованы данные Росстата.

кие уклады и обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие, что обусловило «возвращение» к рыночным механизмам хозяйствования.

Экспертное сообщество не отрицает, что в российской экономике, несмотря на переход к рынку, присутствует избыточное вмешательство в предпринимательскую деятельность. Как правило, это отмечается в тех сферах, где его не должно быть. В то же время там, где оно необходимо, налицо дефицит регулирующей роли государства. Результатом является снижение предпринимательского интереса к использованию технологических инноваций.

Рассматривая развитие российской экономики в исторической ретроспективе, отметим, что с переходом на индустриальную базу экономического роста и на протяжении всей своей истории она находилась в положении догоняющей. Так было в период первой индустриализации России в начале XVIII в., второй на рубеже XIX–XX вв. и третьей в 1930-е гг.

При всей условности показателя выработки ВВП в расчете на одного занятого он может служить иллюстрацией организационно-технологического уровня производства в России в сопоставлении с другими технологически развитыми странами на протяжении XX в. Так, в начале века российская экономика (в границах Российской империи без Польши и Финляндии) отставала от США в 4 раза, а от Западной Европы в 2,5 раза, и такой разрыв сохранялся до начала Первой мировой войны. В ходе индустриализации 1930-х гг. удалось восстановить указанное соотношение после разрухи, вызванной военными действиями и дезорганизацией хозяйства (табл. 1).

После Второй мировой войны к 1980 г. СССР удалось существенно сократить разрыв. Однако затем отставание в освоении возможностей нового ТУ привело к нарастанию отставания в производительности труда, а последующий системный кризис вернул ситуацию к началу века по отношению к США, разрыв относительно Западной Европы увеличился почти в 1,5 раза (табл. 2).

Таблица 1

**Выработка ВВП в расчете на одного занятого в России, % от стран
(рассчитано по данным [11, с. 539, 540, 544])**

Годы	1900 ¹	1913 ¹	1929 ²	1938 ²
США	24,2	23,5	17,6	22,3
Западная Европа	41,4	46,8	40,9	42,8

¹ Территория Российской империи без Польши и Финляндии; ² в границах СССР.

Таблица 2

**Выработка ВВП в расчете на одного занятого в России, % от стран
(рассчитано по данным [11, с. 539, 540, 544])**

Годы	1900 ¹	1960 ²	1980 ²	1990 ²	2000 ³
США	24,2	49,0	48,5	38,3	23,4
Западная Европа	41,4	89,5	74,9	59,7	28,6

¹ Территория Российской империи без Польши и Финляндии; ² в границах СССР; ³ в границах РФ.

В этой связи можно предположить наличие общих для всех периодов экономического развития России механизмов, тормозящих ее технологическую модернизацию. При этом речь не идет об отставании научно-технологической мысли России. Наиболее ярким примером может служить создание универсального парового двигателя, положившего начало первой промышленной революции. Созданный впервые в России и показавший свою экономическую эффективность всего за полгода эксплуатации, он был выброшен после первой поломки. В результате промышленная революция началась не в России, а в Великобритании, где аналог такого двигателя был запатентован двадцатью годами позже. Аналогичные примеры есть и в других областях (от радио, телевидения, авиации до кибернетики и генетики).

С учетом изложенного общей чертой экономической жизни России является огромная роль государства в организации экономической жизни общества. Особенно ярко это проявилось в ходе технологических модернизаций. В период правления Петра I именно государство выступило драйвером технологической модернизации. Идеолог второй модернизации С. Витте отмечал: «Правительство... должно было энергично войти в самую глубь интересов разнообразных отраслей народного хозяйства и положительным воздействием возбуждать и поддерживать частную предприимчивость в желательном направлении» (цит. по [12, с. 160]). В СССР роль государства в регламентировании деятельности субъектов экономической жизни была доведена до максимально возможных пределов. Однако, как уже указывалось, применение таких полномочий для реализации мобилизационного эффекта возможно лишь на отдельных направлениях и на относительно короткий период времени. Об этом свидетельствуют и затухание модернизационного импульса, заданного Петром I, и резкое замедление темпов роста важнейших экономических показателей в третьей советской пятилетке (1938–1940 гг.) при существенном отставании от плановых показателей (табл. 3). Последнее послужило причиной созыва XVIII конференции ВКП(б) 15–20 февраля 1941 г., на которой в качестве главных причин неудовлетворительного положения дел отмечались низкая эффективность производства, нарушения технологической дисциплины, срывы планов внедрения новой техники [13, с. 194].

Аналогичная ситуация сложилась во время восьмой советской пятилетки (1956–1960 гг.), в результате ее выполнение было прервано в 1958 г. под предлогом перехода к семилетнему планированию. Неудовлетворительное выполнение планов стало причиной смены высшего руководства СССР в 1964 г. Однако после некоторого оживления

Таблица 3

Среднегодовые приросты в экономике СССР в 1938 – 1940 гг.
[14, с. 452; 13, с. 54, 56, 77; 15, с. 41; 16, с. 56]

Показатели	1933–1937 гг.	1938–1940 гг.	
	Факт	План	Факт
Национальный доход, %	16,7	12,6	9,4
Производство электроэнергии, кВт-ч	4,5	7,7	4,0
Добыча нефти, млн т	1,4	4,8	0,9
Выплавка стали, млн т	2,4	2,1	0,2
Производство проката	1,7	1,6	0,05
Выпуск автомобилей, тыс. шт.	35,2	40,0	-18,5

экономики в 1970-х гг. вновь началось снижение темпов развития и стало нарастать технологическое отставание. Так, если в середине 1960-х гг. доля продукции, производимой на предприятиях гражданского машиностроения свыше 10 лет, т. е. морально устаревшей, составляла чуть более 16 %, то к началу 1980-х гг. она превысила 30 % [17, с. 92]. При этом лишь 14 % продукции станкостроения и 17 % приборостроения были конкурентоспособными на мировых рынках [18, с. 15]. В результате в общем объеме экспорта страны доля машин, оборудования и транспортных средств СССР (включая реэкспорт) сократилась с 21,5 % в 1975 г. до 13,6 % в 1985 г. [19, с. 575]. Все это происходило в период, когда система управления экономикой была нацелена на реализацию установки: «Соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства».

Причина заключалась не только в том, что централизованно-директивная система управления, в принципе, неспособна обеспечить технологические сдвиги в масштабах всего хозяйства. Необходимо иметь в виду, что власть государства всегда персонифицирована в конкретных госслужащих (как в центре, так и на местах). Избыточная власть государства выражается в избыточных (по отношению к объективным закономерностям функционирования рыночных отношений) полномочиях конкретных государственных служащих. Именно они, а не хозяйствующие субъекты на каждом уровне власти решают, что, как и когда производить. Такая безусловная власть неминуемо приводит к тому, что главной задачей субъектов хозяйства становится стремление не к развитию, а к «налаживанию отношений» с теми, от кого они зависят. «Издержки для бизнеса могут колебаться – ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от степени «расположения» к тебе определенных людей внутри государственного механизма. Рациональное поведение для предпринимателя в этом случае – не соблюдать закон, а найти покровителей, договориться. Но такой «договорившийся» бизнес в свою очередь будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников... вместо того, чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий» [20]. В этой ситуации у госслужащих возникает возможность конвертировать свою власть, стремление предпринимателей «договориться», в личные доходы. Технологическое развитие не рассматривается предпринимателем в качестве инструмента конкуренции.

В принципе, такая ситуация типична для любой экономики, функционирующей в условиях рыночных отношений. Президент РСПП А. Шохин в одном интервью свидетельствовал: «Как ни странно, несмотря на рыночность европейской экономики, многие боятся потерять контракты и расположение властей. Как ни странно, европейская экономика и западная не такие уж либеральные» (цит. по [21, с. 3]). Тем не менее схожая ситуация не влечет за собой того торможения технологического прогресса, которое исторически наблюдается в России. В порядке обсуждения выскажем следующее предположение.

Любому государству в силу его природы имманентна тенденция к патернализму, который при отсутствии сдерживающих механизмов может реализоваться в комплекс «Большого брата». В тех странах, где наличествуют сдерживающие механизмы, прежде всего в формах развитой политической демократии, патерналистские тенденции имеют существенные ограничения, не позволяющие в широких масштабах использовать «близость» к представителям государственной власти. В этих условиях технологическое развитие продолжает выступать в качестве одного из важнейших инструментов конкуренции.

Здесь можно привести аналогию с монополией, являющейся порождением конкуренции. Заняв господствующее положение на рынке, монополия получает возможность подавлять потенциально опасных конкурентов не только имеющимися возможностями обеспечения своего технологического превосходства, но и иными, зачастую менее затратными в применении инструментами. Отсюда присущая монополии тенденция к технологическому застою. Однако в реальной экономической жизни данный сценарий не реализуется в «чистом» виде. На рынке (особенно глобальном) всегда присутствует пусть ограниченное, но достаточное для конкуренции число производителей (пример – «Boing» и «Airbus»), что стимулирует борьбу за технологическое превосходство. К тому же государство, понимая негативные стороны монополизма, нивелирует их различными способами – вплоть до принудительного разделения сложившихся монополий. Таким образом, технологическое развитие продолжает оставаться действенным инструментом конкуренции.

Однако в России механизмы ограничения власти государства не получили развития. В результате государство присутствовало в экономике не только в силу экономической целесообразности, но и сверх того – избыточно. Предприниматели пользовались этой ситуацией как главным инструментом конкуренции вместо того, чтобы применять организационно-технологические новшества.

Представляется, что данная ситуация в России является следствием объективных обстоятельств. Размеры территории российского государства, ее географические и природные характеристики, демографические и цивилизационные параметры населения, геополитическое положение, сохранение целостности (политической и экономической) государства требуют активного использования мобилизационных механизмов. Последние могут быть реализованы лишь через развитие вертикальных систем управления политической и экономической жизнью общества,⁴ что неминуемо тормозит развитие политических и экономических свобод. Такая ситуация вызывала устойчивые тенденции к сдерживанию социально-экономического развития. В этом смысле «избыточность» присутствия государства в российской экономике с точки зрения как теории «чистой» рыночной экономики, так и государств, чья экономика успешно развивается на базе этой теории, должна рассматриваться не как нечто негативное, а как объективно необходимое условие выполнения российской экономикой главной функции – быть материальным фундаментом сохранения целостности государства.

Судя по всему, в обозримом будущем исторически сложившаяся в России роль государства в экономике будет сохраняться. А это означает, что Россия должна обеспечить поддержание своего места в качестве одного из мировых центров силы при сохранении определенного технологического, а следовательно и социально-экономического, отставания от стран-лидеров современного мира. Экономическая стратегия России не должна ставить задачу достижения всеобъемлющего технологического лидерства – такая постановка будет означать нерациональное расходование ресурсов. Необходимо сосредоточиться на тех направлениях технологического развития, которые являются критическими для гарантированного поддержания национальной безопасности.

⁴ «Весь наш исторический опыт свидетельствует: такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического или экономического – перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада» [22].

При этом, учитывая складывающиеся реалии, наряду с традиционными сферами национальной безопасности, особое внимание следует уделить технологической базе, обеспечивающей безопасность в сфере денежного обращения и фондового рынка.

Задачей обществоведческой мысли становится научное обоснование институтов, с одной стороны, обеспечивающих пресечение злоупотреблений властными полномочиями со стороны органов государственной власти и их представителей, с другой – не допускающих, чтобы такие действия превращались в борьбу за ослабление объективно необходимой роли российского государства в регулировании политической и экономической жизни общества. Последствия победы в такой борьбе ярко проявились в России в конце XX в. Возможно, нам следует внимательно изучить опыт Китая, экономика которого также функционирует при активном государственном вмешательстве в деятельность хозяйствующих субъектов. Злоупотребления представителей госаппарата в Китае, по некоторым оценкам, не меньше, чем в России. Тем не менее обеспечиваются те темпы и качество роста, которые при сохраняющемся технологическом отставании от индустриально-развитых стран Запада позволяют Китаю уверенно чувствовать себя в системе глобальной экономики и в геополитике.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2017 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [www // http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf](http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf)
2. Лунев, С. И. Социально-экономическое развитие крупнейших стран Евразии: цивилизационный контекст / С. И. Лунев // Восток – Запад – Россия: сб. статей. – М.: Прогресс – Традиция, 2002.
3. Рыжков, Н. И. О перестройке управления народным хозяйством на современном этапе экономического развития страны / Н. И. Рыжков. – М.: Политиздат, 1987.
4. Основные направления социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу: проект. – 2001 г. // <http://www.economy.gov.ru/document.html>
5. Научная сессия Общего собрания РАН «Научно-технологический прогноз – важнейший элемент стратегии развития России // Вестник РАН. – 2009. – Март. – Т. 79, № 3.
6. Концепция долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года // <http://static.government.ru/media/files/aaooFKSheDLiM99HEcyrygtfmGzrnAX.pdf>
7. Маркс, К. Капитал. – Т. 1. – Гл. 10 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 23.
8. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
9. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. // static.government.ru/media/files/4qRZEpm161xctpb156a3ibUMjILtn9oA.pdf
10. фон Хайек, Ф. А. Дорога к рабству / Ф. А. фон Хайек; пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2005.
11. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. – М.: Экономистъ, 2003.
12. «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур». Записка Минфина. Утв. 30.10.1893 г. // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. – М.: Институт российской истории РАН, 2016.
13. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 7.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1984. – Т. 4.

15. Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М.: Финансы и статистика, 1987.
16. Страна Советов за 50 лет. – М.: Статистика, 1967.
17. Плановое хозяйство. – 1985. – № 4.
18. Рыжков, Н. И. О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг. / Н. И. Рыжков. – М.: Политиздат, 1986.
19. Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник. – М.: Финансы и статистика, 1986.
20. Путин, В. Нам нужна новая экономика / В. Путин // Ведомости. – 30.01.2012.
21. Сила слабого рубля // Российская газета. – 22.06.2015.
22. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ // <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>

D. E. Sorokin. Political economy of Russia's technological modernization. The article reveals objective reasons giving rise to the historically established trend of catching up with the technological development of Russia. The hypothesis that economic development requires not only technological development, but also access to state power. However, it is noted that the excessive presence of the state in the Russian economy is due to a number of unavoidable objective circumstances - from natural-geographical to geopolitical. Based on this basis, it is concluded that in order to achieve comprehensive technological leadership and prevent critical technological lag in those sectors of the economy that are critical for ensuring national security. Secondly, the creation of institutions to prevent overgrowth.

Keywords: technological modernization, productive forces, competition, the state, economic strategy, technological leadership, institutions.

О. Н. Смолин¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА²

Рассматривается одна из важнейших проблем социальной и экономической политики России: связь между этими направлениями внутренней политики государства, в том числе между доходами населения и экономическим ростом. На основе решения Московского академического экономического форума (май 2019 г.) и анализа работ виднейших экономистов (А. Г. Аганбегяна и др.) делается вывод об обратной зависимости экономического роста от социальной политики правящей политической элиты. Показано, что искусственное сдерживание роста доходов населения тормозит экономический рост и не позволяет реализовать важнейшую национальную цель, заявленную в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204, – обеспечение экономического прорыва и темпов развития отечественной экономики выше среднемировых.

Ключевые слова: экономический кризис, стагнация, международные санкции, темпы экономического роста, прогнозы социально-экономического развития, отток капитала, ключевая ставка ЦБ РФ, реальный сектор экономики, платежеспособный спрос, национальное богатство.

УДК 330.352

В апреле 2019 г. в Совете Федерации на экспертной сессии Вольного экономического общества патриарх российской экономической науки академик А. Г. Аганбегян представил свою новую книгу «О приоритетах социальной политики».

В мае того же года в рамках Московского академического экономического форума (МАЭФ) была принята резолюция, подписанная президентом Российской академии наук А. М. Сергеевым и президентом Вольного экономического общества профессором С. Д. Бодруновым: «Состоявшийся по инициативе Вольного экономического общества России (ВЭО России), Российской академии наук (РАН) и Международного союза экономистов (МСЭ) 15–16 мая 2019 года первый международный Московский академический экономический форум (МАЭФ), собравший более двух с половиной тысяч участников из 62 регионов России, а также 24 стран Европы, Азии, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки, представляющих академическое, научно-экспертное и университетское сообщества, считает необходимым донести основные позиции его участников до органов государственной власти Российской Федерации и широкой общественности» [1].

Мы представили депутатам анализ и предложения отечественной академической экономической науки, которые могли бы стать платформой для широкого национального согласия.

¹ Олег Николаевич Смолин, профессор, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, д-р филос. наук, академик РАО, e-mail: smolin@duma.gov.ru

² В основу статьи положен расширенный текст выступления на пленарном заседании Государственной Думы (см. стенограмму пленарного заседания от 19 сентября 2019 года).

1. Не успев выйти из кризиса 2008–2009 гг., экономика страны оказалась в состоянии стагнации, которая началась в 2013 г. – за год до начала международных санкций и наших контрсанкций. Неслучайно в конце 2014 г. Президент России утверждал, что на 25 % экономические проблемы России от санкций, а на 75 % «мы сами не доработали».

По данным научного руководителя Института народнохозяйственного прогнозирования РАН академика В. В. Ивантера, в 2008–2013 гг. темпы роста российской экономики выросли на 1,2 %³; в 2014–2017 гг. снизились на 0,2 %. По данным академика А. Г. Аганбегяна, в 2013–2018 гг. темпы роста увеличились на 0,4 %. По оценкам первого заместителя Председателя Правительства, министра финансов РФ А. Г. Силуанова, в 2018 г. экономический рост был рекордным – 2,3 %, однако в 2019 г. экономика практически остановилась (табл. 1).

Таблица 1

Экономический рост: перспективы 2019 г.

Согласно федеральному бюджету на 2019 г.	+ 1,3 %
Согласно прогнозам председателя Счетной палаты РФ А. Л. Кудрина	+ менее 1 %
Фактический экономический рост за первое полугодие	+ 0,7 %
Динамика доходов граждан России за первое полугодие 2019 г. (по данным Росстата)	– 1,3 %

2. Среднесрочные перспективы экономического роста в стране весьма неопределенны и расходятся даже на уровне официальных прогнозов, которые постоянно меняются (преимущественно в сторону понижения).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 российская экономика к 2024 г. должна войти в пятерку крупнейших экономик мира, развиваясь темпами выше мировых при инфляции не выше 4 %⁴.

По прогнозу, заложенному в Федеральный закон от 29.11.2018 № 459-ФЗ «О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов», темпы роста ВВП страны должны составить: 2019 г. – (+1,3% к 2018 г.); 2020 г. – (+4,64 % к 2019 г.); 2021 г. – (+6,93 % к 2020 г.). Однако, согласно Федеральному закону от 02.12.2019 № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 г. и на плановый период 2021 и 2022 годов», план роста ВВП на 2020 г. снижен с первоначально предполагавшихся 2,1 % до 1,7 %, т. е. по отношению к росту, запланированному № 459-ФЗ (4,64 %), – более чем в 2,5 раза.

³ См. выступление В. В. Ивантера на IV Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе (СПЭК – 2018) «Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Будущее» (2 апреля 2018 г.).

⁴ В настоящее время ВВП России в долларовом исчислении составляет 1,77 % от мирового – 12-е место; 5-е место занимает Великобритания – 3,84 %. В пересчете по паритету покупательной способности доля ВВП России в общемировом оценивается в 3,21 % – 6-е место; на 5-м месте находится Германия (3,33 %).

«Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2], подготовленный Минэкономразвития РФ, дает совершенно другие показатели роста ВВП: 2019 г. – 1,3 %; 2020 г. – 2,0 %; 2021 г. – 3,1 %; 2022 г. – 3,2 %; 2023 г. – 3,3 %; 2024 г. – 3,3 %.

С учетом прогнозируемого снижения роста мирового ВВП с 3,9 % в 2018 г. до 3,2 % к 2024 г. рост российской экономики может достигнуть мировых темпов лишь к 2024 г., а превысить их должен за пределами шестилетнего периода.

Согласно консервативному сценарию Минэкономразвития, в 2020 г. рост ВВП составит 1,1 %, далее будет возрастать и к 2024 г. выйдет на уровень 2,5 %: 2021 г. – 1,9 %; 2022 г. – 2,3 %; 2023 г. – 2,5 %; 2024 г. – 2,5 % [2].

Очевидно (и это подтверждается экспертами Финансового университета при Правительстве РФ⁵), что прогноз не обеспечивает реализации главных задач, поставленных в Указе Президента РФ.

Во-первых, чтобы реализовать предусмотренное указом увеличение ВВП на душу населения к 2024 г. в 1,5 раза, необходимы темпы экономического роста на уровне 7,2 % ежегодно. Однако прогноз даже по оптимистическому сценарию предусматривает лишь 2,8 %, т. е. в 2,5 раза меньше. Экономический прорыв, провозглашенный Президентом РФ, фактически отменяется.

Во-вторых, согласно прогнозу, уровень реальных доходов граждан в 2024 г. лишь на 1 % превысит аналогичный показатель 2013 г. С точки зрения социальной политики 2014–2023 гг. оказываются потерянными десятилетием. Совершенно не понятно, как предполагается решать задачу двукратного снижения бедности в стране, если доходы граждан не растут.

Члены Правительства РФ неоднократно заявляли об ускорении экономического роста в результате реализации национальных проектов. Однако ожидаемый дополнительный экономический эффект в результате реализации таких проектов (4 трлн рублей в год) составит:

- по данным «Альфа-банка» – (+ 0,2 %) в год;
- по данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН – (+ 0,6 %) экономического роста.

Того и другого явно недостаточно для реализации национальных целей, поставленных в Указе Президента РФ № 204.

Еще более скептически оценивает ситуацию председатель Счетной палаты РФ А. Л. Кудрин [3]: «Это настолько сложно – добиться 3 % роста в год, это сверхтяжелая задача. Многими нацпроектами она не решается». Поскольку прогнозы Минэкономразвития и А. Л. Кудрина представляются нам гораздо более реалистичными, есть основания полагать, что при продолжении современной экономической и социальной политики еще в течение шести лет отставание отечественной экономики от мировой будет нарастать, а в общей сложности период нарастания такого отставания составит, как минимум, 16 лет – 2008–2023 гг. И это при благоприятном сценарии развития, если не сбудутся прогнозы относительно ожидаемого мирового экономического кризиса.

3. По мнению академика А. Г. Аганбегяна, стагнация принципиально отличается от кризиса, как минимум, по двум позициям [4, с. 10–18]:

⁵ Оценка прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период 2019–2024 годов (сентябрь, 2019 г.).

- во-первых, в самой природе кризиса заложены механизмы его преодоления, тогда как стагнация таких внутренних механизмов не имеет;

- во-вторых, в отличие от кризиса, стагнация может продолжаться сколь угодно долго.

Поэтому преодоление стагнации требует чрезвычайных усилий со стороны власти.

4. Приведем выполненный А. Г. Аганбегяном анализ причин стагнации отечественной экономики, связанных с экономической политикой правительства [4, с. –116]:

1. *Отток капитала*: в 2008–2018 гг. утечка капитала из страны на 840 млрд долларов превысила его приток, т. е. происходила со средней скоростью почти 80 млрд в год. По данным Росфинмониторинга, незаказанный вывоз капитала из страны, например, в 2017 г. составлял именно 80 млрд долларов.

2. *Бюджетная политика*: в 2013–2018 гг. в постоянных ценах расходы консолидированного бюджета страны сокращались. На взгляд академика, с которым трудно не согласиться, профицит бюджета при стагнации экономики и росте бедности есть социальный и экономический абсурд⁶.

⁶ Тема инфляции, доходов граждан и профицита бюджета 26 сентября 2019 г. стала предметом дискуссии при рассмотрении проекта федерального закона «Об исполнении федерального бюджета за 2018 год». *Мой вопрос* А. Л. Кудрина: «...после недавней дискуссии между президентом и министром экономики возникает вопрос о достоверности статистики, на основе которой рассчитывается бюджет. Напомню: министр утверждал, что инфляция снижается ниже официальных показателей, а президент заметил, что это ЦБ подкручивает статистику. С кем согласна Счетная палата: инфляция действительно снижается или статистику подкручивает ЦБ, или Минэкономразвития, или все вместе? Как оценивает Счетная палата инфляцию общую – средний рост цен и социальную – рост цен на товары первой необходимости? Почему, несмотря на профицитный бюджет, доходы граждан не растут?»

Ответ А. Л. Кудрина (воспроизводим фрагментарно):

1. «Я считаю статистику по инфляции достоверной. [...] Это мандат Центрального банка влиять на инфляцию. [...] ... я это воспринял как то, что инструменты так были задействованы, что инфляция пошла ниже... Я в этом смысле понял, а не в смысле недостоверности тех показателей, которые применяются».

2. Председатель Счетной палаты признал, что инфляция по товарам первой необходимости зачастую растет быстрее, чем общая средняя инфляция: «В этом смысле на эту группу товаров нужно обращать внимание, и поддержке социально незащищенных слоев населения, скорее, ориентировать по такой инфляции...».

3. Реальные доходы населения зависят прежде всего от экономического роста, но по социально незащищенным группам населения доходы больше зависят от бюджетных выплат.

4. В России нет бедных пенсионеров, поскольку они получают доплаты до прожиточного минимума (это заявление вызвало в стране бурную дискуссию).

5. Один из факторов падения реальных доходов – рост платежей населения по кредитам и ипотеке.

6. «... профицит бюджета – это то, что не тратится государством. В этом смысле он ничем не может помочь в снижении реальных доходов населения».

В последнее время А. Л. Кудрин неоднократно выступал с предложениями уменьшить профицит бюджета и направить часть средств на развитие человеческого потенциала. Задавая вопрос, я рассчитывал получить поддержку Счетной палаты в присутствии министра финансов. Однако ответ А. Л. Кудрина показал, что его позиция по-прежнему много ближе Минфину, чем экспертному сообществу.

3. *Высокая ключевая ставка* Центрального банка и дорогой кредит. Несмотря на неоднократное снижение этой ставки в последнее время, она составляет 6,5 % против 1...2 % в странах-конкурентах. В результате средняя ставка по кредиту для производственных целей в России составляет около 12 %, причем снижение ключевой ставки ЦБ в краткосрочной перспективе не приводит к снижению этого показателя в государственных и частных банках.

4. *Высокие налоги* для реального сектора экономики. В частности, повышение НДС на 2 % – одна из главных причин замедления темпов экономического развития России в 2019 г. по сравнению с 2018 г.

5. *Выбытие основных фондов* (особенно в машиностроении) со скоростью 0,5 % в год. Так, 23 % основных фондов в стране работают дольше нормативных сроков амортизации.

6. *Низкий уровень инвестиций в основной капитал*: 17 % в год вместо минимально необходимого для роста 21 %.

7. *Снижение объемов жилищного строительства* с 85 млн м² в 2015 г. до 75 млн м² в 2018 г. При этом снижение объемов строительства на 5 % в год означает падение ВВП на 1 %! Ряд экспертов прогнозируют замедление темпов жилищного строительства по сравнению с плановыми в связи с введением в действие федерального закона от 27.06.2019 № 151-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации». По этому закону застройщикам разрешено собирать средства с граждан только посредством введения эскроу-счетов.

5. Согласно анализу академика А. Г. Аганбегяна, стагнацию вызывает и усиливает не только экономическая, но и социальная политика правительства [4, с. 109–116]:

1. *Падение* в течение шести лет *уровня жизни населения*, которое приводит к снижению платежеспособного спроса. По оценкам Федерации независимых профсоюзов России, доходы более 50 % российских работников и подавляющего большинства пенсионеров ниже минимального потребительского бюджета (по данным ФНПР, это около 39 тыс. рублей). Однако экономическая наука обращает внимание на другое: низкие доходы тормозят экономическое развитие. Бизнес не имеет стимулов для производства товаров, поскольку их невозможно продать. Неслучайно президент проводил специальное совещание с членами правительства по поводу медленного роста (читай – падения) доходов граждан⁷. Правда, после этого расходы на социальную политику в бюджете 2020 г. увеличены лишь на 3 %, что более чем вдвое ниже среднего роста бюджетных расходов.

2. *Снижение рождаемости* в течение трех лет примерно на 300 тыс. человек, что не компенсируется даже миграционным притоком населения.

3. *Высокая смертность* в трудоспособном возрасте. По некоторым оценкам, она втрое выше, чем была в середине 1960-х гг., а номинальное увеличение продолжительности жизни достигнуто лишь за счет снижения младенческой смертности. Между тем, по оценкам А. Г. Аганбегяна, смерть одного человека в трудоспособном возрасте приводит к потерям доходов бюджетной системы в среднем на 4,4 млн рублей.

⁷ Совещание с членами Правительства. Москва, Кремль, 25 августа 2019 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61643>. (Дата обращения: 06.09.2019).

4. *Сокращение численности трудоспособного населения на 5 млн человек с 2010 г.*

5. *Недопустимо низкий уровень вложений в человеческий капитал.* По данным академика А. Г. Аганбегяна, доля экономики знаний составляет в США 40 %, в Евросоюзе – 30 %, в России – 14 %. При этом в федеральном бюджете на 2020 г., как и годом ранее, предусмотрено выделение 100 млрд рублей в виде трансфертов (субсидий) региональным бюджетам на заработную плату работников бюджетной сферы.

6. Анализ ситуации специалистами МАЭФ и академиком А. Г. Аганбегяном не сильно отличается от того, о чем регулярно говорят депутаты от оппозиционных фракций в Государственной Думе. Не слишком отличается и предложенная учеными программа в области экономической и социальной политики. Прочитую в очередной раз обращение МАЭФ: «Реализация имеющегося потенциала социально-экономического развития, по мнению участников МАЭФ, возможна при условии *существенной корректировки* сложившихся приоритетов экономической политики.

Осуществление прорывного технологического развития требует постановки этой цели в качестве приоритетной, подчинения ей всех мер *бюджетной, налоговой и денежно-кредитной политики.*

Необходимо всемерно использовать накопленный опыт достижения успеха в отраслях *ОПК и аграрной сфере*, распространяя его на приоритетные отрасли, обеспечивающие необходимые структурные сдвиги и рост производительности труда.

Необходимо в полном объеме ввести в действие принятый еще в 2014 г. Закон о стратегическом планировании, обеспечив тем самым системное развитие экономики, снижая *неопределенность экономической политики, являющейся, по оценке предпринимательского сообщества, тормозом инвестиционной активности*» [1].

Из текста следует, что Российская академия наук и Вольное экономическое общество:

- а) признают современную экономическую политику тормозом инвестиционной активности;
- б) требуют ее существенной корректировки;
- в) считают необходимым подчинить бюджетную, налоговую и финансовую политику задачам обеспечения экономического прорыва;
- г) настаивают на полноценном введении в действие закона о стратегическом планировании.

Помимо этого, по мнению академика А. Г. Аганбегяна, полумерами экономическую стагнацию преодолеть невозможно.

7. Одним из важнейших с точки зрения практической политики и управления остается вопрос: на чем может и должен базироваться экономический прорыв? Распространено мнение, что источником процветания России должны быть ее природные богатства. Однако сравнительно недавно была опубликована их официальная оценка (табл. 2).

Если эти данные верны, то разведанные запасы нефти в России в денежном выражении сопоставимы с двумя федеральными бюджетами, а запасы золота – около 2,5 % от величины одного бюджета. При этом, по мнению ведущих экономистов, во всех развитых странах человеческий капитал уже давно оценивается в 1,5...2 раза выше, чем накопленное вещное богатство. Полагаю, что ситуация в России аналогична.

Другими словами, построить экономику XXI в. главным образом на природных богатствах невозможно. Более того, еще в XX в. хорошо известна история экономического прорыва Японии при практическом отсутствии у нее природных богатств, а на

Таблица 2

Оценка природных ресурсов России

Природные богатства	Официальная оценка	Доля от расходной части годового федерального бюджета (приблизительная оценка), %
Нефть	39,6 трлн р.	Два годовых фед. бюджета
Газ	11,3 трлн р.	~ 56,5
Коксующийся уголь	2 трлн р.	~ 10
Железная руда	808 млрд р.	~ 4
Золото	480 млрд р.	~ 2,5
Алмазы	505 млрд р.	~ 2,5
Лес	500 млрд р.	~ 2,5

рубеже веков – история экономического прорыва Китая при сравнительно скромных запасах нефти и газа. Не случайно популярные в начале XXI в. заявления о России как о великой энергетической державе в настоящее время практически отсутствуют.

Однако в последние годы общественному сознанию все чаще предлагается другой миф – о нефтяном проклятье. На нем явно или не явно держится представление о том, что страна не должна тратить нефтегазовые доходы, которые якобы достаются ей даром. На самом деле эти доходы следует вкладывать в высокие технологии и человеческий потенциал нации.

8. В переводе на язык конкретных предложений в области экономической политики, сформулированных академиком А. Г. Аганбегяном, это означает [4, с. 12–19]:

1. *Форсированный рост инвестиций* в современное производство и человеческий капитал не менее чем на 10 % ежегодно. В этом случае через три года есть реальные шансы получить экономический рост более 3 % ВВП в год.

2. *Увеличение расходов* по отношению к современному уровню:

- на развитие производства – не менее чем на 2 трлн рублей в год (особенно в электронику, фармацевтику, строительство);

- на развитие человеческого капитала – не менее чем на 1,5 трлн рублей в год.

3. *Снижение ключевой ставки ЦБ* до 3...4 %.

4. *Дешевый банковский кредит* – не более 5 % годовых, в том числе на развитие инфраструктуры – не более 3 % годовых.

5. *Снижение налогов на реальный сектор экономики*, в том числе увеличение инвестиционных налоговых льгот и налоговых каникул.

6. *Переход к дефицитному бюджету*. Дефицит бюджета в 3 % ВВП (около 3 трлн рублей) безопасен и необходим для экономического роста.

9. Московский академический экономический форум выразил крайнее неудовлетворение политикой искусственного сдерживания роста доходов населения [1]:

- «... необходим пересмотр политики роста реально располагаемых денежных доходов населения;

- сценарии их восстановления *до уровня 2013 г. лишь к 2023 г.* несовместимы с задачами *двукратного сокращения бедности* и технологического прорыва.

Сдерживание роста реально располагаемых денежных доходов населения неизбежно *сужает внутренний рынок* и тем самым *дестимулирует инвестиционную активность предпринимателей*».

В свою очередь, академик А. Г. Аганбегян сформулировал конкретные предложения в области социальной политики [4, с. 430–433]:

- прожиточный минимум – не менее 20 тыс. рублей;
- минимальная зарплата и пенсия – не менее 25 тыс. рублей;
- медианный доход граждан – не менее 40 тыс. рублей;
- средняя зарплата – не менее 65 тыс. рублей.

Очевидно, речь может идти только о поэтапном движении в этом направлении, но не об однократном действии. В противном случае ситуация будет развиваться по формуле классика российской словесности В. С. Черномырдина: «... мы продолжаем делать то, что мы уже много наделали»!

Примечательно, что, когда фракция КПРФ внесла законопроект о поэтапном повышении минимальной заработной платы до 25 тыс. рублей, нас обвинили в популизме и безответственности. Интересно, что сказали бы наши обвинители патриарху российской академической науки академику А. Г. Аганбегяну, а равно и президенту РАН академику А. М. Сергееву или президенту ВЭО профессору С. Д. Бодрунову?»

10. Я обратился к руководству Государственной Думы с предложением: поручить Комитетам Государственной Думы по экономической политике; по бюджету и налогам; по труду, социальной политике и делам ветеранов; по промышленности совместно с правительством проанализировать материалы МАЭФ и предложения академика А. Г. Аганбегяна с приглашением авторов. По итогам обсуждения принять соответствующие рекомендации Правительству РФ.

Закончить хочу строками, пожалуй, самого философского из российских поэтов – Евгения Баратынского:

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежды и волненья,
Иль безнадежность и покой.

До сих пор правительство явно выбирало «безнадежность и покой». Пора поменять парадигму, иначе из стагнации страна не выйдет и экономический прорыв не состоится.

Отставка Правительства Российской Федерации 15 января 2020 г. может служить симптомом того, что в рамках обозначенной дилеммы Президент России выбрал «надежды и волненья»...

Список литературы

1. Обращение Московского академического экономического форума (МАЭФ). URL: <https://maef.veorus.ru/about/archive/2019> (Дата обращения 03.09.2019).
2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593/prognoz24svod.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593> (Дата обращения: 09.12.2018).

3. Председатель Счетной палаты РФ А. Л. Кудрин на X Гайдаровском форуме «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды». (М., 2019, 16 января) // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20190116/1549456785.html> (Дата обращения: 17.01.2019).

4. Аганбегян, А. Г. О приоритетах социальной политики / А. Г. Аганбегян. – М., 2018.

O. N. Smolin. Economic growth and social policy. The article is devoted to one of the most important problems of social and economic policy of Russia, namely the issue of the relationship between these two areas of domestic policy of the state, including the relationship between household income and economic growth. Since 2013, the Russian economy has been stagnating, and citizen's incomes have not grown over the past six years. Based on the decisions of the Moscow academic economic forum and the work of prominent economists (Aganbegyan and others), the author seeks to show the inverse dependence of economic growth on the social policy of the ruling political elite. In particular, artificial restraint of growth of incomes of the population hinders economic growth and does not allow to implement the most important national goal stated in the Decree of the President of the Russian Federation of may 7, 2018 №. 204 – ensuring an economic breakthrough and the rate of development of the domestic economy above the global average. The article is based on the author's speeches at the Moscow academic economic forum and plenary sessions of the state Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The resignation of the Government of the Russian Federation in January 2020 can serve as indirect proof of the correctness of this position.

Keywords: economic crisis, stagnation, international sanctions, economic growth rate, forecasts of socio-economic development, capital outflow, key rate of the Central bank of the Russian Federation, real economic sector, effective demand, national wealth.

Г. Б. Клейнер¹

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА НОВОГО ВЕКА: ЭКОНОМИКА ПОСТЗНАНИЙ²

Анализируются основные особенности стадии развития российской и мировой экономики, следующей за стадией экономики знаний. Если на стадии экономики знаний основным ресурсом и результатом экономической деятельности является знание, то на следующей стадии, названной в статье «экономикой постзнаний», основным фактором и результатом производства становится интеллект. Под интеллектом понимается способность человека, коллектива, общества выявлять возникающие проблемы и находить пути их решения. Интеллект становится драйвером перехода от имеющегося знания к новому знанию через осознание незнания. Естественный, искусственный и социальный интеллект объединяются в понятие системного интеллекта. Исследуются основные экономические характеристики нового высокоинтегрированного общества, формулируются требования к его членам.

Ключевые слова: экономика знаний, интеллект, интеллектуальная экономика, интеллигентность, образование.

УДК 330.352

Введение

Развитие российской экономики и общества в первые 20 лет XXI в. привело к ситуации «ожидания перемен» [1]. Речь идет не о смене власти, а об осознании системных проблем, накопившихся в обществе и не имеющих очевидного решения. С учетом вековой цикличности общественного развития России можно сделать вывод, что российская экономика в начале 2020 г. находится на пороге нового века. При этом новый век будет начинаться не с нулевых, а с 2020-х гг. (как это было в XIX, XX и других веках в истории России). Чтобы понять фундаментальные особенности наступающего века, необходимо «заглянуть за горизонт» и сформулировать определяющие черты не только данного, но и следующих за ним циклов.

Обычно считается, что после экономики труда и капитала нас ждет экономика знаний, где труд и капитал станут лишь промежуточными факторами, ведущими от имеющегося знания как ресурса к новому знанию как результату [2–5]. Ниже мы показываем, что в перспективе роль основного ресурса и результата экономической деятельности должна перейти к интеллекту как к способности человека, коллектива, об-

¹ *Георгий Борисович Клейнер*, заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, зав. кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, профессор, e-mail: george.kleiner@inbox.ru

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00835.

щества опознавать и осознавать возникающие проблемы и находить пути их решения. Естественный, искусственный и социальный интеллект объединяются понятием системный интеллект, свойственным в разной степени различным социально-экономическим и социотехническим структурам. Знание здесь выступает как один из ресурсов интеллектуальной деятельности. В итоге следующий за экономикой знаний период социально-экономического развития страны может именоваться «экономикой постзнаний».

1. От экономики знаний к экономике постзнаний

Традиционное представление о периодизации общественного развития опирается на трехэтапную последовательность стадий: *индустриальная экономика* – экономика, основанная на производстве товаров при широком применении машин как основного средства труда; *постиндустриальная экономика*, в которой приоритет переходит от производства товаров к производству услуг; *экономика знаний*, характеризующаяся высокой долей знаний как ключевого фактора и результата экономической деятельности. Заметим, что на всех указанных стадиях взаимодействие между производителем продукта и его потребителем носит, как правило, кратковременный, «импульсный» характер. В экономике товарного производства после реализации товар «отделяется» от производителя и переходит под контроль потребителя. Образно говоря, работает своеобразная «товарная гильотина», разрывающая связь между товаром и его производителем. Даже в случае послепродажного обслуживания права собственности на товар обычно принадлежат приобретателю, а не производителю. Последнее время мы видим расширение арендных взаимоотношений и случаев совместного использования благ (лизинг, шеринг, коворкинг, коливинг и т. п.). Права собственности размываются, распределяются во времени и пространстве между разными субъектами, переплетаются между собой, образуя своеобразный «ковер полномочий» [6]. В экономике знаний разрыв между создателем знания как товара и его потребителем сокращается, поскольку права на интеллектуальную собственность имеют менее жесткие границы, чем права на материальные ценности. Для экономики знаний характерны во многом те же условия создания и потребления благ, которые свойственны креатосфере [7].

Следующая за экономикой знаний стадия общественного производства – *экономика постзнаний* – будет основана не просто на передаче вновь созданных знаний от производителя (донора) к потребителю (реципиенту), но и на влиянии интеллекта производителя на интеллект потребителя. При этом уровень интеллекта относится к числу кумулятивных переменных, накапливается и обычно не снижается со временем. Поэтому между производителем и потребителем формируется тесная связь, не прекращающаяся (в отличие от товарного производства) после завершения транзакции. Именно эта связь и является основным результатом проведенной транзакции. Тем самым в экономике постзнаний проведение транзакции является ответственным решением, что влечет существенное изменение всей системы взаимодействия субъектов экономики.

Экономика постзнаний станет, по сути, отношенческой экономикой. Можно полагать, что усиление отношенческой компоненты в транзакционных контактах будет способствовать усилению влияния потребителей на деятельность производителей, а следовательно, повышению качества производимых товаров и услуг. В общем случае основными объектами межсубъектного взаимодействия в экономике постзнаний являются бинарные комплексы, включающие приращение знаний и интеллекта, возникающие в результате процессов создания, трансляции и использования знаний. Соответственно, результатом деятельности производителя является приращение его знаний

и интеллекта, которые транслируются в сферу знаний и интеллекта потребителя. В экономике постзнаний конфликт работников знания и работников экономического производства, о котором говорили П. Друкер [3] и Д. Белл [2], будет успешно преодолен [8].

Если воспользоваться популярным в России в период перехода к рынку образом «рыбы и удочки», то объектами трансакции в экономике постзнаний являются и рыба (знание), и удочка (интеллект). При этом знания играют роль предмета труда, а интеллект – средства труда. Таким образом, постзнание – это комплекс из предмета и средства труда, находящихся в тесном взаимодействии и в большинстве случаев нерасторжимых. Это обусловлено тем, что процессы создания и потребления новых единиц знания неразрывно связаны с процессами приращения интеллекта: без нового интеллекта невозможно создание и использование новых знаний.

Рассмотрим более детально экономический смысл объектов трансакций в экономике постзнаний. Согласно [9], знания или приращение знаний представляют собой обобщенные, прошедшие общественную экспертизу и институционализацию сведения о фактах или закономерностях окружающего мира. Это означает, что по содержанию знания отражают ситуацию в прошлом (факты и их обобщения, включая экстраполяцию). Иными словами, знания обращены в прошлое и, следовательно, статичны. А интеллект, используемый для получения новых знаний, обращен в будущее. Именно интеллект порождает осознание проблемы и, соответственно, несовершенство имеющихся знаний. В итоге и производитель, и потребитель в экономике постзнаний превращаются в своего рода машину производства знаний и интеллекта. Отсюда следует, что предприятия в экономике постзнаний преобразуются в своеобразные исследовательские центры, производящие новые единицы знания и развивающие свой интеллект и интеллекты своих сотрудников. Страна, экономика которой достигла стадии экономики постзнаний, становится, говоря словами В. И. Лебедева-Кумача, «страной мечтателей, страной ученых». Отметим попутно, что экономика Советского Союза в 1960–1970-е гг., в период широкого развития процессов автоматизации народного хозяйства на базе ЭВМ, была в определенном смысле близка к этому идеалу [10]. Таким образом, стадия, следующая за экономикой знаний, может быть охарактеризована как стадия интеллектуальной экономики, или экономики постзнаний.

Дуэтный характер постзнания как основной ценности, создаваемой в экономике (приращение знания плюс приращение интеллекта), ставит перед обществом новые задачи, связанные с интеграцией процессов создания нового знания и процессов освоения этого знания экономическими агентами. В масштабах макроэкономики это требует нового подхода к взаимодействию науки как источника фундаментальных знаний; образования как системы трансляции знаний; управления как организации освоения знаний; нравственного воспитания как оценки последствий принимаемых в этой сфере решений. Учитывая ограниченную отторжимость знаний от их производителя в экономике постзнаний, мы приходим к выводу о неизбежности перехода от раздельного функционирования производства, науки, образования и культуры к системе их синтетического, а в дальнейшем и синкретического функционирования. Такой синтез, характерный для эпохи донучного знания, практически исчез в эпоху формирования и развития науки как совокупности отдельных дисциплин, включая стадию экономики знаний, и должен возобновиться на новом, синтетическом уровне в эпоху экономики постзнаний.

Согласно положениям системной экономической теории, устойчивое соединение социально-экономических систем наиболее вероятно, если его участниками являются системы четырех различных типов: объектные, проектные, процессные и средо-

вые. Такой комплекс называется тетрадой. При таком соединении появляется возможность снять или ослабить ограничения, свойственные системам каждого типа и обусловленные особенностями их доступа к ресурсам пространства и/или времени [11]. Если соединение систем проводится по такой схеме, то возможности каждой из систем расширяются (расширительное соединение). Если же данное условие не соблюдается, то возникают системные дисфункции, приводящие к сужению возможностей систем (ограничивающее соединение) [12].

На макроуровне производство экономических благ можно рассматривать как совокупность (популяцию) дискретных в пространстве экономических агентов; науку – как совокупность дискретных в пространстве и во времени актов решения задач (создание новых знаний); образование – как непрерывные в пространстве и дискретные во времени процессы распространения знаний; культуру – как непрерывную в пространстве и во времени соединительную среду функционирования производства, науки и образования. Таким образом, синтезирование указанных четырех сфер в виде тетрады «производство – культура – образование – наука» можно рассматривать как предпосылку устойчивого развития экономики постзнаний. На каждом историческом этапе роль национального лидера возлагается на одну из указанных систем, причем «эстафетная палочка» лидерства передается циклически по цепочке «производство – культура – образование – наука – производство» [13]. В зависимости от того, какой из систем принадлежит лидерство, в стране устанавливается один из четырех типов социально-политического уклада (аналог четырех типов организационной культуры по Ч. Ханди [14]) с доминированием:

- производственной сферы (уклад Зевса);
- институционально-культурной сферы (уклад Диониса);
- сферы образования (уклад Аполлона);
- научной сферы (уклад Афины).

Институты экономики постзнаний должны обеспечивать бескризисную передачу лидерства от одной из указанной сфер к другой в рамках данного цикла.

2. Интеллект и новая интеллигентность в экономике постзнаний

Развитие экономики постзнаний основано на углублении и расширении пространства знаний. Каждый шаг этого процесса заключается в осознании задач, стоящих перед обществом в конкретной сфере, придании им предметной формы и поиске ответов на сформулированные вопросы. Переход от незнания к новому знанию осуществляется, как мы видели выше, на базе использования интеллекта. Таким образом, функции интеллекта включают: а) уточнение границ имеющегося знания; б) осознание проблемы; в) формулировку проблемы в терминах, входящих в тезаурус существующего знания; г) создание нового знания как ответа на поставленные вопросы. Иными словами, интеллект играет роль локомотива,двигающего нас от познанного к непознанному и далее от незнания к новому знанию. В современном мире именно интеллект является той силой, которая ведет общество, включая науку, технологию, экономику, политику, по пути прогресса. В настоящее время в общественном дискурсе понятие «интеллект» применяется по отношению не только к человеку, но и к техническим и социотехническим системам (устройство, предприятие, город, государство).

Обобщая, можно говорить о понятии «системный интеллект». Систему можно называть интеллектуальной, если она в состоянии самостоятельно идентифицировать проблемные ситуации, требующие перехода от незнания к новому знанию. Подобно

тому, как базы знаний способны самостоятельно расширять перечень учитываемых в моделях факторов, высокоинтеллектуальные системы должны определять точки бифуркации во времени и пространстве, выводящие за пределы имеющегося знания (для технических систем – заложенных в них при создании алгоритмов; для социальных систем – существующих в обществе институтов).

Системный интеллект – это сложное переплетение интеллектов участников данной системы. В некоторых случаях объединение в систему придает ее интеллекту более высокий уровень, чем уровень интеллекта любого из участников; в других – объединенный интеллект может уступать интеллекту некоторых участников. Об этом, в частности, говорит известная русская пословица: «Мужик умен, да мир дурак». Условия такого расширяющего/ограничивающего объединения могут быть определены на основе анализа системных типов участников и структуры их взаимосвязи в рамках системы. Такой анализ представляет собой спецификацию анализа возможности соединения систем, о котором говорилось, применительно к системному интеллекту.

Все сказанное говорит о необходимости усиления внимания к развитию интеллекта общества и его составляющих как основного фактора движения вперед – через экономику знаний к экономике постзнаний. Общеизвестно, что Россия обладает огромными и воспроизводимыми запасами интеллекта, прежде всего интеллекта ее граждан. Задача государства и общества в этих условиях – обеспечить такую структуру взаимодействия членов общества и общественных процессов, при которой интеллект общества будет выше интеллекта его членов, а интеллект последних сможет неограниченно развиваться. Такая постановка требует серьезного изменения всей системы общественных институтов – от дошкольного обучения до назначения на государственные должности. В процессе движения общества от индустриальной и постиндустриальной экономики к новой экономике знаний и сверхновой экономике постзнаний очерченные ранее задачи должны обрести конкретные формы и способы решения. Это должно стать основной миссией интеллектуальной элиты общества.

Возрастание степени связности экономических агентов, обусловленное особенностью взаимодействия агентов как создателей и реципиентов неотторжимого знания, с одной стороны, и приращение их интеллекта, с другой стороны, требует нового подхода к понятию интеллигентности. В современном мире интеллигентность понимается как способность человека к эмпатии и рефлексии, готовность к компромиссу, терпимое отношение к убеждениям других людей, уважение традиций, институтов и обычаев, принятых в обществе. На стадии экономики постзнаний роль экономических агентов выполняют не только физические и юридические лица, но и разнообразные социально-экономические и социотехнические системы [15]. Подобно тому, как понятие интеллекта человека расширяется до понятия интеллекта социально-экономической и социотехнической системы, понятие новой интеллигентности распространяется от человека к системе. Во всех случаях интеллигентность означает априорно толерантное, неагрессивное восприятие данной системой всех сигналов и воздействий, поступающих извне, в частности от других систем. На индивидуальном уровне новая интеллигентность – это сплав интеллигентности человека и интеллигентности окружающих его систем. Функционально новая интеллигентность в экономике постзнаний будет смягчать отношения неравенства, возникающие в многоуровневых экономических системах, в том числе в конструкциях «принципал – агент».

В этом контексте одной из главных задач системы образования, в особенности высшего профессионального образования, следует признать воспитание молодежи

в духе новой интеллигентности. Если при движении общества к экономике знаний в качестве критерия эффективности образования используется понятие компетентности, то при ориентации на экономику постзнаний в качестве такого критерия следует применять понятие новой интеллигентности.

Основные различия между стадиями экономики знаний и постзнаний суммированы в таблице.

Экономика знаний и постзнаний

Аспекты сравнения	Экономика знаний	Экономика постзнаний
Место в последовательности стадий развития экономики	Следующая стадия за пост-индустриальной экономикой	Следующая стадия за экономикой знаний
Тип экономики	Товарная экономика	Отношенческая экономика
Основной вид ресурса	Знания	Знания и интеллект
Основной вид товара	Знания	Знания и интеллект
Характер связи между производителем и продуктом производства	Продукт производства после транзакции отделяется от производителя и переходит под контроль потребителя	Продукт производства после транзакции находится под контролем как производителя, так и потребителя
Характер связи между производителем и потребителем	Связь импульсная, ослабляется после завершения транзакции	Тесная связь, не прекращающаяся после завершения транзакции и реализующая взаимное влияние интеллектов производителя и потребителя
Основной результат транзакции	Приращение запаса знаний у потребителя	Приращение запаса знаний у потребителя; приращение интеллекта у потребителя и у производителя; установление устойчивой связи между ними
Основной источник интеллекта общества	Индивидуальный интеллект	Системный интеллект
Роль образования	Получение знаний	Воспитание «человека системного», способного эффективно работать в качестве участника социально-экономических и социотехнических систем
Критерий эффективности образования индивида	Компетентность	Новая интеллигентность

Заключение

Стремление охарактеризовать основные черты будущей экономики, мысленно перешагнув через экономику знаний, потребовало введения в научный оборот понятия экономики постзнаний. Разумеется, экономика постзнаний – не конечная точка развития человечества, а лишь ближайший к экономике знаний этап. Содержанием этого этапа является радикальное расширение роли интеллекта репрезентативного члена нового общества. На этой стадии знания играют двоякую роль: предмета труда и результата труда. Интеллект также выполняет две функции: средства труда и его продукта. Усиливается связь между товаропроизводителем и его продуктом – знанием и, соответственно, между знанием как ресурсом и его потребителем. Кардинально возрастает степень интегрированности экономики, взаимозависимости функционально связанных между собой экономических агентов.

Интеллект становится ключевым ресурсом производства и переносится от производителя к потребителю. Экономический интерес как основной критерий принятия решений уступает место интеллектуальному интересу – спросу на новые элементы пространства знаний и пространства интеллекта. Институционализируется роль интеллекта в осознании и решении проблем развития общества, в переходе от знания к незнанию и далее к новому знанию и новому уровню интеллекта. В экономике постзнаний новое качество приобретают основные институты регулирования общественной жизни, появляется потребность в интеллектуальном управлении, интеллектуальном проектировании, интеллектуальной кадровой политике на всех уровнях управления, интеллектуальном маркетинге и ценообразовании. Решение этих стратегических задач, необходимых для устранения барьеров на пути к «послезавтрашней» стадии развития общества – экономике постзнаний, требует целенаправленных скоординированных усилий государства, общества, экономики и бизнеса.

Список литературы

1. *Выжutowич, В.* В ожидании перемен / В. Выжutowич // Российская газета. – Федеральный выпуск. – № 258 (8016) – URL: <https://rg.ru/2019/11/14/valerij-vyzhutovich-u-vlasti-bolee-shirokoe-ponimanie-peremen.html> (дата обращения: 31.12.2019).
2. *Bell, D.* The Coming Post-industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – New York: Basic Books, 1973.
3. *Drucker, P. F.* The Age of Discontinuity: Guidelines to our Changing Society / P. F. Drucker. – London: Heinemann, 1969.
4. *Мильнер, Б. З.* Управление знаниями: эволюция и революция в организации / Б. З. Мильнер. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 177 с.
5. *Макаров, В. Л.* Экономика знаний: уроки для России / В. Л. Макаров // Вестник Российской академии наук. – 2003 (6). – Т. 73. – № 5. – С. 450.
6. *Клейнер, Г. Б.* Три вопроса к политэкономии (попытка системной интроспекции) / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2018. – № 8. – С. 118–127.
7. *Бузгалин, А. В.* Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? / А. В. Бузгалин // Социологические исследования. – 2017. – № 7. – С. 43–53.
8. *Бодрунов, С. Д.* Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018. – 432 с.
9. *Макаров, В. Л.* Микроэкономика знаний / В. Л. Макаров, Г. Б. Клейнер. – М.: Экономика, 2007. – 204 с.

10. Клейнер, Г. Б. Потерянный рай. СССР / Г. Б. Клейнер // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 6. – С. 72–85.
11. Клейнер, Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения / Г. Б. Клейнер // Вестник РАН. – 2011. – Т. 81, № 9. – С. 794–811.
12. Клейнер, Г. Б. Системная экономика и системно-ориентированное моделирование / Г. Б. Клейнер // Экономика и математические методы. – 2013. – № 3. – С. 71–93.
13. Клейнер, Г. Б. Устойчивость российской экономики в зеркале системной экономической теории: Ч. 2 / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 117–138.
14. Handy, C. B. Understanding Organizations / C. B. Handy. – Harmondsworth: Penguin Books, 1983.
15. Клейнер, Г. Б. От «экономики физических лиц» к системной экономике / Г. Б. Клейнер // Вопросы экономики. – 2017. – № 8. – С. 56–74.

G. B. Kleiner. Intellectual economy of the new age: post-knowledge economy. The article analyzes the main features of the stage of development of the Russian and world economies expected after the stage of the knowledge economy. If at the stage of the knowledge economy the main resource and result of economic activity is knowledge, then at the next stage, called in the article «post-knowledge economy», the primary factor and result of production is intelligence. Herewith intelligence should be understood as the ability of a person, a collective, or society to identify problems that arise before them and find ways of solving it. Intelligence thereby becomes the driver of the transition from existing knowledge to new knowledge through awareness of ignorance. Natural intelligence, artificial intelligence, social intelligence are combined into a joint concept of system intelligence. The article explores the basic economic characteristics of a new highly integrated society, formulates the requirements for its members.

Keywords: knowledge economy, intelligence, intellectual economy, intellectuality, education.

Е. Б. Ленчук¹

ГОТОВА ЛИ РОССИЯ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ РЫВКУ?

Анализируется важность перехода России к новой модели развития, базирующейся на структурной перестройке, технологической модернизации и инновациях, для достижения стратегических целей, поставленных в рамках нового политического цикла. Сделана попытка вскрыть причины невосприимчивости российской экономики к инновациям, несмотря на принятие различных программ и стратегий в сфере технологического развития. Обосновывается необходимость активизации роли государства для преодоления технологического отставания и решения структурных проблем экономического развития; предлагаются основные инструменты и механизмы для ускоренного технологического развития.

Ключевые слова: научно-технологический фактор, четвертая промышленная революция, инновационное развитие, конкурентоспособность, стратегическое планирование, технологическая модернизация, промышленная политика.

УДК 330.352

Россия из-за низких темпов экономического роста постоянно находится под угрозой скатывания в рецессию. Поэтому по-прежнему актуальна дискуссия о необходимости смены модели экономического развития, контуры которой вполне очевидны: структурная перестройка и развитие реального сектора экономики на базе самых передовых технологий и инноваций [2, с. 46]. Лишь на такой основе можно решить ключевые задачи, заявленные Президентом Российской Федерации на новый политический срок: вхождение РФ в число пяти крупнейших экономик мира; обеспечение темпов роста выше мировых; создание в базовых отраслях высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора на базе новых технологий; ежегодное 5 %-ное повышение производительности труда и т. д. В своем Послании Федеральному Собранию президент впервые подчеркнул важность технологического рывка для России [3].

В этой связи особую актуальность приобретает вопрос: насколько готова Россия к технологическому рывку? В век динамичного развития научно-технологического прогресса, четвертой промышленной революции технологический фактор становится определяющим в обеспечении конкурентоспособности и процветания страны. На протяжении не менее 20 лет мы декларируем переход к инновационной модели развития, но продвинуться в этом направлении не удалось. Так, анализ динамики основных показателей инновационной деятельности за последние 15 лет показывает, что они практически не меняются (рис. 1). По этим показателям мы заметно уступаем развитым и многим развивающимся странам. Это подтверждает тот факт, что экономика остается невосприимчивой к инновациям несмотря на множество стратегий и программ, направленных на решение этой задачи.

¹ Елена Борисовна Ленчук, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук, e-mail: irinap5@inecon.ru

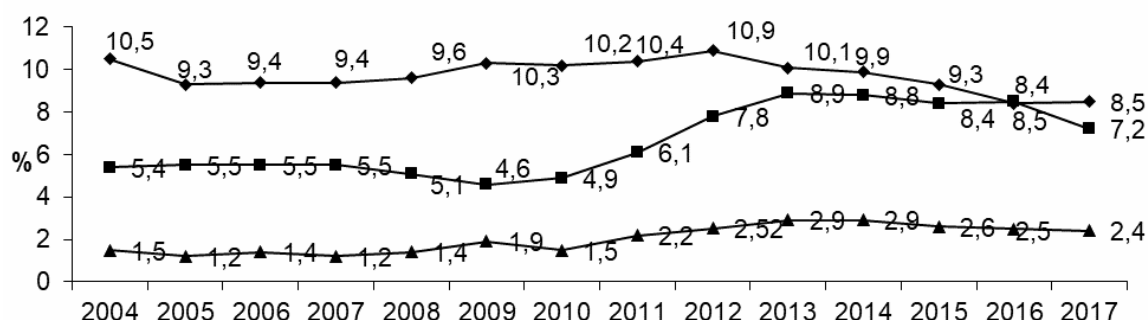

Рис. 1. Динамика изменения основных показателей инновационной деятельности в России [1, с. 26]: —◆— удельный вес организаций, осуществляющих технологические, организационные и маркетинговые инновации, в общем числе организаций; —■— удельный вес инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме отгруженных товаров; —▲— удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров

Степень технологической зависимости остается довольно высокой. Мы имеем отрицательное сальдо в торговле технологиями, слабую динамику роста создания передовых производственных технологий, из которых лишь 10...11 % соответствуют мировому уровню [1, с. 241–242]. В отдельных отраслях, например в станкостроении, импортозависимость доходит до 70...90 %, что усиливает уязвимость страны в условиях обостряющейся геополитической обстановки и разного рода санкций.

На протяжении двух десятилетий доля России на мировом высокотехнологичном рынке составляет 0,3 %. По отдельным рынкам высокотехнологической продукции позиции России выглядят следующим образом: в авиакосмической отрасли доля России в 2017 г. составляла 0,91 % (против 0,74 % в 2014 г.); в фармацевтической – 0,13 % (против 0,7 %); в области электронной промышленности, оптической и компьютерной техники – 0,15 % (против 0,21 %) (см. таблицу).

Сегодня можно говорить лишь о точечных успехах нашей страны в ряде сегментов передовых производственных технологий и потенциальных возможностях их расширения.

Доля отдельных стран на рынках высокотехнологичной продукции в 2017 г., % к общему объему*

Виды продукции	Удельный вес на рынке отдельных стран			
	США	Франция	Германия	Россия
Авиакосмическая промышленность	31,91	15,02	11,81	0,91
Компьютерная, электронная и оптическая промышленность	22,05	8,0	6,69	0,15
Фармацевтическая промышленность	15,23	13,43	8,74	0,1

* Составлено автором по Main Science and Technology Indicators/OECD Volume 2019/1.

Вместе с тем, если мы хотим двигаться в рамках мирового тренда новой индустриализации, активно осваивать технологии четвертой промышленной революции (а без этого нельзя говорить о выполнении майского Указа № 204), необходимо ответить на вопрос: что тормозит технологическое развитие России? Почему вот уже два десятилетия мы не можем двинуться вперед?

Отвечая на этот вопрос, отметим, что формированию инновационной модели развития не содействовала и не содействует макроэкономическая среда:

1. Прежде всего, этому не способствует приверженность курсу на обеспечение финансовой стабильности, таргетирование инфляции, сохранение высоких процентных ставок, низкого уровня монетизации. Все это лишает компании возможности получения длинных денег (инвестиционных ресурсов), необходимых для реализации крупных инновационных проектов.

2. Подавляет экономическую мотивацию перехода к инновационной модели экономического развития деиндустриализация, которую мы наблюдаем в последние 20 лет. В условиях стремления к финансовой стабильности все центры прибыли формировались в экспортно-сырьевых отраслях, отличающихся высокой степенью рентабельности по сравнению с отраслями промышленного производства.

3. Деиндустриализация, вымывание технологически емких отраслей, с одной стороны, снижает спрос на технологические инновации, с другой – ведет к деградации материальной базы для практического освоения нарабатываемого научно-технического задела. В результате национальная инновационная система лишается промышленного производства – важнейшего элемента, формирующего спрос на технологические инновации.

Происходит сворачивание научно-технологического потенциала страны. Россия является единственной страной в группе G20, в которой на протяжении последних 20 лет снижается научно-технологический потенциал (рис. 2). Прежде всего это связано с ко-

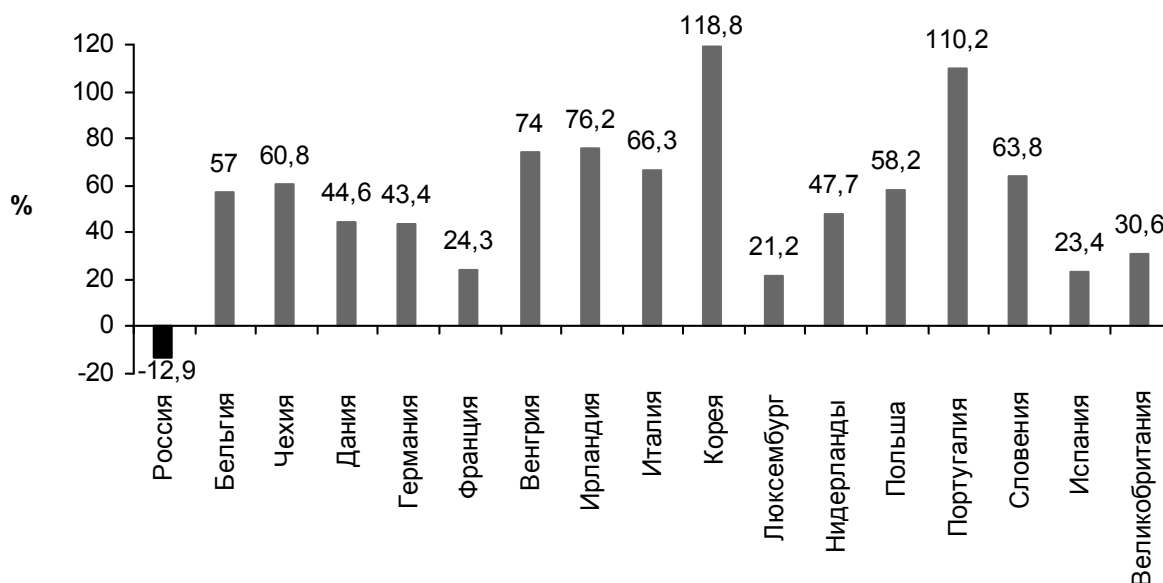

Рис. 2. Изменение численности персонала, занятого исследованиями и разработками, в России и некоторых странах ОЭСР в 2016 г., % к 2005 г. [4]

личественным сокращением кадрового потенциала и снижением его качества. В последние годы наблюдается устойчивое сокращение численности докторов и кандидатов наук, в ближайшие годы вряд ли удастся преодолеть этот тренд.

Кроме того, Россия заметно отстает от развитых стран по финансовым затратам на науку. Так, Китай, Южная Корея по показателю внутренних затрат на науку в ВВП уже давно перешагнули за 2,5 %, а мы в рамках принятой Стратегии научно-технологического развития планируем приблизиться к 2 % только через 10 лет. При этом, по данным Росстата, сегодня на одного исследователя мы тратим в 2–3 раза меньше, чем развитые страны (рис. 3).

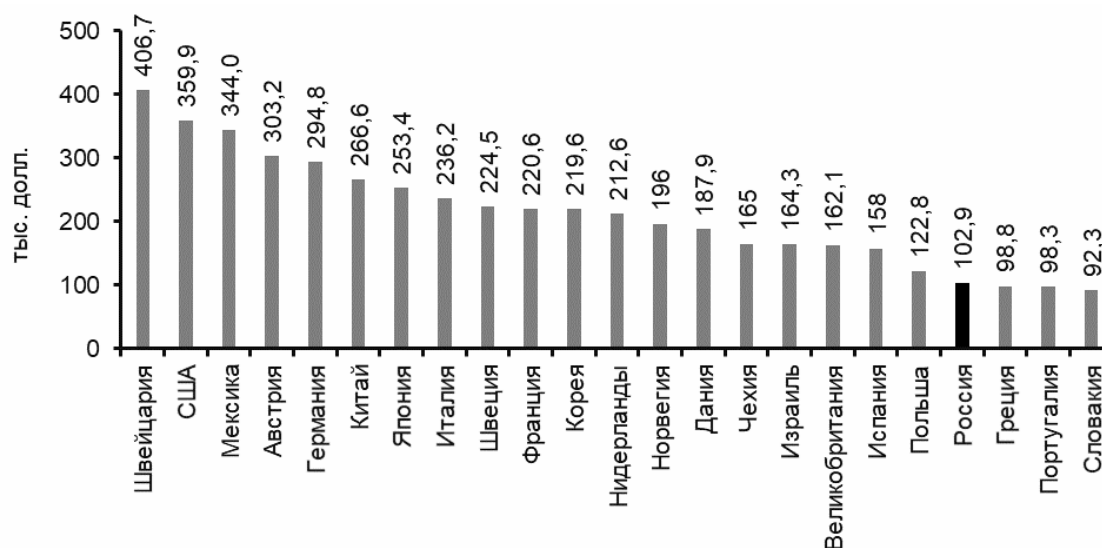

Рис. 3. Внутренние затраты на исследования и разработки в России и зарубежных странах в расчете на одного исследователя, тыс. долл.

Еще значительно недофинансирование фундаментальной науки, создающей заделы для технологического развития на ближайшие 10...15 лет (рис. 4). При этом преимуществами России являются наличие комплексной фундаментальной науки и весьма конкурентных заделов по некоторым актуальным проблемам.

Формирующаяся новая модель организации науки пока не привела ни к ощутимому повышению результативности в сфере НИОКР, ни к активизации инновационного развития и технологической модернизации. Реформирование академической науки «обеспечило» разрушение фундаментальной науки. Существует угроза потери ряда важных направлений фундаментальной науки, а что касается прикладной науки, то она была разрушена еще в 1990-е гг. в ходе рыночных трансформаций. Университетский и корпоративный секторы компенсировать развитие данных научных направлений не смогли, поскольку сильно уступают академической науке по квалификационному составу, опыту, навыкам исследовательской работы у персонала и технической оснащенности.

Очевидно, что без мощной государственной поддержки совершить технологический рывок не удастся: «Невидимая рука рынка должна быть дополнена «видимой рукой государства». И здесь уместно вспомнить, что все страны, добившиеся успеха

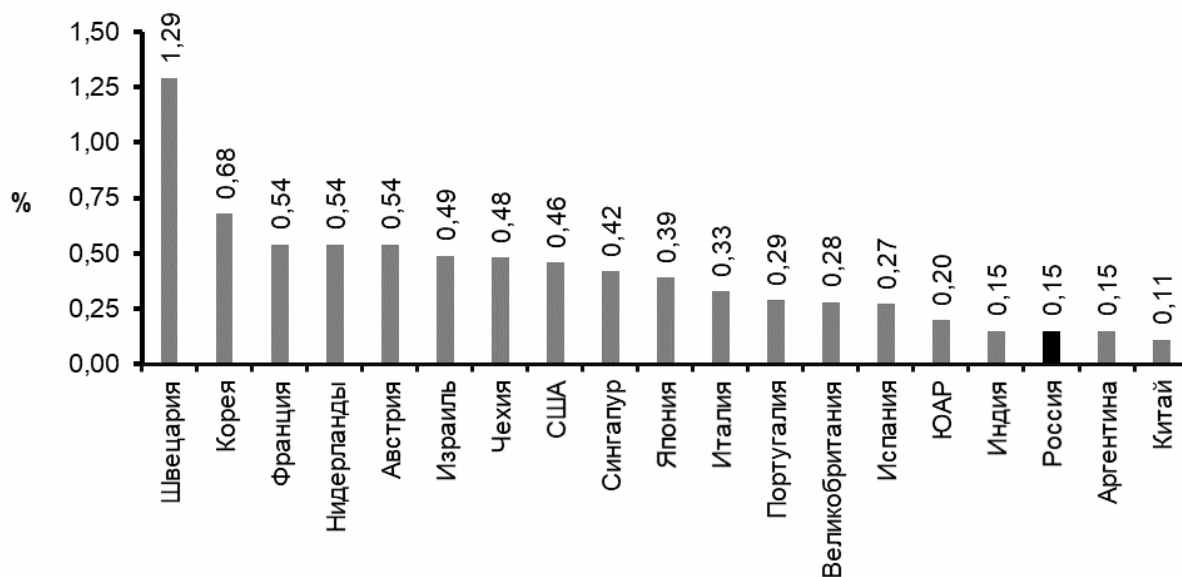

Рис. 4. Внутренние затраты на фундаментальные исследования в России и других странах, % к ВВП (по данным Росстата)

и вышедшие на траекторию инновационного роста, сделали это благодаря поддержке государства [5, с. 36].

Роль государства является определяющей и в решении структурных проблем экономического развития, в формировании приоритетов промышленной политики, неотъемлемой частью которой является научно-технологическая и инновационная политика. Только при таком триедином подходе можно осуществить комплексную модернизацию современной экономики, обеспечивающую динамичный рост ее конкурентоспособности.

В российской практике такая взаимоувязка возможна в рамках ФЗ РФ №172-ФЗ «О стратегическом планировании РФ», принятого в 2014 г. Однако до сих пор не сформирована система стратегических документов планирования и механизмов их реализации. Прежде всего, отсутствует базовый документ – Стратегия социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, которая должна бы определить общий вектор развития. Налицо оторванность стратегии научно-технологического развития от решения задач индустриального развития. По-прежнему далеки от реальных потребностей экономики, и прежде всего промышленного комплекса, нацпроекты «Наука» и «Цифровая экономика». Так, например, и Стратегия научно-технологического развития, и нацпроект «Наука» закрепляют целевые ориентиры развития научного сектора страны, но не конкретизируют пути дальнейшего его влияния на рост, эффективность и конкурентоспособность экономики. Нацпроект «Цифровая экономика» предусматривает разработку передовых производственных технологий, но также в отрыве от решения насущных задач технологической модернизации и цифровизации промышленного производства.

В этой связи следует уточнить содержание документов стратегического планирования научно-технического развития и обеспечить их нацеленность на новый уро-

вень экономического развития на базе освоения достижений разворачивающейся научно-технологической революции.

Только после формулирования четких целей, задач и структурных взаимосвязанных приоритетов промышленного и научно-технологического развития необходимо сформировать инструменты и механизмы их реализации. Подчеркнем, что при всей значимости институтов для эффективного функционирования экономики сама институциональная система должна ориентироваться на специфику поставленных целей и задач, учитывать общеэкономические условия, ресурсные ограничения и доступные методы их преодоления. Она должна характеризоваться широким разнообразием.

С точки зрения формирования институтов для инновационной модели развития чрезвычайно важной задачей является укрепление и развитие собственной науки, как фундаментальной, так и прикладной.

Концепция реформирования научной и научно-технической сферы требует безусловной коррекции, без которой Россия не просто не сможет полноценно ответить на глобальные технологические вызовы, но рискует превратиться в периферию рынков научных разработок и технологий.

В заключение хочу сказать, что в Стратегии инновационного развития США, принятой в 2015 г., есть очень важная фраза: «Стране, которая полностью сосредоточится на инновациях сегодня, будет принадлежать глобальная экономика завтра» [6, с. 10]. Если мы хотим совершить технологический рывок, нам нужно провести серьезную и очень грамотную работу над корректировкой курса научно-технологического развития.

Список литературы

1. Индикаторы науки 2019: стат. сб. – М.: НИУ ВШЭ, 2019.
2. Ленчук, Е. Б. Новые возможности и риски в осуществлении научно-технологического развития России / Е. Б. Ленчук // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1. – С. 46–51.
3. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>
4. Ресурсное обеспечение Российской науки: проблемы и решения. – М.: ИПРАН РАН, 2019. – 160 с.
5. Ленчук, Е. Б. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России / Е. Б. Ленчук, В. И. Филатов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 4. – С. 35–47.
6. A Strategy for American Innovation. – Washington, DC. – 2015. – October. – P. 120. – Режим доступа: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/strategy_for_american_innovation_october_2015.pdf

E. B. Lenchuk. Is Russia ready for a technological breakthrough? The article analyzes the importance of Russia's transition to a new development model, based on the structural restructuring, technological modernization and innovation, to achieve the strategic objectives set out in the framework of the new political cycle. The author made an attempt to reveal the reasons for the immunity of the Russian economy to innovation, despite the fact that many programs and strategies in the field of technological development have been adopted in the country. The article substantiates the need to

enhance the role of the state in order to overcome the technological gap and solve the structural problems of economic development, and suggests the basic tools and mechanisms aimed at accelerated technological development.

Keywords: scientific and technological factor, fourth industrial revolution, innovative development, competitiveness, strategic planning, technological modernization, industrial policy.

В. В. Миронов¹

ДЕФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Ставится вопрос об особенностях изменения системы образования в контексте глобализационных процессов. Показано, что за наукометрической модой стоят глубинные процессы трансформации современной культуры и ее составляющих (науки и образования). Система локальных культур, доминировавшая до начала XX в., трансформируется из относительно замкнутой семиотической системы в глобальное коммуникационное пространство. Сделаны выводы о возможных последствиях процесса цифровизации, об изменении характера образовательного процесса, роли преподавателя и появлении зависимости от электронных средств коммуникации.

Ключевые слова: образование, дигитальная культура, глобализация, наукометрия.

УДК 330.354

Начиная с последней трети XX в. взрывной характер технологических открытий, возникновение масштабных коммуникационных систем порождают изменения, требующие серьезного анализа. Необходимо уточнить само понимание культуры, способы ее функционирования и влияние происходящих изменений на все формы общественного сознания, на систему ценностей, прежде всего на образование как системообразующую часть культуры. На процессы трансформации влияют два фактора: глобализация и новейшие технологические открытия, которые буквально врываются на все уровни культуры.

Природа глобализации весьма противоречива. С одной стороны, есть международное сотрудничество, а в ряде случаев – сотворчество, результаты которого воплощаются в товарах, услугах или культурных ценностях. С другой стороны, это единое пространство производства, экономического сотрудничества и т. п. направлено в конечном итоге на увеличение прибыли транснациональных акторов и, кроме того, далеко не однородно. Более того, как показывают новейшие тенденции, глобализация разнонаправленна, обременена импульсами дифференциации, локализации и т. п. Страны менее развитые в области науки и технологий занимают второстепенное место, которое очень трудно изменить. К тому же наиболее развитые в технологическом отношении страны не заинтересованы в таком изменении.

Соответственно, и образование, ориентированное на науку, становится важной сферой борьбы за лидерство, которое впоследствии может обеспечить стратегические преимущества. И сохранение стабильности в мире связывается с устойчивостью гло-

¹ *Владимир Васильевич Миронов*, декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, зав. кафедрой онтологии и теории познания, д-р филос. наук, профессор, чл.-корр. РАН, e-mail: vlamironov@yandex.ru

бальной системы, в рамках которой происходят дифференциация и закрепление места страны в системе образования.

Возникают образовательные зоны, где «политически» нецелесообразно развивать образование, ибо это самый естественный и удобный путь блокирования развития научных технологий, а значит самостоятельности государства в целом. Модные ныне многочисленные рейтинги, схемы учета наукометрических показателей выступают дополнительными барьерами, создающими эффект объективности оценки.

За наукометрической модой стоят глубинные процессы трансформации современной культуры и ее составляющих – науки и образования. Медицина, наука и образование начинают повсеместно трактоваться как сферы услуг. На них распространяются критерии эффективности, соответствующие прежде всего рынку, и главным из этих критериев выступает прибыль. В науке это приводит к диспропорции между фундаментальной ее частью и необходимостью получить быстрые технологические результаты. Следствием становится уменьшение финансирования именно фундаментальной науки. За этим лежит непонимание того, что истинные прорывы в технологической сфере связаны с открытиями в области фундаментальных наук. Наука переводится на грантовую систему финансирования, часто это проявляется в принципе «утром деньги, вечером стулья», т. е. быстрый результат и отказ от серьезного государственного финансирования фундаментальной науки, в котором гранты выступают как сопровождающая и вспомогательная компонента.

Эти тенденции еще сильнее проявляются в образовании. С расширением сферы платного образования оно превращается в сферу услуг, с навязыванием критериев рыночной системы купли-продажи, где условия диктует потребитель. Таким образом удар наносится прежде всего по университетской системе образования [1]. Возникает необходимость ранжирования источников дохода, чтобы дифференцировать выделяемые государственные или частные средства. И здесь удобнее всего именно количественные показатели. В результате умственный труд, который всегда рассматривался как наиболее свободный, начинает подчиняться академическому капиталу. Это требует жесткого вертикального управления, для чего лучше всего подходят упрощенные показатели, результаты, индикаторы и пр. Ученые и преподаватели превращаются в наемных работников, которым можно установить любые параметры трудовой деятельности, заставив их работать более интенсивно, что было предсказано еще К. Марксом.

Такая система удобна для управленческого менеджмента. Простые критерии оценки упрощают принятие решений (в том числе о вкладе ученого или преподавателя в работу) и жестких кадровых резолюций. Например, талантливый преподаватель, который пишет мало научных работ (что не связано напрямую с его преподавательским статусом и умением преподавать), может не пройти конкурс и быть уволенным. Схожим образом начинают ранжировать научные и учебные учреждения в целом.

В результате мы просто механически подгоняем сущность нашего образования под различные рейтинги и сравнительные таблицы, занимаясь имитацией. Реформа образования длится уже почти четверть века и, по сути, превращается в контрреформу, не улучшая, а ухудшая и даже разрушая систему образования. Вместо выработки и реализации собственной стратегической парадигмы мы часто выбираем в качестве ориентира устаревшие модели, от которых в мире отказываются или вообще не вводили. Например, ЕГЭ как единственный критерий для поступления в вузы существует в очень малом количестве стран и даже в этом случае дополняется собственными критериями отбора.

Результатом становится деформация, может быть, самого главного в высшем образовании – мотивированности поступающего при выборе будущей профессии. К сожалению, это лежит в русле модели проведения реформ в России начиная с Петра Первого. Мы все время наблюдаем «устойчивое чередование реформаторских и контр-реформаторских волн», и реформы «всякий раз фатально не столько лечат, сколько калечат российское общество» [2].

В основу идеологии процесса модернизации была положена задача либерализации системы управления образованием и приведения ее механизмов в соответствие с новыми социальными и экономическими условиями. Главным регулятором объявили рынок образовательных услуг, что усилило деформацию системы образования, во многом привело к отказу от нацеленности на фундаментальную науку, а значит, к отставанию в технологиях и безудержному росту числа студентов, получающих высшее образование. Это непосредственно связано с трендами, порождаемыми господствующей системой общественных отношений. Такая система генерирует коммерциализацию образования, все большую его ориентацию на получение финансовых результатов, а в ряде стран (США и др.) – тренд на финансиализацию образования [3, 4]. Но присутствуют и иные тенденции. Технологический прогресс обуславливает необходимость продвижения в сторону «знаниеемкого» производства [5, 6], предполагающего интеграцию высокотехнологичного производства, науки и образования.

В последние годы говорят о необходимости государственной поддержки высшего образования, что связано с увеличением государственного финансирования. Однако, опять же несколько странным образом, когда критерием выступает не качество работы и соответствующий рост зарплаты, а рост зарплаты сам по себе, часто от качества оторванный или сводящий его к количественным параметрам. «По отношению к объему ВВП доля расходов раздела «Образование» составит в 2017–2018 годах 0,7 %, в 2019–2020 годах – 0,6 %. Доля в общем объеме расходов федерального бюджета по разделу «Образование» в 2018–2020 годах по сравнению с 2017 годом (3,7 %) увеличится и составит 4,0 % ежегодно» [7].

Однако, это важно оценивать и по структуре статей расхода, которая деформирована, так как средства уходят во многом на зарплату. Кроме того, мы значительно отстаем от других стран по расходам на высшее образование, которые, по расчетам специалистов, должны составлять «от 15 до 20 процентов всех расходов на государственное образование» [8, с. 23].

Тенденции последних лет также весьма неутешительны: наблюдается сокращение расходов на все виды образования – и дошкольное, и общее, и среднее профессиональное, и высшее.

Кроме указанных процессов в обществе происходит трансформация самой сущности коммуникации, на наших глазах возникли и играют все большую роль технологии, изменяющие не только формы, но и содержание межличностных коммуникаций, человеческих отношений. Формируются взаимодействия, опосредованные отчужденными от индивида информационными системами, подчиняющими человека внешним условиям бытия и вытесняющими непосредственный межличностный диалог, замещаемый генерированием стандартных схем (вместо индивидуализированного творчества), потреблением унифицированных продуктов (подчеркнем – потреблением, а не распределением), обозначением (но не сопереживанием) стандартных (а не индивидуальных) эмоций и т. д. Мир переходит от бытия в культуре, причем культуре всякий раз особенной – национальной, исторически определенной, к глобализированным, обез-

лично-стандартным коммуникациям, порождающим псевдокультурное поле. Возникает общение ради общения, без смысла и вне смыслов [9].

В цифровой культуре изменяются роль экспертизы, а также место и роль экспертов; идет экспансия процесса, суть которого – потребление, использование накопленных знаний, поиск путей подтверждения полученной информации, нахождения аналогов и т. п., к чему зачастую сводится роль исследователя, качество работы которого оценивается по объему процитированных и упомянутых источников [10]. Это также сильно влияет на образование и ту роль, которую в нем играют преподаватель и обучающийся.

Система образования базировалась на том (и это ее сущностная черта), что преподавателем был человек более опытный, обладающий информацией, которой не обладает большинство обучающихся. Соответственно, одна из целей процесса образования заключалась в выполнении преподавателем функции ретранслятора информации.

Сегодня молодые люди имеют доступ к информации без посредника. Более того, как правило, они быстрее осваивают новые технологии, а поэтому лучше пользуются новыми возможностями. Изменяется характер образовательного процесса. Мир информации становится полностью доступным, и функция преподавателя не может сводиться к роли ретранслятора информации.

Главными проблемами становятся отбор нужной информации, ее интеллектуальное просеивание, умение отличать ложную от истинной, а также сравнивать и выбирать. И здесь налицо разрыв поколений: старшие не включены во все многообразие коммуникационных технологий, которыми овладели младшие, а младшие склонны отождествлять процесс образования с использованием имеющихся в информационном пространстве готовых результатов и отчуждены от процесса сотворчества, который составляет суть деятельности старших [10]. Информация в огромных объемах становится одинаково доступной, значит, главное заключается в методах ее выбора. Не понимающий этого преподаватель выглядит слабо продвинутым подростком, тогда как процесс образования объективно все в большей степени должен становиться диалогом, беседой, ибо информационный фон приблизительно одинаков и доступен.

Именно здесь происходят существенные трансформации в понимании образования, одним из проявлений которых является нарастание разрыва между преподавателем и обучающимся. И тут работает целый спектр пересекающихся проблем – от зарплаты и условий пенсионного обеспечения, возможности использования труда пожилых преподавателей до работающего механизма притока в образовательную систему молодых и талантливых людей с достойной зарплатой.

Электронная культура возвращает нас к визуальным образам, создаваемым на новейшей технологической основе. Ее особенность в том, что смыслы возникают в результате прямого восприятия, которое может достаточно далеко отстоять от сознательной рациональной деятельности. Написанный или напечатанный текст всегда связан с внутренней интерпретацией понятий и слов. Визуальный образ воздействует непосредственно, как бы отключая рациональное осмысление. Например, раньше, чтобы научиться читать, человек должен был потратить много времени на освоение алфавита, научиться складывать слова из букв. Сегодня человек приобщается к электронным средствам информации очень рано, задолго до освоения алфавита. И это реализуется на уровне оперирования с визуальными объектами. Возникают ситуации, когда современные средства передачи информации оказывают на потребителя воздействие, которое можно сравнить с гипнотическим [11], что создает предпосылки для манипуляции.

Электронная культура делает жизнь человека более комфортной (пластиковые карты, чипы и пр.). А человек никогда не отказывается от комфорта, даже если комфорт превращается в свою противоположность.

Три года назад в Германии выбрали название, которое наиболее точно описывает нынешнее поколение – «Generation Kopfunten» (буквально – «поколение с опущенной головой») [12]. В результате – и это главное – свободное время заполняется бесконечным информационным потоком, который тоже формируется не нами, а поисковыми системами и геолокационными данными. «Отфильтрованный на основе нашего цифрового следа и истории интернет превращается в так называемый тоннель реальности – это тот узкий спектр явлений и мнений, которые мы видим, находясь внутри сформированной алгоритмами реальности. Мы перестаем воспринимать сложность и взаимосвязанность в мире и видим только то, что находится на цифровом «блюде» перед нашим носом» [13].

Сегодня необходима «цифровая гигиена» – сознательное обучение людей умению отказываться от избыточной траты времени на социальные сети в ущерб реальному общению.

Вряд ли Платон, описывая знаменитую пещеру, мог догадываться о современных технологиях, которые превратят его метафору в своеобразную реальность. Перед нами – тоже пещера, современная дигитальная пещера. А ведь Платон показывал, что это не безобидно, это трансформирует восприятие человеком мира: его имитацию (тени) он принимает за реальность, становясь удобной мишенью для манипуляционных технологий.

Список литературы

1. Чепуренко, А. Ю. Маркс в университете 3.0? / А. Ю. Чепуренко // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 26–34.
2. Пантин, В. И. Волны политической модернизации в истории России / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – Режим доступа: <http://ss.xsp.ru/st/003> (28.12.2019).
3. Яковлева, Н. Г. Противоречия образования XXI века: взгляд сквозь призму марксистской методологии / Н. Г. Яковлева // Вестник Московского университета. – Серия 7: Философия. – 2018. – № 6. – С. 45–62.
4. Яковлева, Н. Г. Социальные последствия финансиализации образования / Н. Г. Яковлева // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 104–114. DOI: 10.31857/S013216250007744-1
5. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016.
6. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.
7. Расходы бюджета РФ на образование в 2018 году составят 663 млрд рублей // RNS, 2017. – Режим доступа: <https://rns.online/economy/Rashodi-byudzheta-RF-na-obrazovanie-v-2018-godu-sostavyat-663—mlrd-rublei-2017-09-29/> (28.12.2019)
8. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: докл. Всемирного банка / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2003.
9. Миронов, В. В. Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации / В. В. Миронов // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86, № 2. – С. 99–107.
10. Миронов, В. В. Цифровая пещера как возможный вектор развития культуры / В. В. Миронов // Доклады участников XIX Международных Лихачевских научных чтений «Мировое

развитие: проблемы предсказуемости и управляемости». – 2019. – С. 183–186. – Режим доступа: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/MironovVV_plen_rus_izd.pdf

11. Миронов, В. В. Платон и современная пещера big-data / В. В. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, № 1. – С. 4–24.

12. «Generation Kopf unten» – Wie einsam macht das Smartphone? // Welt. – 2014. – Режим доступа: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/boulevard_nt/article127898591/Generation-Kopf-unten-Wie-einsam-macht-das-Smartphone.html (28.12.2019).

13. Жданов, С. Тоннель реальности: как соцсети вызывают «ожирение» мозга и продают нас корпорациям / С. Жданов // Нож. – 2018. – Режим доступа: <https://knife.media/dark-social/>

V. V. Mironov. Deformation of education in the transformation of modern culture. The article raises the question of the features of reforming the education system in the context of globalization processes. The system of local cultures that dominated until the beginning of the twentieth century, is transformed from a relatively closed semiotic system into a global communication space. The possible consequences of the cultural transformation are then reviewed in connection with digitalization process, changes in the nature of the educational process, the role of teachers and dependence on electronic tools.

Keywords: education, digital culture, globalization, scientometrics.

Г. А. Маслов¹

ПРОИЗВОДСТВО, НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИЙ: РОССИЯ В (ДЕ)ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Выполнен обзор шестого международного конгресса «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в (де)глобализирующемся мире». На конгрессе обсуждался широкий круг социально-экономических проблем, касающихся противоречий современного технологического развития; интеграции производства, науки, образования; современных вызовов отечественного образования и др. В работе конгресса участвовали около 400 человек из многих регионов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

Ключевые слова: ПНО-2019, НИО.2, ноономика, технологическое развитие, промышленная революция, реиндустриализация, интеграция производства, науки и образования.

УДК 330.354

4 декабря 2019 г. в Московском финансово-юридическом университете (МФЮА) прошел VI Международный конгресс «Производство, наука и образование в эпоху трансформаций: Россия в (де)глобализирующемся мире». Конгресс был организован Институтом нового индустриального развития (ИНИР) им. С. Ю. Витте при поддержке Московского финансово-юридического университета, философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Конгресса работников образования, науки, культуры и техники (КРОН), Общероссийского общественного движения «Образование – для всех».

Участниками конгресса были более 400 человек, представлявших многие регионы России, страны ближнего и дальнего зарубежья. С докладами выступили представители ведущих научно-исследовательских институтов, вузов, а также активисты общественных движений и профсоюзов.

Основными темами дискуссий стали вызовы четвертой промышленной революции; адаптация общества к новым технико-экономическим реалиям; роль различных общественных институтов (в том числе государства) в социально-экономическом развитии, отношения человека и природы; новый глобальный миропорядок и геополитические противоречия; проблема реиндустриализации, новые формы взаимосвязи производства, науки и образования; поиск новых целей образовательного и воспитательного процесса; дебюрократизация системы образования на разных уровнях.

Поднятые проблемы актуальны для всего мира; при этом на конгрессе большее внимание уделялось вопросам, наиболее острым для России. Отечественная социально-экономическая система нуждается в переменах, ориентированных на вхождение страны в число лидеров технологического развития. Нарождающаяся технологическая вол-

¹ *Глеб Андреевич Маслов*, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, канд. экон. наук, e-mail: glemiach@yandex.ru

на скорое всего приведет к усилению неравенства между странами-лидерами и остальными государствами. В условиях непростой геополитической обстановки промедление с реализацией необходимых мер экономической политики чревато для нашей страны угрожающим отставанием.

Конгресс открыли С. Д. Бодрунов (д-р экон. наук, профессор, директор Института нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, президент Вольного экономического общества России, президент Международного Союза экономистов) и А. Г. Забелин (д-р экон. наук, профессор, ректор МФЮА). Была отмечена важность активного обсуждения заявленных тем. Без проведения публичных дискуссий в среде ученых, практиков государственного управления и бизнеса, представителей общественных организаций невозможна выработка ответов на вызовы стремительно развивающейся технико-экономической среды.

Модераторами первого пленарного заседания стали С. Д. Бодрунов и А. В. Бузгалин (д-р экон. наук, профессор, директор Института социэкономки МФЮА, директор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова).

С. Д. Бодрунов в пленарном докладе «Развитие технологий и человеческих качеств предполагает новые приоритеты экономической, социальной и инвестиционной политики» отметил, что, хотя путь от теории к практике зачастую бывает довольно длинным, нельзя недооценивать потенциал теоретических дискуссий с точки зрения влияния предлагаемых идей на конкретные решения политиков, реализующих ту или иную экономическую программу. Основопологающей задачей является формулировка целей развития общества на определенном историческом этапе.

В настоящее время ориентация на сугубо количественные показатели производства, выраженные, в частности, в показателе ВВП, начинает себя изживать. Создается все больше благ, удовлетворяющих симулятивные, а не реальные потребности общества; осуществляющих функцию перераспределения (а не приращения) богатства. Увеличение производства таких благ не способствует повышению благосостояния и развитию общества. Важно скорректировать систему целеполагания в сторону развития технологий и прогресса человеческих качеств.

Мир активно переходит к новой эре, к индустриальному обществу второго поколения (ННО.2), где компонент знаний все больше преобладает над материальной составляющей производства. В данной системе происходит интеграция производства, науки и образования, а процесс труда в значительно большей степени основан на творчестве.

Социально-экономическая политика должна опираться на данные трансформации. Необходима ориентация на долгосрочные проекты, где роль государства является ведущей. Одной из ключевых задач становится развитие человеческого потенциала, что требует существенных финансовых вложений. В то же время участие государства не должно быть повсеместным и слишком настойчивым, в противном случае бюрократизация сфер образования и науки станет тормозом для всех продуктивных инициатив.

Долгосрочные исторические тенденции указывают на возможный облик будущего общества. Новая система, ноономика, будет характеризоваться отходом от производственных отношений в прежнем понимании слова. Задача насыщения материальными благами станет, скорее, инженерной, а общество переориентируется на удовлетворение неэкономических потребностей. Сейчас же необходимо проработать страте-

гию относительно безболезненного, бесконфликтного перехода на эту стадию общественного развития.

О. Н. Смолин (д-р филос. наук, профессор, академик РАО, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке) в докладе «Национальное богатство России: человеческий потенциал и высокие технологии» подчеркнул, что в нынешней экономической ситуации, когда средний прирост ВВП за последние годы минимален, по ряду важных отраслевых показателей до сих пор не достигнуты результаты позднесоветского периода; постоянное накопление, а не инвестирование средств можно назвать пагубным. За последние годы заметно снизился уровень жизни населения. Экономика теряет потенциал, основанный на стабильной покупательной способности населения.

Финансирование ключевых сфер развития человеческого потенциала в современных условиях явно недостаточно. Так, по доле расходов на образование Россия едва входит в первую сотню стран. Вложения в здравоохранение, которые значительно увеличатся в следующем году, недостаточны с точки зрения норм ВОЗ. Сфера культуры также испытывает недостаток средств. При сохранении такой политики едва ли удастся осуществить подлинную экономическую модернизацию.

Приверженность руководства страны принципам рыночного фундаментализма отметил **Р. С. Гринберг** (д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института экономики РАН) в докладе «Российская экономика сегодня: дискуссия о путях преодоления стагнации».

В мире рынок остается доминирующей силой, что поставило перед планетой серьезные проблемы: климатические изменения и разбалансировка экосистемы; обострение проблемы неравенства; усиление геополитической напряженности.

Найти решение, позволяющее смягчить данные противоречия, затруднительно. Однако отметим важность большего государственного участия, а также возможного внедрения в рынок новых нерыночных механизмов, в частности безусловного базового дохода, дискуссии о котором активно ведутся в ряде стран.

В. В. Миронов (д-р филос. наук, профессор, член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Деформация образования в условиях трансформации современной культуры» выделил два фактора трансформации современной системы образования – глобализацию и активное внедрение технологических нововведений.

Первый связан с рыночной экспансией и закреплением за страной места в системе разделения труда. Образование и наука оказываются подчиненными рыночной логике, где требуется достижение сиюминутных финансовых результатов (с этим связано все большее распространение грантов). Это противоречит самому характеру творческого процесса, который естественен в научном и образовательном сообществах. При этом в нашей стране наблюдается недостаток финансирования этих сфер.

Второй фактор обуславливает становление глобального коммуникационного пространства, в котором, однако, возникают значительные препятствия диалогу между социальными группами (например, сильно различаются способы получения, обработки и передачи информации у разных поколений). Электронная культура и цифровизация несут в себе риски – они могут чрезмерно упростить способы мировосприятия человеком, поставить его в чрезмерную зависимость от машин.

Д. Е. Сорокин (д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель, директор Департамента экономической теории Финансового универси-

тета при Правительстве РФ) в докладе «Политическая экономия технологического лидерства» обозначил несоответствие между экономическими показателями, заявляемыми при формировании программ развития, и реально достигаемыми. Расхождение обусловлено ограниченностью потенциала предполагаемых драйверов развития. К примеру, неполная загрузка производственных мощностей связана с недостаточной конкурентоспособностью продуктов, которые они могут производить. В конечном счете предпочтение зачастую отдается импортным товарам.

Учитывая исторический опыт и национальную специфику, нужно принять неизбежность большего участия государства в процессе модернизации экономики России, стимулирования продуктивной конкуренции предпринимателей. При этом едва ли возможно избежать административных барьеров.

Ключевой задачей науки является разработка концепции, которая позволит сформировать масштабную государственную программу развития с минимизацией избыточной власти чиновников.

Доклад **Б. С. Кашина** (д-р физ.-мат. наук, профессор, академик РАН, председатель движения «За возрождение отечественной науки») «Какими силами выводить из кризиса российскую науку?» посвящен опасностям новой технологической эпохи, а также проблемам реформ в сфере отечественного образования.

Хотя продуктивный потенциал новых технологий, основанных на искусственном интеллекте и машинном обучении, безусловно, велик, сохраняются риски корпоративного господства над каналами информации, бесконтрольного сбора личной информации, навязывания индивидам моделей поведения. На Западе эта ситуация уже вызывает озабоченность, однако конкретные решения проблемы еще не предложены.

Для отечественной сферы образования и науки ключевой проблемой является отстранение ученых и преподавателей от управления, отсутствие свободы полноценной творческой деятельности. Законы последнего десятилетия (закон о бюджетных учреждениях (2010 г.), закон об образовании (2012 г.), нормы, ориентирующие на поощрение грантового финансирования) закрепощают работников, подчиняя их диктату чиновников и делая профессию менее привлекательной для потенциальных новичков. В таких условиях едва ли можно надеяться на преобразование государства и общества.

Г. Б. Клейнер (д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель научного руководителя, руководитель научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика» Центрального экономико-математического института РАН) в докладе «Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнания» поставил вопрос о будущем характере экономики, о том, что будет стоять за развитием экономики знаний.

Новую экономику докладчик обозначил как экономику постзнания. За имеющимся знанием о прошлом наступает пора новых вызовов, ситуация *незнания*. Незнание обращено в будущее, и общественный интеллект будет генерировать новые задачи, формулировать проблемы, которые появятся в динамично развивающейся системе. В этой связи стоит ожидать перестройки институциональной структуры общества, и сейчас важной становится попытка прогноза конкретных форм, которые нас могут ждать в будущем.

В интеллектуальной экономике первостепенной задачей станет не осмысление имеющейся действительности с помощью образования и науки, как это было в предыдущие периоды. Главным станет процесс формирования, выращивания но-

вой реальности, которую можно соотнести уже не с новой, а с так называемой *сверхновой* экономикой.

Необходимость структурной перестройки экономики для повышения темпов роста и доли инновационной составляющей в производстве была отмечена **Е. Б. Ленчук** (д-р экон. наук, профессор, директор Института экономики РАН) в докладе «Готова ли Россия к технологическому прорыву». Однако, несмотря на декларируемую во властных кругах ориентацию на технологический рынок, объем отечественной высокотехнологичной продукции на мировом рынке остается небольшим, а импортозависимость нарастает.

Причинами такого положения являются: 1 – принципы кредитно-денежной политики, выливающиеся в дороговизну заемных средств, низкий уровень монетизации экономики; 2 – кадровый голод, во многом связанный с недостаточным финансированием науки.

Для выхода из этой ситуации нужно обратиться к историческому опыту, из которого следует, что технологический рынок, как правило, инициируется государством. При промедлении с решительными действиями есть риск остаться на периферии технологического и экономического развития.

В. В. Иванов (д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор, член-корреспондент РАН, заместитель президента Российской академии наук) в докладе «Новый вектор глобализации: наука, технологии, образование» отметил, что технологическое отставание России от ведущих стран было во многом предопределено переходом к рыночной модели в начале 1990-х гг., а также реформами образования 2000-х гг. Впоследствии известная реформа РАН подорвала научный потенциал страны. Таким образом, закрепилась ориентация на продажу природных ресурсов и потребление импортных технологий, а не на разработку собственных.

Модернизация экономики должна быть вписана в новое мироустройство, заданное господствующим типом технологий. В частности, подход, основанный на максимизации количественных показателей производства, все больше себя изживает – ключевым становится повышение качества жизни (в широком смысле). Происходит переход к новым энергетическим системам и роботизация экономики и жизни в целом. При этом серьезным вызовом остается отставание в сфере культуры, нечеткое понимание того, как использовать новые технологии для гармоничного развития общества.

С. Н. Бобылев (д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики природопользования экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Цели устойчивого развития для России» подчеркнул, что парадигмой человечества в XXI в. становится устойчивое развитие, основанное на «зеленой экономике» и бережном использовании природных ресурсов. Происходит активный переход к низкоуглеродному производству, циркулярной экономике (повторное использование материалов). Появляется новое качество биотехнологий, что вместе с ростом эффективности несет и немалые риски.

Многие международные договоренности в сфере «зеленой экономики» трансформируют функционирование рыночной системы. В частности, инвестиции активно перенаправляются в производства, соответствующие высоким экологическим стандартам, поскольку в них действует гораздо более благоприятный налоговый режим.

Россия слабо вписывается в эти тенденции, так как по-прежнему большую роль в нашей экономике играют отрасли, основанные на использовании невозобновляемых

природных ресурсов. В перспективе перед отечественной экономикой неизбежно встанет задача корректировки основ развития.

Доклад **О. А. Александровой** (д-р экон. наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ) «В чьих руках наше здоровье: проблемы подготовки и развития медицинских кадров» посвящен актуальным проблемам в здравоохранении.

Согласно активно насаждаемой (в том числе крупными международными институтами) рыночной логике в социальной сфере, здравоохранение превращается в сектор услуг, в котором участие государства должно быть значительно ограничено. Такой подход привел к недостатку современного оборудования и препаратов, несмотря на определенные шаги в политике импортозамещения.

Несмотря на увеличение зарплат медицинских работников, большого интереса к профессии не произошло. Сохраняется проблема подготовки кадров, связанная с несоответствием спроса на специалистов и содержанием программ подготовки в медицинских вузах. Это, наряду со снижением статуса преподавателя, недостатком ориентации на практику и дефицитом обучающего оборудования, ставит под угрозу качественное воспроизводство кадров для системы здравоохранения в целом.

Во второй части конгресса состоялась работа 16 семинаров. Были проведены два пленарных семинара: 1 – социально-экономические результаты технологических трансформаций; 2 – человек и общество в эпоху глобальных трансформаций и 14 тематических: 1 – социально-экономическое развитие: роль государства; 2 – образование и воспитание в (де)глобализирующемся мире: проблемы и решения; 3 – дебюрократизация управления, нормирование рабочего времени и оплаты труда в научных организациях и вузах; 4 – вызовы, стоящие перед высшим образованием в эпоху (де)глобализации; 5 – глобальные вызовы и риски национальной экономической безопасности в условиях цифровой трансформации; 6 – социальная политика России в контексте национальной безопасности и ее влияние в регионе Евразии; 7 – формирование целостной отечественной гуманитарной науки; 8 – справедливое информационное общество РФ и стратегия развития искусственного интеллекта в РФ; 9 – качественные трансформации технологий и социальных практик, вызовы производству, науке, образованию; 10 – институциональные аспекты планирования и управления в новой экономике; 11 – фискальные и кредитно-денежные аспекты модернизации; 12 – наука: взаимодействие с обществом, «реформы РАН», дебюрократизация управления; 13 – проблемы и перспективы развития знаниеемкого производства в России; 14 – возрождение производства, науки и образования в эпоху (де)глобализации: геоэкономические и геополитические вызовы.

Отметим пленарные семинары (1 и 2). Их участники – известные ученые и общественные активисты – выделили разные уровни влияния новых технологий на жизнь современного общества. Была отмечена противоречивость новых социально-экономических явлений, которые несут последние достижения науки и техники. Рыночное саморегулирование едва ли способно направить их в полезное для общества русло, что вызывает потребность в активной экономической политике со стороны государства. В этой связи отметим растущую роль «неэкономических» факторов развития, относящихся к сфере культуры, воспитанию нового типа личности, взаимодействию человека и природы.

На заключительной пленарной сессии с докладами выступили А. В. Бузгалин, Л. Габриэль (член Международного совета Всемирного социального форума, Австрия),

О. Коджиола (заведующий кафедрой истории университета Сан-Паулу, вице-президент Национальной ассоциации преподавателей университетов и исследователей Бразилии), А. А. Пороховский (д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова). Спикеры отметили универсальность проблемы распространения в системе образования элементов, ориентированных на рынок. Принципиальное значение приобретает постановка вопроса о том, какой тип личности должен формироваться в процессе образования, какие задачи система образования должна ставить перед собой в новых условиях.

Подводя итоги работы конгресса, отметим, что участникам удалось осветить широкий круг вопросов, связанных с вызовами технологического развития, новыми формами интеграции производства, науки и образования, проблемами возможных трансформаций российской экономической модели. Дискуссии велись главным образом на основе междисциплинарного подхода, без которого трудно обойтись при обсуждении актуальных тем.

G. A. Maslov. Production, science and education in the age of transformations: Russia in the (de)globalizing world. The article is devoted to the review of the Sixth International Congress «Production. Science and Education in the Age of Transformation: Russia in (de) Globalizing World». The Congress was held on December 4, 2019 in Moscow Finance and Law University MFUA. The discussions focused on a wide range of problems concerning the contradictions of modern technological development, the integration of production, science, education, the modern challenges of national education and a number of other topical socio-economic problems. The participants were about 400 people representing many regions of Russia, as well as countries near and far abroad.

Keywords: PSE-2019, NIS.2, noonomy, technological development, industrial revolution, reindustrialization, integration of production, science and education.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

А. И. Колганов¹

ПРОТИВОРЕЧИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Тезис о противоречии между производительными силами общества и производственными отношениями является одним из основополагающих в марксистском подходе к исследованию исторического развития социально-экономических систем. Именно на таком исследовании основан сделанный более полутора веков назад прогноз К. Маркса о тенденциях развития производительных сил, ныне находящий блестящее подтверждение. Однако сейчас уже нельзя довольствоваться этим прогнозом. Все современные тенденции в развитии производительных сил требуют постановки целого ряда новых исследовательских задач. Новые производительные силы человеческого общества несут в себе потенциальные возможности, плодотворное, а не разрушительное действие которых требует существенного изменения социально-экономических отношений людей.

Ключевые слова: производительные силы, производственные отношения, противоречия, шестой технологический уклад, новая нормальность, неэкономическое регулирование производства.

УДК 330.352

Изучение противоречивого взаимодействия производительных сил общества и производственных отношений является одним из основополагающих моментов в марксистском подходе к исследованию исторического развития социально-экономических систем [9, с. 6–7]. Понимание данного противоречия позволяет исследовать причинно-следственные связи, определяющие взаимодействие и взаимное влияние материальных и социальных факторов производства, как источник эволюционного развития и революционных скачков в развитии общественного производства и его общественно-го устройства.

¹ *Андрей Иванович Колганов*, зав. лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор, e-mail: onaglo@mail.ru

Этот подход в явном или неявном виде получил широкое распространение в социальных науках на Западе, причем даже среди ученых, придерживающихся немарксистских или открыто антимарксистских позиций. Не завоевал он признания лишь в основном течении экономической теории. «Экономикс» признает производительные силы лишь под обезличенным именем «факторов производства», принимая во внимание только их цены и стоимостную оценку производительности. Влияние эволюции производительных сил на характер экономических отношений в основном течении совершенно не исследуется. Поэтому эволюционное развитие экономики под воздействием совершенствования материальных факторов производства привлекает внимание философов, социологов, футурологов, но не большинства экономистов.

Природа такой научной «слепоты» достаточно понятна – основное течение экономической теории слишком тесно связано с защитой сложившихся экономических порядков, чтобы ставить их под сомнение изучением факторов изменений экономического устройства общества. Между тем противоречивое взаимодействие производительных сил и производственных отношений дает ключ как к долгосрочным тенденциям в экономическом развитии, так и к наступлению переломных моментов в этом процессе. Именно на таком исследовании был основан сделанный более полутора веков назад прогноз К. Маркса о тенденциях развития производительных сил, ныне находящий блестящее подтверждение. И превращение науки в непосредственную производительную силу, и вытеснение человека из процесса производства, и возрастание роли свободного времени одновременно с усилением роли и значения творческого труда – рост значимости всех этих тенденций мы наблюдаем на протяжении последних десятилетий [10, с. 208, 213, 215, 221].

Полагаю, что недалеко то время, когда станет очевидной и правота Маркса относительно воздействия этих тенденций на размывание стоимостной основы экономических отношений и капиталистического строя общества.

Однако уже сейчас нельзя довольствоваться этим прогнозом или поиском новых конкретных подтверждений его правоты. Во-первых, жизнь показывает нам и новые проблемы в развитии производительных сил, лишь упомянутые в свое время К. Марксом, например, проблему экологического равновесия и ресурсного перенапряжения Земли. Во-вторых, все современные тенденции в развитии производительных сил требуют – в полном соответствии с марксистским методом – постановки целого ряда исследовательских задач.

Каким именно образом новые явления в развитии производительных сил скажутся на изменениях в производственных отношениях людей? В каком направлении уже происходящие и грядущие изменения в производственных отношениях подтолкнут развитие производительных сил? Как должна быть выстроена экономическая политика, чтобы не отстать от объективно назревающих перемен?

Наконец, все эти вопросы требуют оценки масштаба прогнозируемых изменений: насколько глубокий качественный перелом в развитии нам предстоит и какова будет природа этого перелома?

На протяжении последних десятилетий мы были свидетелями существенных сдвигов как в развитии производительных сил, так и в модели капиталистических производственных отношений, в рамках которой они развивались. Ушла в прошлое модель капитализма, опиравшаяся на использование программирования экономики, стимулирование реального спроса и соответствующую политику доходов, на смягчение имущественной дифференциации, поддержание высокого уровня занятости, что в большинстве стран было связано с наличием значительного государственного сектора.

Эта модель основывалась на поощрении развития крупного промышленного производства, требующего масштабных инвестиционных программ и ориентированного на массовый выпуск стандартизированных изделий. Вместе со снижением удельного веса промышленности, укреплением тенденции к индивидуализации производства, переходом от периодической реализации крупных инвестиционных проектов к непрерывному потоку производственных инноваций произошло возрастание роли финансового рынка в мобилизации инвестиций и в регулировании производства в целом. Прежняя модель (условно назовем ее кейнсианской) сменилась неолиберальным трендом. Для него характерны дерегулирование финансовых рынков, приватизация значительной части государственных активов, стимулирование спроса за счет расширения потребительского кредита, рост имущественной дифференциации, широкое распространение неполной и частичной занятости.

Отметим, что преодоление стагнации, вызванной исчерпанием возможностей прежней модели на новом витке производительных сил, было куплено ценой ослабления стимулов к крупным качественным сдвигам в техническом прогрессе и снижения общих темпов роста производительности. Тем не менее, технический прогресс не останавливался, и мы снова сталкиваемся с тем, что неолиберальная модель, глобализация и финансиализация мировой экономики не справляются с вызовами новой технологической волны. «Новая нормальность» современной экономики, возникшая после кризиса 2008–2009 гг. и характеризующаяся замедлением темпов экономического развития, спадом инвестиционной активности, возросшей волатильностью рынков и неэффективностью прежних рычагов государственного регулирования, подтверждает этот вывод [1; 2, с. 27].

Какие же вызовы несет нам новая волна инноваций (или новая технологическая парадигма, или новый, шестой, технологический уклад – ТУ)?

Достаточно широко распространено мнение, что наиболее характерной чертой нового этапа технологического развития является NBIC-конвергенция [3, р. 1]. Шестой ТУ отличается от прежних технологических укладов не просто появлением новых технологий, но, во-первых, переплетением и взаимопроникновением разных видов технологий, объединяемых в одном технологическом процессе, что проявилось в широком распространении гибридных технологий. Во-вторых, технологическим стержнем, на который «наназывается» эта конвергенция, выступает новая фаза эволюции информационных технологий, характеризующаяся развитием цифровизации: распространением систем искусственного интеллекта, человеко-машинных систем и методов обработки больших массивов информации (big data), значительная часть которой поступает от автоматических датчиков.

Иметь представление о технологической стороне вопроса важно, чтобы понять, какие социально-экономические последствия могут нести с собой данные технологические сдвиги. Некоторые из этих последствий уже прорисовываются. Очевидно, что производство на основе нового технологического уклада будет более знаниеинтенсивным, а производимый продукт – более знаниеемким [6, с. 134–135]. Инновационные процессы приобретут фактически непрерывный характер.

Это приведет к изменениям в структуре занятости: росту числа рабочих мест, требующих высокого уровня образования и квалификации, и увеличению количества людей, занятых научными исследованиями и разработками. Это потребует увеличения доли расходов на науку и образование в национальном доходе. Еще более тесной станет интеграция сферы НИОКР и непосредственного производства, что будет менять

облик основного производственного звена экономики. Благодаря развитию автоматизации производства непосредственно выпуском продукции будет занято относительно меньшее число людей, а основная масса будет обеспечивать непрерывность инновационного процесса.

Формирование «умных фабрик», включенных в систему интернета вещей, открывает дорогу к почти полностью безлюдному производству. И эта тенденция не может осуществляться без аналогичных сдвигов в структуре занятости – без высвобождения людей из сферы непосредственного производства и перераспределения их в сферу научных исследований и опытно-конструкторских разработок. Достижения шестого ТУ, связанные с искусственным интеллектом и когнитивными технологиями, позволяют сделать первые шаги к автоматизации в сферах торговли, транспорта, финансовых услуг. Можно предположить, что многие отрасли сферы услуг, которые в последние десятилетия давали работу тем, кого выталкивала сфера материального производства, в перспективе утратят эту функцию.

Такое изменение структуры занятости влечет за собой изменение преобладающих мотивов хозяйственной деятельности. Чисто денежная мотивация будет все сильнее вытесняться мотивами, связанными с реализацией своих способностей, самосовершенствованием, социальным престижем, обеспечением дружественных коммуникаций в процессе работы и т. д.

Либерализация финансового рынка в свое время позволила создать более гибкий механизм мобилизации инвестиций для активизации инновационных процессов. Однако платой за эту гибкость стал разгул высокорисковых финансовых спекуляций, угрожающих стабильности экономической системы в целом. Дальнейшее наращивание инновационной активности и особенно расширение фронта фундаментальных исследований для разработки принципиально новых технологий на основе стихийных процессов (и сознательных манипуляций) на финансовом рынке становится невозможным. Недаром в экономике появились принципиально новые, нерыночные способы организации инновационной деятельности и мобилизации ресурсов для них – краудсорсинг и краудфандинг.

Сам рыночный механизм, обеспечивающий связь производства и потребления, нуждается в коррекции. Экономическая рациональность рыночного типа, нацеленная на сбыт чего угодно и любой ценой, лишь бы это было рентабельно, уже породила феномен навязываемых рынком иллюзорных фальшивых потребностей [4, с. 239–240; 5]. Встает вопрос о новой рациональности, ориентированной не на прибыль, а на совершенствование самого человека и всего комплекса условий его существования, включая состояние окружающей среды.

Таким образом, новые производительные силы человеческого общества несут в себе потенциальные возможности, плодотворное (а не разрушительное!) действие которых требует существенного изменения социально-экономических отношений людей – их более рационального регулирования, а также отказа от опоры на стихийное действие экономических регуляторов, нацеленных на достижение чисто экономического результата. Развитие в ином направлении может породить цивилизационный кризис с угрозой подрыва условий существования человека или утраты человеческой сущности. Поэтому переход к неэкономическому регулированию производства становится и возможным, и необходимым [7, с. 290–297].

Возможности перехода к новой рациональности, к разумному саморегулированию человеком процесса формирования и удовлетворения потребностей заложены

в самой природе приближающегося этапа развития производительных сил, а также в противоречиях, порождаемых этим этапом в системе капиталистических производственных отношений. Однако ни достижение этой новой ступени в развитии производительных сил, ни изменение общественного устройства производства не являются автоматически гарантированными. Более того, реакция капиталистической системы на противоречия собственного развития выражается не только в возникновении в ее рамках прогрессивных отношений нового типа, но и в торможении назревших перемен.

Уже упомянутая «новая нормальность» помимо обычно фиксируемой нестабильности рынков, спада инвестиций и ослабления рычагов государственного регулирования несет в себе и ряд других тенденций, зародившихся вне прямой связи с экономическим и финансовым кризисом 2008–2009 гг. Отметим тенденцию замедления процессов автоматизации производства и расширения занятости в секторе малоквалифицированного труда в целом ряде развитых стран. С этим вполне согласуется сокращение инвестиций в робототехнику и вообще в развитие производства высокотехнологичных машин и оборудования [8, с. 2]. В результате происходит измельчание инновационных проектов, которые при кажущейся многочисленности и непрерывности стали все чаще сосредоточиваться на мелких улучшениях и даже на имитации таковых.

Задолго до кризиса 2008–2009 гг. в развитых странах наблюдалась стагнация реальных доходов населения при росте их дифференциации. Ответом на эту ситуацию стала не «война с бедностью» и не использование кейнсианской политики стимулирования доходов для расширения спроса, как это было в 1950-е – 1970-е гг., а раздувание потребительского кредитования населения, что вплотную подводит к ситуации «долгового рабства». Проблема занятости решается за счет все более широкого применения форм неполной и частичной занятости, что резко снижает как гарантии самой занятости, так и доступ к социальным гарантиям и льготам, которых трудящиеся добились в предшествующий период. Приток мигрантов из менее развитых стран используется как рычаг давления на рынок труда, позволяющий сдерживать рост реальной заработной платы.

В конечном итоге все эти тенденции выражаются в росте уровня эксплуатации труда.

Капиталистическое мировое хозяйство оказалось не в состоянии сохранить даже те преимущества, которые оно получило с развитием процессов глобализации. Ряд менее развитых стран смог совершить экономический и технологический рывок, а развитые страны столкнулись с последствиями чрезмерного экспорта производительного капитала и вызванной этим деиндустриализацией. В результате в мировом хозяйстве нарастают противоречия, оно стоит на грани настоящих торговых войн, а сложившиеся интеграционные группировки испытывают реальную опасность распада.

Таким образом, в современном капиталистическом хозяйстве явственно проступают регрессивные черты. Исход борьбы между регрессивными и прогрессивными тенденциями отнюдь не предрешен. Недаром в мире отмечается нарастание правоконсервативных тенденций. Тем выше должна быть наша социальная ответственность в поисках выхода из сложившихся противоречий, выхода, открывающего путь к более разумному и человечному будущему.

Список литературы

1. *El-Erian, M. A. Paul Ryan's plan and the next 'new normal' / M. A. El-Erian // The Washington Post. – 2012. – August 13.*

2. Улюкаев, А. Выступление на Гайдаровском форуме – 2012 / А. Улюкаев // *Экономическая политика*. – 2012. – №2.
3. Roco, M. Overview Converging Technologies for Improving Human Performance // M. Roco, W. Bainbridge, (eds). *Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. – Arlington, 2004.
4. Бодрийяр, Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. – М.: Республика; Культурная революция, 2006.
5. Jameson, F. *Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism* / F. Jameson. – Durham, NC: Duke University Press, 1991.
6. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка / С. Д. Бодрунов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016.
7. Бодрунов, С. Д. Ноономика / С. Д. Бодрунов. – М.: Культурная революция, 2018.
8. Мануйлова, А. Новый пролетариат вместо роботов / А. Мануйлова // Газета «Коммерсантъ». – № 77. – 06.05.2019.
9. Маркс, К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 13. – М.: Госполитиздат, 1959.
10. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. II. – М.: Политиздат, 1969.

A. I. Kolganov. Conflict between productive forces and production relations: modern perspective. The thesis about a contradiction between productive forces of society and production relations belongs to one of fundamental in Marxist approach to a research of historical development of social and economic systems. K. Marx's forecast made more than 1,5 centuries ago about trends of development of productive forces which is nowadays finding brilliant confirmation was based on such research. However, it is impossible to be content with this forecast already. All current trends in development of productive forces demand from us to set a number of new research tasks. New productive forces of human society bring to themselves potential opportunities which fruitful, but not destructive, action demands significant change of the social and economic relations of people.

Keywords: productive forces, production relations, contradictions, sixth technological way, new normality, non-economic regulation of production.

С. Ш. Мирзиёева¹

**УЧЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
И ОСОБЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ПРИ РАЗРАБОТКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРАТЕГИЙ**

Обоснована необходимость учета глобальных тенденций и закономерностей социально-экономического развития в процессе стратегирования. Проведен анализ источников информации и методологических подходов к селекции сведений о наиболее релевантных тенденциях в контексте формируемых стратегий. Показано, что в условиях обострения глобальной конкуренции экспертно-аналитическая деятельность по систематическому мониторингу глобальных трендов превращается в «индустрию», обеспечивающую информационное сопровождение стратегирования объектов различного калибра. Подчеркивается роль увеличения числа экспертно-дискуссионных площадок для обсуждения глобальных проблем современности, в том числе роста глобальных рисков, а также тенденций, способных воздействовать на степень влияния этих рисков (в версии Всемирного экономического форума в Давосе). Показано превалирование экологических рисков, а также значительное место вызовов технологической природы в Топ-5 глобальных угроз человеческой цивилизации. Сделан вывод о необходимости тщательного анализа информации о глобальных тенденциях из различных источников с верификацией наиболее релевантных трендов в национальном контексте и их учетом в разрабатываемых стратегиях.

Ключевые слова: глобальные и национальные тенденции, тренды, вызовы, риски, угрозы, мониторинг научно-технологических трендов, процесс стратегирования, стратегии социально-экономического развития, национальные стратегии.

УДК 316.42:005.21

338.27:005.21

Современное состояние мирохозяйственных связей характеризуется переплетением национальных экономик многих стран со сложной диалектикой взаимодействия главенствующих тенденций социально-экономического развития в недрах различных интеграционных процессов в региональном и глобальном форматах. На этом фоне возрастают требования к качеству стратегий развития государства как эффективного инструмента продвижения национальных интересов в условиях жесткой конкурентной борьбы.

Одно из важнейших условий формирования государственных стратегий – учет доминирующих глобальных и национальных тенденций социально-экономического развития. Исключительную важность анализа и выявления характерных тенденций и закономерностей потока социально-экономических событий обосновал основополож-

¹ Саида Шавкатовна Мирзиёева, заместитель директора Агентства информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан.

ник современной теории и методологии стратегирования академик В. Л. Квинт [1, 2]. В одном из своих фундаментальных трудов ученый [3] дает детальный анализ основных глобальных закономерностей, предвосхищающих социально-экономические процессы XXI в., и формулирует рекомендации по учету этих закономерностей в разрабатываемых стратегиях для обеспечения конкурентоспособности и успеха практической реализации стратегирования. В качестве глобальных политических, экономических и технологических закономерностей он выделяет процессы глобализации, политической дезинтеграции, регионализации, активизации технологического развития, экономической интеграции, приватизации, интернационализации, усиления террористических угроз и экстремизма. Отдельное внимание автор уделяет подробному анализу долгосрочных тенденций, связанных с формированием и развитием глобального рыночного пространства: развитию экономики знаний, трансформации глобальной финансовой системы, глобализации конкуренции, перераспределению центров экономического влияния в мире, усилению неравномерности распределения богатства и доходов, распространению технических инноваций, информатизации, изменению производственной структуры экономики и др. [4].

Наиболее инновационными и потенциально успешными автор считает стратегии, в которых учтены не только зрелые и очевидные тенденции, но и не проявившиеся к моменту разработки и началу реализации стратегий тренды и закономерности [5, с. 6]. При проведении *SWOT*-анализа он предлагает сместить акценты с изучения характеристик внутренней среды на исследование внешней. Тем самым В. Л. Квинт подчеркивает доминирующую роль свойств внешней среды, проявляющихся в виде тенденций, закономерностей и генерирующих потенциальные возможности и угрозы, в разработке более успешных стратегий.

Влияние ключевых закономерностей и тенденций на эффективность стратегий становится все более очевидным в последние десятилетия. Умение вовремя предвидеть приближающийся мировой (или более ограниченного масштаба) кризис позволит заблаговременно оценить его характер и включить в стратегию развития меры по упреждению или смягчению негативных последствий кризиса для национальной экономики [6].

При разработке национальных стратегий, помимо глобальных, необходимо учитывать очевидные и потенциальные региональные тенденции развития. Объективно неизбежные связи каждой страны с соседями по региону обуславливают прямую или опосредованную взаимозависимость происходящих в этих странах социально-экономических и общественно-политических процессов. Меры, реализуемые в рамках программ развития отдельных секторов экономики в одной стране региона, могут оказать значительное влияние на объемы экспорта и импорта товаров и услуг, уровень занятости населения, инвестиционную привлекательность тех или иных отраслей в соседнем государстве.

Важность рассмотрения национальных стратегий в общем контексте региональных и глобальных тенденций развития обусловлена необходимостью увязки предстоящих реформ с растущим (регрессирующим) спросом со стороны мировой экономики, усилением экологических требований, масштабов климатических изменений, дефицитом энергетических, сырьевых, водных ресурсов и стремительными изменениями в сфере технологических инноваций.

Все это сильно усложняет задачу формирования национальных стратегий, успех разработки и реализации которых напрямую связывается с учетом связей пре-

дусматриваемых в них реформ с кратко-, средне- и долгосрочными тенденциями социально-экономического развития в глобальном, региональном и национальном контекстах.

В мире сложились и продолжают формироваться различные экспертные, научно-аналитические и общественно-политические сообщества, специализирующиеся на изучении и оценке тенденций, закономерностей, рисков, вызовов и угроз современности. В процесс отслеживания и систематического мониторинга перспективных тенденций и закономерностей долгосрочного развития вовлекается все большее число авторитетных международных организаций. Заблаговременно обнаруживать, обобщать и формулировать глобальные тенденции и риски пытаются также различные рейтинговые агентства, аналитические издания и деловые журналы. Результаты этой масштабной экспертно-аналитической деятельности находят отражение в многочисленных экспертных оценках, научных и информационных материалах, задающих стратегические ориентиры для принятия решений на уровне надгосударственных образований, национальных правительств, отдельных регионов, отраслей и различных бизнес-структур в ответ на быстрые изменения социально-экономической, общественно-политической, экологической и научно-технологической действительности. Обширный поток регулярно обновляемого аналитического материала, циркулирующего в международной практике, является ценным источником необходимой информации о главенствующих трендах социально-экономических процессов в мировом и региональном масштабах.

Анализ соответствующей литературы показал, что при изучении динамики глобальных социально-экономических явлений часто оперируют категориями тренды, тенденции, закономерности, угрозы, вызовы, риски как тождественными понятиями. Попытаемся выяснить суть диалектики причинно-следственных связей между тенденциями, закономерностями или трендами, с одной стороны, и вызовами, угрозами и рисками – с другой.

Оценка трендов (тенденций, закономерностей), ярко выраженных, устойчивых или только зарождающихся; доминирующих или имеющих подчиненное значение, носит объектно-ориентированный характер (имеется в виду объект стратегирования). И именно с этой точки зрения они могут быть оценены или определены как вызовы (угрозы или риски) либо как возможности. В любом случае тенденции и закономерности носят объективный характер и несут в себе потенциал, реализация которого может открыть в перспективе перед мировой экономикой (регионом, государством или субъектом бизнеса) новые возможности или обернуться негативными последствиями.

Таким образом, в цепочке причинно-следственных связей тренды, тенденции и закономерности должны быть расположены ближе к «причинному» звену, а вызовы, угрозы и риски (как и возможности) – к «следственному». Отсюда часто, говоря о вызовах, рисках или угрозах, мы, по сути, говорим о тех же трендах, тенденциях и закономерностях, но в «оценочном» смысле. Поэтому выявление тенденций и закономерностей, с одной стороны, и оценка рисков, угроз и вызовов – с другой, есть процессы тождественные, требующие скрупулезной экспертной оценки. И по мере осознания лицами, принимающими стратегические решения, необходимости учета объективных трендов в мировой и региональных экономиках как условия эффективности разрабатываемых стратегий и ключевого фактора конкурентных преимуществ экспертно-аналитическая деятельность по систематическому мониторингу планетарных, региональных, национальных, секторальных, территориальных и отраслевых тенденций и закономерностей становится все более востребованной, превращаясь в своеобразную «индустрию».

Размах этой «индустрии» можно наглядно показать на примере отслеживания глобальных технологических трендов, обладающих весомым потенциалом влияния на социально-экономическое развитие в долгосрочной перспективе. Ввиду усиления роли прорывных инноваций на фоне стремительного уменьшения запасов природных ресурсов изучение потенциально значимых научно-технологических тенденций и закономерностей в последние десятилетия выделилось в самостоятельную сферу деятельности со своим понятийным аппаратом, формализованной процедурой технологического мониторинга, набором критериев для определения трендов и системой их классификации, методологией исследования и эффективными инструментами интерпретации полученных данных.

Определяя технологический тренд как прорывное направление технологического развития [7], различают:

- по масштабу воздействия на глобальное социально-экономическое развитие – мега- и микротренды, так называемые слабые сигналы, джокеры и т. д.;
- по ожидаемому эффекту от внедрения – технологии, меняющие правила игры, разрушающие инновации, зарождающиеся технологии, технологические решения, продукты и приложения;
- по сфере приложения – бизнес-тренды и инновационные идеи;
- по способу обнаружения тренда – исследовательские фронты.

Заказчиками многоуровневых исследовательских проектов и программ по мониторингу долгосрочных научно-технологических тенденций могут выступать практически все потенциальные участники процесса разноформатного стратегирования: наднациональные образования, правительства, государственные органы, представители местной власти, академических институтов, бизнес-структур, а также гражданского общества. В широкомасштабный процесс изучения перспективных технологических трендов с разработкой и реализацией опережающих мер по стимулированию развития технологических сфер, обладающих стратегическим потенциалом влияния на долгосрочное социально-экономическое развитие, вовлечены Европейская комиссия², Европарламент³, Организация экономического сотрудничества и развития⁴, Международный союз электросвязи⁵, Национальный институт научно-технической политики Японии⁶, Управление военно-морских исследований⁷, Национальный совет по

² 100 Radical Innovation Breakthroughs for the future. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/research_and_innovation/knowledge_publications_tools_and_data/documents/ec_rtd_radical-innovation-breakthrough_052019.pdf (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

³ Global Trends to 2035. Geo-politics and international power. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603263/EPRS_STU\(2017\)603263_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603263/EPRS_STU(2017)603263_EN.pdf) (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

⁴ Measuring Science, Technology and Innovations. URL: <https://www.oecd.org/sti/STI-Stats-Brochure.pdf> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

⁵ ITU-T Technology Watch Reports. URL: <https://www.itu.int/oth/T0B15/en> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

⁶ Contribution of Science and Technology to Future Society – Summary on the 9th Science and Technology Foresight. URL: <http://www.inovasyon.org/pdf/Japan.9th.Foresight.summary.pdf> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

⁷ ONR Global TechSolutions. URL: <https://www.onr.navy.mil/techsolutions/> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

делам разведки США⁸, Институт системных и инновационных исследований Общества Фраунгофера Германии⁹, Массачусетский технологический институт¹⁰, американский центр стратегических исследований RAND¹¹, корпорация IBM¹², ИКТ-компания Ростелеком¹³, консалтинговые и сетевые компании Z_Punkt¹⁴, Gartner¹⁵, Deloitte¹⁶, Trend Hunter¹⁷ и др.

Впечатляет широта спектра подходов к мониторингу технологических закономерностей, предусматривающих сочетание различных инструментов исследования, с постепенным изменением соотношения качественных и количественных составляющих в пользу последних по мере наращивания спроса на выявление скрытых признаков потенциальных технологических трансформаций. При реализации проектов по выявлению весомых научно-технологических трендов используется методологический арсенал, предусматривающий ту или иную комбинацию качественных методов и количественных методик:

- обзор научных, маркетинговых, финансово-экономических и других видов отчетов по итогам реализации различных проектов, релевантных научно-технических изданий, технических стандартов, условий и регламентов, данных из публикаций в СМИ и интернете, статей и блогов, новостных лент и материалов;
- интервью и опросы сотрудников, клиентов и партнеров компаний, представителей академических кругов, экспертного сообщества, международных организаций и различных слоев населения;

⁸ Global Trends 2030: Alternative Worlds. A publication of the National Intelligence Council. URL: <https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

⁹ Future Global Needs for Critical Raw Materials and Their Relation to SDGs. URL: <https://www.esmfoundation.org/wp-content/uploads/2017/10/Tercero-Emerging-Technologies.pdf> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

¹⁰ MIT Technology Review. 10 Breakthrough Technologies 2018. URL: <https://www.technologyreview.com/> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

¹¹ The Global Technology Revolution 2020, In-Depth Analyses. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/technical_reports/2006/RAND_TR303.pdf (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

¹² 5 in 5 – IBM Research. URL: <https://www.research.ibm.com/5-in-5/> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

¹³ Мониторинг глобальных трендов цифровизации. URL: http://go.mail.ru/redirect?src=278d96&via_page=1&type=sr&redirect=eJzLKCKpsNLXT81PLshJrEwt0isq1Te3MDExMDY30fXNz8ssyS_KzEvXTc_JT0rMyavM0C0pSs-1LyS_TTc5MK8ovy6xKTM7M1Msoyc1hYDA0NbOwMDI1NjFg2HHKNVPhuZP5Pq-Z21dIM6cDAH8EJMU&user_type=5a (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

¹⁴ Megatrends. URL: <https://rea.apambiente.pt/sites/default/files/megatrends.pdf> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

¹⁵ Top 10 Strategic Technology Trends for 2019. URL: <http://www.tadviser.ru/images/6/6b/3891569-top-10-strategic-technology-trends-for-2019.pdf> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

¹⁶ Tech Trends 2019. Beyond the digital frontier. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/br/Documents/technology/DI_TechTrends2019.pdf (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

¹⁷ 2019 Trend Report. URL: <http://www.agriworldsa.com/wp-content/uploads/2019/01/trend-report-2019.pdf> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

- проведение семинаров и панельных обсуждений с участием ученых, экспертов и исследовательских учреждений;

- разработка дорожных карт и сценариев, в том числе альтернативных;
- библиометрический, патентный, кластерный и сетевой анализы;
- сбор, анализ и обобщение экспертных оценок и данных из интернета;
- глубинный анализ текстовой информации из научно-технологических баз данных;

- сбор и анализ информации о передовых технологиях и статистических данных.

По завершении многочисленных исследовательских проектов осуществляются:

- формирование ценнейшего массива информации (докладов, регулярных отчетов, информационных бюллетеней, баз открытий и стратегических научно-технологических трендов);

- составление перечней и описаний стратегических технологических, в том числе микро- и мегатрендов, кластеров технологий, перспективных инноваций, особо значимых направлений научно-технологического развития;

- разработка альтернативных сценариев и глобальных карт развития технологий, научно-технологических прогнозов, рекомендаций по реализации мер научно-технической политики, планов инвестиций в сферу науки и технологий;

- публикация научных, аналитических и обзорных статей по различным аспектам проблемы выявления и мониторинга стратегических научно-технологических закономерностей.

Таким образом, технологический мониторинг становится неотъемлемой частью важнейшего, подготовительного, этапа процесса стратегирования различных объектов.

Вместе с тем при всей важности учета будущих технологических изменений все многообразие закономерностей, способных повлиять на сценарии социально-экономического развития в рамках разрабатываемых стратегий, не исчерпывается учетом научно-технологических тенденций. Обеспечение действенности и конкурентоспособности разрабатываемых стратегий развития подразумевает обязательный селективный учет, кроме технологических, наиболее релевантных экономических, социальных, политических и экологических тенденций и закономерностей.

Рост потребности процесса стратегирования в качественном информационном сопровождении обуславливает появление множества специализированных разноформатных платформ, предназначенных для обсуждения насущных проблем и выявления глобальных трендов разной природы. Одной из наиболее «брендовых» площадок для такого обсуждения с определением путей консолидации усилий всех заинтересованных сторон и периодическим обнародованием собственного видения глобальных тенденций, рисков, вызовов и угроз является ежегодный Всемирный экономический форум в Давосе [8–11]. Лейтмотив докладов форума последних лет – озабоченность усиливающейся геополитической разобщенностью, признаками которой являются:

- болезненно протекающая, но практически неотвратимая трансформация однополярного мира в многополярный;

- глубокий кризис процесса глобализации как явления;

- небывалое обострение глобальной конкуренции, зачастую принимающей агрессивные формы;

- частое и неприкрытое использование протекционизма для продвижения блоковых, национальных или корпоративных интересов;

- использование санкций и масштабных торговых войн в качестве инструментов геополитического и геоэкономического противостояния между крупными мировыми игроками.

Сложилась традиционная классификация глобальных рисков, позволяющая отнести их условно к экономическим, геополитическим, социальным, технологическим и экологическим группам. В докладах ВЭФ последних лет¹⁸ приведен перечень из 30 глобальных рисков: из них 9 являются экономическими, 5 – экологическими, по 6 – геополитическими и социальными, 4 – технологическими.

За последние два года (включая 2019 г.) Топ-5 угроз человеческой цивилизации составляют (в соотношении 3:2) исключительно экологические и технологические риски:

- экстремальные погодные явления;
- несостоятельность мер по смягчению последствий глобальных климатических изменений;
- природные катаклизмы;
- подделка или кража данных;
- кибератаки.

Из группы экологических рисков экстремальные погодные явления в последние три года стабильно занимают первую строчку, поднявшись со стабильного второго места в списке Топ-5 глобальных рисков, которое они занимали в 2014–2016 гг. По степени значимости три угрозы из группы экологических рисков стабильно входят в Топ-5 на протяжении последних трех лет: экстремальные погодные явления, несостоятельность мер по смягчению последствий климатических изменений и природные катаклизмы. Экологический фактор устойчиво присутствует в Топ-5 глобальных рисков как с точки зрения вероятности реализации (начиная с 2011 г.), так и по своему влиянию (начиная с 2013 г.) [9].

Перечень 13 глобальных тенденций, влияющих на глобальные риски, остается неизменным:

- старение населения;
- изменение международного политического ландшафта;
- изменение климата;
- деградация окружающей среды;
- рост среднего класса в странах с развивающейся экономикой;
- рост национальных настроений;
- усиление поляризации общества;
- рост хронических заболеваний;
- увеличение киберзависимости;
- повышение географической мобильности;
- рост неравенства доходов;
- переход власти/изменение формы управления;
- возрастающая урбанизация.

¹⁸ World Economic Forum. The Global Risks Report 2017. URL: http://www3.weforum.org/docs/GRR17_Report_web.pdf (дата обращения: 30 авг. 2019 г.); World Economic Forum. The Global Risks Report 2018. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GRR18_Report.pdf (дата обращения: 30 авг. 2019 г.); World Economic Forum. The Global Risks Report 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_Report_2019.pdf (дата обращения: 30 авг. 2019 г.).

При всей авторитетности Давосского форума это не единственный формат для обсуждения злободневных проблем и выявления настоящих и будущих глобальных трендов. Важную аналитическую работу ведет «Римский клуб», публикующий доклады, в которых излагается видение наиболее существенных трендов глобальной политики и мировой экономики¹⁹. Необходимо отметить и «новичков»: международные дискуссионные клубы «Валдай»²⁰ и «Астана Клуб»²¹, Петербургский международный экономический форум²², Восточный экономический форум²³ и др.

Оценку глобальных рисков и тенденций регулярно публикуют агентство «Bloomberg»²⁴, Европейское рейтинговое агентство Scope Ratings²⁵, американские издания Project Syndicate²⁶, Stratfor²⁷, британский деловой журнал «The Economist»²⁸ и др. [10]. Глобальные тренды и закономерности задают различные международные документы [12], в частности, принятая ООН в 2015 г. «Повестка в области устойчивого развития до 2030 года»²⁹. Ценнейшим источником информации служат многочисленные научные труды [13–16] и др.

¹⁹ Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. URL: http://www.green-forums.info/greenlib/general/Weizsaecker%20E.%20C%20Wijkman%20A_/Come%20On%21%20Capitalism%2C%20Short-termism%2C%20%281019%29/Come%20On%21%20Capitalism%2C%20Short-term%20-%20Weizsaecker%20E.%20C%20Wijkman%20A_.pdf (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²⁰ Валдайский клуб выявил выгодные для России тенденции в глобальной экономике. URL: <https://vz.ru/news/2019/6/4/965250.html> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²¹ Обнародован рейтинг «Глобальные риски для Евразии в 2019 г.». URL: <https://www.zakon.kz/4946159-obnarodovan-reyting-globalnye-riski.html> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²² Тренды ПМЭФ: Что рассказал форум о глобальной политике? URL: <https://www.5-tv.ru/news/253630/trendy-pmef-cto-rasskazal-forum-oglobalnoj-politike/> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²³ Outcomes of the Eastern Economic Forum 2019. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201909/17/WS5d803c2ca310cf3e3556bdb7.html> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²⁴ Bloomberg: главные политические риски в мировой экономике в 2019 г. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/41435678-bloomberg-glavnye-politicheskie-riski-v-mirovoy-ekonomike-v-2019-godu/> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²⁵ Scope Ratings перечислило основные риски для России в 2019 г. URL: <https://www.if24.ru/osnovnye-riski-dlya-rossii-2019/> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²⁶ Project Syndicate: Риски для мировой экономики в 2019 году. URL: <https://www.fxteam.ru/forex/fxteam-news/200411.html> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²⁷ Global Trends - Stratfor Worldview. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/2019-annual-forecast-geopolitics-intelligence-global-risk/global-trends> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²⁸ The Economist назвал главные риски для мировой экономики в 2019 г. URL: <https://iz.ru/850476/2019-02-26/economist-nazval-glavnye-riski-dlia-mirovoi-ekonomiki-v-2019-godu> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

²⁹ Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/21252030%20Agenda%20for%20Sustainable%20Development%20web.pdf> (дата обращения: 30 августа 2019 г.).

Заключение

Существует множество источников, в которых представлена широкая палитра сведений о глобальных тенденциях различной природы. Основательно проработаны методологические инструменты для идентификации устойчивых и зарождающихся трендов. На важнейшем, подготовительном, этапе стратегирования на национальном уровне необходим тщательный сопоставительный анализ имеющейся информации с последующей верификацией наиболее релевантных трендов с учетом условий рассматриваемой страны, чтобы на этой базе сформировать стратегию социально-экономического развития

Дальнейшие исследования предполагается посвятить изучению методологических основ разработки таких стратегий на примере конкретной страны.

Список литературы

1. Kvint, V. L. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications/ V. L. Kvint. – Routledge, New York, 2016. – 520 p.
2. Квинт, В. Л. Стратегирование в современном мире / В. Л. Квинт. – СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2014. – 50 с.
3. Квинт, В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке / В. Л. Квинт. – М.: Бизнес Атлас, 2014. – 626 с.
4. Плотников, В. А. Стратегическое управление: глобальный подход / В. А. Плотников, В. А. Шамахов // Управленческое консультирование. – 2013. – № 5. – С. 157–164.
5. Квинт, В. Л. Разработка стратегии: мониторинг и прогнозирование внутренней и внешней среды / В. Л. Квинт // Управленческое консультирование. – 2015. – № 7. – С. 6–11.
6. Заглядывая за горизонт. Концепции и опыт формулирования национальных стратегий: докл. Центра экономических исследований / ПРООН. – Ташкент, 2014.
7. Микова, Н. Мониторинг глобальных технологических трендов: теоретические основы и лучшие практики. Форсайт / Н. Микова, А. Соколова. – 2014. – Т. 8, № 4. – С. 64–83.
8. Иванов, О. Б. Глобальные риски и тенденции современного мира / О. Б. Иванов // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. – 2017. – № 1. – С. 7–20.
9. Иванов, О. Б. Глобальные риски современного мира. Кризис глобализации / О. Б. Иванов // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. – 2018. – № 1. – С. 7–29.
10. Иванов, О. Б. Современный мир: глобальные тенденции, вызовы и угрозы / О. Б. Иванов // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. – 2019. – № 1. – С. 20–36.
11. Подвойский, Г. Л. Давос–2018: Глобализация меняет лицо / Г. Л. Подвойский // Вестник Финансового университета. – Гуманитарные науки. – Т. 8. – 2018. – № 3 (33). – С. 50–58.
12. Шаклеин, К. И. Мониторинг глобальных и национальных трендов – важный этап стратегирования (на примере отрасли кролиководства) / К. И. Шаклеин // Управленческое консультирование. – 2018. – № 7. – С. 154–164.
13. Хубиев, К. А. Современные тенденции мирового экономического развития: политэкономический подход / К. А. Хубиев // Проблемы современной экономики. – 2017. – № 1 (61). – С. 62–67.
14. Хубиев, К. А. Современные тенденции глобального экономического развития / К. А. Хубиев // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 3 (53). – С. 21–31.
15. Коротаев, А. В. О некоторых современных тенденциях мирового экономического развития / А. В. Коротаев, С. Э. Билюга // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2016. – № 4. – С. 20–39.

16. Гринберг, Р. С. Экономика мира и России: тренды, шансы, риски / Р. С. Гринберг // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 1 (51). – С. 17–21.

S. Sh. Mirziyoeva. Accounting for global and national trends and idiosyncrasies of socio-economic progress in the development of government strategies. The paper aims at stressing the importance of global trends of socio-economic development in the process of developing national strategies as one of the most crucial factors for ensuring the effectiveness and competitiveness of national strategies. On the basis of global scientific and technological trends, the paper made an attempt to analyse the sources of information and appropriate methodologies being used to develop a sound national development strategy. It is particularly claimed that under the current conditions of an unprecedented aggravation of global competition, analytical activities aimed at identifying and systematically searching for the most effective ways of national socio-economic progress have gained big momentum. The scale of these activities is expanding considerably, turning, in essence, into a kind of “industry”, starting from large supranational entities consisting of several countries and ending with individual private companies, designed to provide informational support for the strategic planning for national development. Emphasis is also given to the existence and constant renewal of international platforms for the discussions of contemporary global issues and the formulation of dominant development trends, such as the World Economic Forum in Davos. Based on the findings of leading world experts and scientists, the WEF constantly provides the list of global risks to modern humanity, as well as trends that could potentially affect the degree of influence of these risks. For the past several decades, the growing prevalence of environmental risks and technological challenges have been on the Top 5 global threats to human civilization. Based on the thorough analysis, the current work concludes that a comprehensive comparative analysis of global trends of development from various sources, identifying the most relevant trends applicable in the national context, and taking them into account in the development of national strategies is as important today as it was never before.

Keywords: global development trends, national trends, global challenges, risks and threats, science and technology trends monitoring, strategizing, strategies for socio-economic development, national strategies.

Д. С. Демиденко¹, П. И. Ваганов², Н. В. Кваша³, Е. Д. Малевская-Малевич⁴

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ЗАТРАТ
ПРОМЫШЛЕННОЙ БИЗНЕС-СИСТЕМЫ
В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ**

Инновационная деятельность определяет конкурентоспособность предприятий всех отраслей. По мнению большинства российских и зарубежных исследователей, экономическая эффективность инновационной деятельности неоднозначна: с одной стороны, она ведет к увеличению производственных затрат, с другой – требует дополнительных усилий по коммерциализации рыночного спроса для компенсации затрат. Рост рыночных цен на инновационные продукты отрицательно сказывается на конкурентоспособности и рыночной капитализации инновационного предприятия. В настоящее время отсутствуют четкая концепция и методология оценки результатов участия производственных предприятий в инновационном процессе. В статье введено понятие «экономика инновационной деятельности», рассматриваемое в сравнении с вопросами экономики качества. Сравниваются модель затрат инновационно-ориентированных производственных предприятий, сочетающих выпуск «традиционной» продукции с инновационной деятельностью, и традиционная модель затрат предприятия, не осуществляющего инновационную деятельность. Показано, что такое сочетание меняет механизмы формирования экономических показателей предприятия, усложняет взаимосвязи между ними, изменяет структуру рисков и, следовательно, требует особых подходов к принятию решений, планированию и оценке результатов.

Ключевые слова: инновационная экономика, экономическая модель предприятия, затраты, риски инновационной деятельности.

УДК 336.645.1

Наступление эры новейшего технологического уклада, базирующегося на киберфизических системах, облачных вычислениях и интернете вещей, требует модификации промышленных экономических систем всех уровней с целью создания среды

¹ Даниил Семенович Демиденко, профессор Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, д-р экон. наук, e-mail: demidenko11@rambler.ru

² Павел Иванович Ваганов, помощник губернатора Курганской области, д-р экон. наук, профессор, e-mail: vaganovpi@uvatregion.ru

³ Надежда Владимировна Кваша, доцент кафедры экономики и менеджмента инфокоммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М. А. Бонч-Бруевича, канд. экон. наук, e-mail: nadia_kvasha@rambler.ru

⁴ Екатерина Данииловна Малевская-Малевич, доцент Высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, канд. экон. наук, e-mail: mmed11@yandex.ru

для сбалансированного и эффективного воспроизводства новых технологий. Как пишет С. Д. Бодронов: «Современное общество и его хозяйственная система непрерывно меняются; эти изменения столь существенны, что их можно наблюдать на протяжении жизни одного поколения. Среди наиболее заметных и обсуждаемых изменений отметим новую индустриальную революцию, трансформацию традиционного института занятости, бурную информатизацию (и в дальнейшем – цифровизацию)...» [1].

Несмотря на большой объем научных работ по данной проблематике, обнаруживается незавершенность исследования значительного количества вопросов в области обеспечения инновационного развития современных промышленных бизнес-систем [2, 3]. Так, реализуемый в инновационной экономике принцип цифровизации информационных технологий ведет к трансформации модели затрат промышленных бизнес-систем, обеспечивающей сокращение эффективного размера предприятия как первичной экономической системы [4, 5].

В условиях цифровой экономики на смену концепции экономического роста пришла концепция экономического развития, связанного с внедрением инноваций во всех сферах деятельности. На первый план выходят проблемы *инновационности* промышленного развития и поиска драйверов роста высокотехнологичной и высокопроизводительной промышленности для обеспечения конкурентоспособности регионов. При этом ввиду очевидной трансформации всех областей экономики классические методы, инструменты, критерии, известные в экономической науке, теряют практическую значимость, и необходима их актуализация с учетом цифровизации экономики.

Инновационная проблематика исследуется давно. Отметим труды R. R. Nelson, который проводит сравнительный анализ инновационных технических систем различных стран, ранжируя их по уровню ВВП и исследуя причины замедления темпов роста в западных промышленно развитых странах, а также рост экономики Японии, связывая его с достигнутым техническим прогрессом [6]. Выводы автора актуальны и сегодня.

Влияние инноваций на различные отрасли экономики, стратегии фирм в условиях динамично развивающейся внешней среды исследовал J. Utterback [7]. Математические основы инновационной теории экономического развития, а также вопросы инновационного менеджмента подробно рассмотрены российскими учеными-экономистами В. В. Глуховым и Е. М. Карликом [8]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет изучение факторов, стимулирующих инновационное развитие национальной экономики. Инновационное развитие на микроуровне (уровне предприятия) рассмотрено А. Е. Карликом [9].

В статье Р. Ф. Гариффулина [10] приведены базовые стратегии инновационного развития. Представляет интерес авторская трактовка понятия *инновационная стратегия*, а также предложенные направления дальнейшего исследования в области управления стратегиями инновационного развития предприятия машиностроительной отрасли. В статье Ю. В. Вертаковой и др. [11] исследована динамика инновационного развития Российской Федерации в разрезе ключевых показателей инновационной деятельности за десятилетний период. Выявлены основные тенденции инновационного развития страны, сделаны выводы о положении и перспективах России, возможности перехода ее экономики на инновационную социально ориентированную модель развития. Проведено сравнение достигнутого уровня исследуемых показателей инновационного развития с целевыми ориентирами, заявленными в Стратегии инновационного развития РФ.

Принципом традиционной парадигмы закрытых бизнес-моделей второй половины XX в. была реализация централизованных (платформенно-центрических) бизнес-систем, когда каждое предприятие использовало собственную, не совместимую с другими, систему управления [12, 13]. Степень развития информационных технологий обуславливала вспомогательную роль информационной поддержки «ручных» бизнес-процессов (как технологических, так и административных), что определяло высокий уровень трансформационных издержек, а также внутренних и внешних транзакционных издержек. Все это привело к увеличению целевых размеров предприятия, так как в данных условиях реально конкурировать на рынке могли только крупные обратно вертикально-интегрированные предприятия с большим объемом ресурсов и мощной научно-исследовательской базой. Рынки, на которых функционировали такие предприятия, характеризовались неэффективными олигополистической и монополистической структурами. Существенным недостатком закрытости бизнес-моделей является неэффективное потребление ресурсов, так как крупные обратно-интегрированные предприятия характеризуются связыванием ресурсов в объеме, существенно превышающем уровень их средней потребности [14].

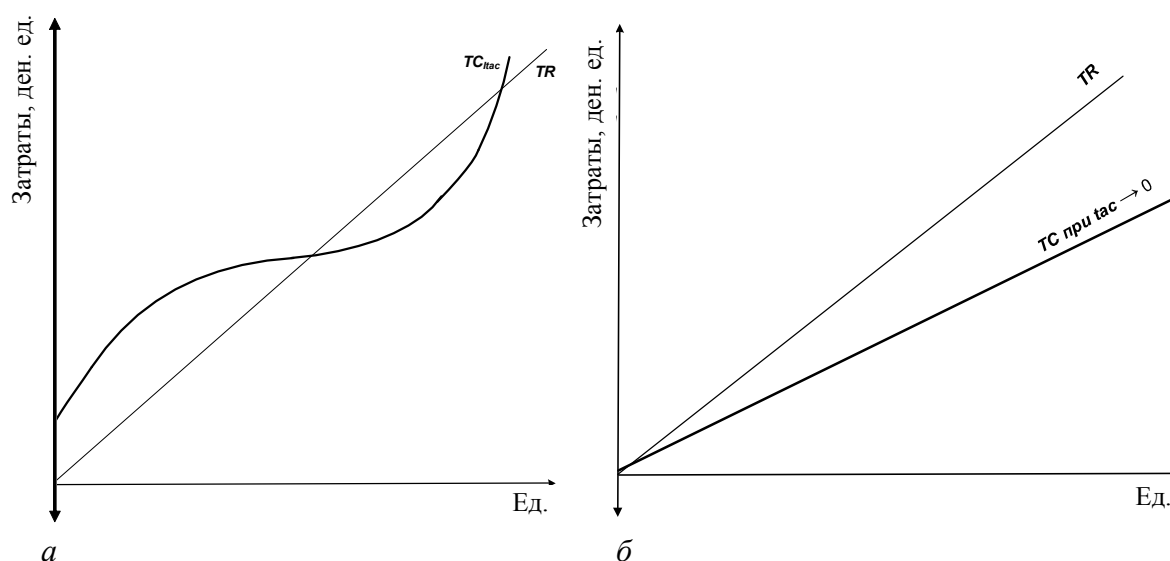
Цель нашего исследования – разработка экономической модели затрат инновационно-ориентированного производственного предприятия. В процессе исследования решались следующие научные и практические задачи:

- выделить основные экономические проблемы перехода промышленных предприятий к цифровому производству и определить пути их решения;
- исследовать особенности структуры затрат инновационно-ориентированного предприятия и ее отличия от структуры традиционной модели затрат;
- выявить влияние изменения структуры затрат на экономику предприятия.

Информационный взрыв XXI в. привел к появлению открытых информационных систем и глобальных промышленных сетей, переходу большинства бизнес-процессов в электронный вид, а также возникновению цифрового производства, экономики совместного использования, коллективного потребления, уберизации экономики, модели облачных вычислений, распределенных сетей, децентрализации управления и т. д. [15, 16]. Таким образом, современное развитие инфокоммуникаций обеспечивает возможность построения открытых сетевых (облачных) бизнес-систем с распределенной структурой, что позволяет добиться 100 %-ной эффективности использования ресурсов за счет нивелирования излишнего потребления в периоды пиковых нагрузок. В экономическом плане отсутствие необходимости связывания ресурсов в объеме, существенно превышающем уровень их средней потребности, приводит к общему снижению постоянных затрат вплоть до их полного перехода в переменные. В данных условиях неоклассическая концепция экономии от масштаба (см. рисунок *а*) теряет свою актуальность, происходят как «переменизация» трансформационных, так и снижение (в абсолютном выражении до нулевых значений) транзакционных издержек (см. рисунок *б*), а также уменьшение размера предприятий (вплоть до микропредприятий) с повышением их мобильности и готовности к постоянному развитию.

Последовательное усиление перечисленных тенденций способствует уменьшению трансформационных издержек, которые перестают быть издержками производителя и становятся его экономией (далее любые «несостоявшиеся» издержки/затраты будем рассматривать как экономию производителя).

В научных исследованиях и на практике экономика инновационной деятельности не выделяется как самостоятельное направление. При этом существует «родствен-

Модель затрат в условиях индустриальной (а) и инновационной (б) экономики:

TC – совокупные затраты; $TC_{\text{рас}}$ – совокупные затраты, включая транзакционные издержки; TR – доход от продаж

ное» направление *экономика качества*, и никто не спрашивает: чем *экономика качества* отличается от *экономики количества* – к этому направлению по умолчанию относятся вопросы терминологии, измерения качества (квалиметрию), классификации и состава затрат, методы и стандарты оценки экономической эффективности, повышения и обеспечения качества продукции, вопросы ценообразования.

Экономика инновационной деятельности связана с улучшением свойств продукции, повышением ее качества. Обеспечение качества, т. е. сохранение достигнутого уровня свойств продукции, может требовать повышения качества процессов ее производства (непосредственно при производстве или смежных процессов). Поэтому разделение вопросов, относящихся к экономике качества, также существует как самостоятельное направление. Сравнить вопросы экономики инновационной деятельности и экономики качества нецелесообразно, но можно сказать, что экономика инновационной деятельности представляет собой самостоятельное направление.

Цели и задачи инновационной деятельности – создание новых продуктов с высокой добавленной стоимостью. Добавленная стоимость – неоднозначный показатель: ее максимизация эквивалентна максимизации производственных затрат, тогда как на производстве, как правило, стремятся к решению обратной задачи – минимизации затрат при соблюдении имеющихся ограничений. Не случайно в научной литературе мало моделей экономической оптимизации на основе критерия добавленной стоимости. Одна из них – модель В. В. Новожилова, предусматривающая максимизацию добавленной стоимости производимой продукции при известных ресурсных ограничениях и ограничениях на величину финансового риска [17].

При выборе инновационных проектов, реализация которых могла бы обеспечить наибольшую эффективность инновационной деятельности, необходимо учитывать характерную для таких проектов особенность – «целочисленность» или недели-

мость проектов: для успешной реализации проекта должен быть создан необходимый объем добавленной стоимости (полностью осуществлены требуемые затраты по проекту), иначе проект не может быть реализован.

Отбор проектов, экономическая эффективность реализации которых подтверждена с использованием приемлемых методов инвестиционного анализа (критерий NPV, норма внутренней доходности и др.), можно представить в виде экономико-математической модели

$$X_1 + \dots X_n \Rightarrow \max, \quad (1)$$

$$i = 1 \dots n; X_i = 1 \text{ или } 0; C_1 \times X_1 + \dots C_n \times X_n \leq C,$$

где C_i – добавленная стоимость производства продукта /выполнения проекта; X_i – управляющая переменная; C – располагаемый лимит ресурсов или максимально приемлемый уровень производственных затрат/ добавленной стоимости.

Поскольку добавленная стоимость каждого проекта фиксирована (зависит от продукта, технологии производства и т. д.), а суммарная величина произведенной добавленной стоимости ограничена производственными возможностями, обеспечить отбор проектов с максимальной суммарной добавленной стоимостью можно только путем отбора проектов в пределах общего приемлемого ограничения на величину добавленной стоимости. В модели (1) целевая функция выражает требование максимизации количества отобранных проектов, максимизирующих суммарную добавленную стоимость. Решение задачи как целочисленной методом динамического программирования показано на условном примере (табл. 1–3).

Решение задачи находится при движении, обратном ходу решения. В результате получается оптимальное решение: 3 ден. ед. из имеющегося лимита (6 ден. ед.) направляются на проект 3; 1 ден. ед. – на проект 1; 2 ден. ед. – на проект 2. При этом достигается максимальное значение добавленной стоимости.

Несомненно, экономика инновационной деятельности характеризуется повышенными рисками и неопределенностью. В рамках экономического исследования с достаточной степенью обоснованности можно говорить только об экономических и финансовых рисках, не затрагивая широкого круга рисков, относящихся к характеру производимой продукции и методам, технологии производства. Необходимо уточнить и, возможно, расширить классификацию рисков, характеризующих особенности экономики

Таблица 1

Условие расчетного примера

Номер проекта	Кол-во проектов, ед.	Цена или добавленная стоимость, ден. ед.	Сумма, ден. ед.	Рентабельность, %
1	1	1	1	0,3
2	1	2	2	0,5
3	1	3	3	0,5
Лимит		4	6	

Таблица 2

Первый шаг решения задачи

	0	1	2	3	4	5	6	Максимум по диагонали
0	0	-1	$2 \times 0,5=1$ 1	$2 \times 0,5=1$ 1	$2 \times 0,5=1$ -2	$2 \times 0,5=1$ -3	$2 \times 0,5=1$ -4	0
1	$1 \times 0,3=0,3$ -1	$1 \times 0,3=0,3$ -1	$1 \times 0,3=0,3$ $2 \times 0,5=1$ 1,3	$1 \times 0,3=0,3$ $2 \times 0,5=1$ -1	$1 \times 0,3=0,3$ $2 \times 0,5=1$ -2	$1 \times 0,3=0,3$ $2 \times 0,5=1$ -3		0,3
2	$1 \times 0,3=0,3$ -1	$1 \times 0,3=0,3$ -1	$1 \times 0,3=0,3$ -1	$1 \times 0,3=0,3$ -1	$1 \times 0,3=0,3$ -1	$1 \times 0,3=0,3$ -1		1
3	$1 \times 0,3=0,3$ -2	$1 \times 0,3=0,3$ -2	$1 \times 0,3=0,3$ -2	$1 \times 0,3=0,3$ -2	$1 \times 0,3=0,3$ -2	$1 \times 0,3=0,3$ -2		1,3
4	$1 \times 0,3=0,3$ -3	$1 \times 0,3=0,3$ -3	$1 \times 0,3=0,3$ -3	$1 \times 0,3=0,3$ -3	$1 \times 0,3=0,3$ -3	$1 \times 0,3=0,3$ -3		0,3
5	$1 \times 0,3=0,3$ -4	$1 \times 0,3=0,3$ -4	$1 \times 0,3=0,3$ -4	$1 \times 0,3=0,3$ -4	$1 \times 0,3=0,3$ -4	$1 \times 0,3=0,3$ -4		-0,7
6	$1 \times 0,3=0,3$ -5	$1 \times 0,3=0,3$ -5	$1 \times 0,3=0,3$ -5	$1 \times 0,3=0,3$ -5	$1 \times 0,3=0,3$ -5	$1 \times 0,3=0,3$ -5		-1,7

Таблица 3
Второй шаг решения задачи

3			
0	6	0	$3 \times 0,5 = 1,5$ -3 -1,5
1	5	0,3	$0,3$ -2 $3 \times 0,5 = 1,5$ -0,2
2	4	1	1 -1 1,5 1,5
3	3	1,3	1,3 $3 \times 0,5 = 1,5$ 2,8(*)
4	2	0,3	$0,3$ -2 -1,7
5	1	-0,7	-0,7 -1 -1,7

инновационной деятельности, а также предложить методы количественного измерения рисков, показатели и критерии для оценки приемлемости/неприемлемости существующих рисков и возможные подходы к их снижению.

К основным группам рисков, чаще всего используемых при экономическом анализе и обоснованиях управленческих решений, относятся *операционные* и *финансовые* риски. Здесь мы рассмотрим только один существенный вид риска – риск снижения экономической и финансовой устойчивости инновационного предприятия. Наличие этого риска обусловлено рыночной неопределенностью, необходимостью обеспечивать требуемый уровень окупаемости капитальных вложений (новые продукты, как правило, характеризуются высокой капиталоемкостью и большими сроками окупаемости затрат) и противоречивостью ценообразования. В этих условиях запас финансовой прочности инновационных компаний должен быть достаточным, в противном случае существует дополнительный финансовый риск.

Как известно, основным методом преодоления негативных последствий рисков, компенсации возникающих потерь, является резервирование ресурсов, в первую очередь финансовых. Для обоснования размера создаваемых резервов важно правильно оценить величину финансовых рисков, чтобы избежать необоснованного связывания

средств или потерь в случае реализации риска. Так, безубыточность предприятия определяется по формуле [18, 19]

$$S_{т.б} = F/(1 - v), \quad (2)$$

где $S_{т.б}$ – продажи в точке безубыточности; v – доля переменных затрат предприятия в продажах; $(1 - v)$ – доля постоянных затрат в продажах; F – постоянные затраты в денежном выражении.

С учетом изложенных закономерностей изменения затрат на инновационном предприятии можно *предположить*, что с увеличением продаж инновационных продуктов постоянные затраты предприятия будут расти, поскольку новые продукты являются более капиталоемкими, а величина постоянных затрат прямо связана с капитальными вложениями. Доля постоянных затрат в продажах также может увеличиваться из-за роста переменных издержек – у новых продуктов с высокой добавленной стоимостью переменные издержки выше. Кроме того, как уже говорилось, часть постоянных затрат трансформируется в переменные. Особенно отметим передачу части переменных затрат с предприятия (облачные технологии). Указанные тенденции (формула (2)) могут приводить к снижению продаж в точке безубыточности. Это значит, что продукты/проекты, не связанные с инновациями, будут более конкурентными на рынке, а производящие их предприятия – более конкурентоспособными, в то время как финансовая устойчивость предприятий, осуществляющих инновационную деятельность, снизится. Таким образом, увеличение доли переменных затрат также снижает долю постоянных затрат в продажах.

Заключение

Достоверной оценке степени влияния инноваций на экономику предприятия препятствуют недостаточная изученность экономического механизма и неразработанность методов оценки этого влияния. Отсутствие четкого представления об экономических аспектах воздействия инноваций на экономические результаты деятельности производственного предприятия препятствует принятию оптимальных управленческих решений. На уровне предприятий это приводит к неустойчивости финансового положения и несостоятельности; на уровне отраслей и регионов – к неравномерности и несбалансированности развития, нестабильности инновационного процесса; на уровне национальной экономики – к низким темпам разработки и внедрения инноваций, структурным и региональным диспропорциям и утрате конкурентоспособности. Решение всех обозначенных вопросов представляет собой направления дальнейших исследований в рамках инновационной проблематики.

Список литературы

1. Бодрунов, С. Д. К вопросу о ноономике / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 1. – С. 4–8.
2. Антохина, Ю. А. Особенности экономического развития инновационно-активных промышленных предприятий / Ю. А. Антохина, А. М. Колесников, Е. А. Ворошин // Экономика и управление. – 2019. – № 2. – С. 69–77.

3. Franca, C. L. An approach to business model innovation and design for strategic sustainable development / C. L. Franca, G. Broman, K. H. Robert, G. Basile, L. Trygg // *Journal of Cleaner Production*. – 2017. – № 140. – P. 155–166.
4. Babkin, A. The Analysis of industrial cooperation models in the context of forming digital economy / A. Babkin, V. Plotnikov, Y. Vertakova // *SHS Web of Conferences*. – 2018. – Vol. 44. – P. 00012. EDP Sciences.
5. Rudskaiia, I. The Concept of Total Innovation Management as a Mechanism to Enhance the Competitiveness of the National Innovation System / I. Rudskaiia, D. Rodionov // *Proceedings of the 2018 International Conference on Internet and e-Business*. – 2018. – April. – P. 246–251. ACM.
6. Nelson, R. R. (Ed.). *National innovation systems: a comparative analysis* / R. R. Nelson // Oxford university press. – 1993.
7. Utterback, J. M. *The Dynamics of Competition and of the Diffusion of Innovations* / J. M. Utterback, C. Pistorius, E. Yilmaz. – 2018.
8. Глухов, В. В. Создание региональной инновационной системы в условиях Арктической зоны Российской Федерации: проектирование и опыт реализации / В. В. Глухов, Г. Ф. Деттер, И. Л. Туккель // *Инновации*. – 2015. – № 5 (199).
9. Карлик, А. Е. Организационно-управленческие инновации: резерв повышения конкурентоспособности российской промышленности / А. Е. Карлик, В. В. Платонов // *Экономическое возрождение России*. – 2015. – №. 3. – С. 34–44.
10. Гарифуллин, Р. Ф. Стратегии инновационного развития предприятия машиностроения / Р. Ф. Гарифуллин // *Вопросы инновационной экономики*. – 2011. – №. 6 (6).
11. Вертакова, Ю. В. Исследование возможностей перехода экономики России на инновационно-ориентированную модель развития / Ю. В. Вертакова, О. Н. Греченюк, А. В. Греченюк // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политехн. ун-та. Экономические науки*. – 2015. – №. 1 (211).
12. Волосатов, В. Д. Сущность и структура инновационного потенциала промышленного предприятия / В. Д. Волосатов, Ю. В. Бабанова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2010. – №. 3.
13. Ignatiev, M. B. Challenges for Strategic Management of the Development of the Digital Economy and Advanced Training / M. B. Ignatiev, A. E. Karlik, E. A. Iakovleva, E. M. Karlik // *XVII Russian Scientific and Practical Conference on Planning and Teaching Engineering Staff for the Industrial and Economic Complex of the Region (PTES)*. – 2018. – November. – P. 197–200. IEEE.
14. Carayannis, E. G. Business model innovation as lever of organizational sustainability / E. G. Carayannis, S. Sindakis, C. Walter // *The Journal of Technology Transfer*. – 2015. – № 40(1). – P. 85–104.
15. Инновационные бизнес-модели в цифровой экономике и их конкурентные преимущества / А. Л. Алексеев [и др.] // *Вопросы радиоэлектроники*. – 2018. – №. 9. – С. 99–104.
16. Cooper, R. *Supply chain development for the lean enterprise: interorganizational cost management* / R. Cooper. – Routledge, 2017.
17. Новожилов, В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании / В. В. Новожилов. – М.: Наука, 1972.
18. Абдукаримов, И. Т. Точка безубыточности и маржа безопасности, методика их оценки, роль и значение при планировании прибыли / И. Т. Абдукаримов // *Социально-экономические явления и процессы*. – 2013. – №. 10 (056).
19. Кабанов, В. Н. Модель линии безубыточности при исследовании добавленной стоимости / В. Н. Кабанов // *Синергия*. – 2016. – №. 1.

D. S. Demidenko, P. I. Vaganov, N. V. Kvasha, E. D. Malevskaya-Malevich. Transforming the cost model of an industrial business system under the innovating economy. Innovative activities currently determine the competitiveness of enterprises in all sectors. A wide range of scientific studies is devoted to the analysis of the economic efficiency of innovation, but most Russian and foreign researchers agree on the ambiguity of assessing the economic efficiency of innovation - on the one hand, it causes an increase in production costs, on the other hand, it requires additional efforts to commercialize market demand to compensate for the increase costs. The inevitable increase in market prices for innovative products exacerbates the difficulties of an innovative enterprise, negatively affects its competitiveness and market capitalization. Currently, in practice there is no clear concept and methodology for assessing the results of the participation of manufacturing enterprises in the innovation process. The article introduces the concept of "economy of innovation", considered by the authors in comparison with the issues of quality economics. Also considered is the cost model of innovation-oriented manufacturing enterprises, combining the production of «traditional» products with innovation, in comparison with the traditional cost model of an enterprise that does not carry out innovative activities. This combination changes the mechanisms of formation of economic indicators of the enterprise, complicates the relationship between them, changes the structure of risks and, accordingly, requires special approaches to decision-making, planning and evaluation of results.

Keywords: innovative economy, the economic model of the enterprise, expenses, risks of innovation.

Т. М. Махаматов¹, С. Т. Махаматова²

ПРИНЦИПЫ ДЕМОКРАТИИ И РЫНОЧНАЯ ЭКОНОМИКА

Выявляются взаимосвязи и взаимообусловленности основных универсальных принципов современной демократии и принципов рыночной экономической системы. На основе тезиса о социально-политической и биосоциальной сущности человека обосновывается положение о нетождественности политико-правового неравенства с естественно-природным неравенством граждан. Социальная справедливость является диалектическим отрицанием социального равенства, так как выступает как оценка каждого индивида по результатам его практической деятельности. Раскрывается негативное влияние на экономический рост страны ограниченности свободы предпринимательства, политической и финансовой слабости государственной власти. Показано, что развитию предпринимательства и защите мелкого и среднего бизнеса от монополизации способствует осуществление принципа демократического централизма в деятельности государства и институтов гражданского общества. Для решения поставленной задачи используются методы сравнительного логико-исторического анализа, единства исторического и логического, концептуального моделирования, идеализации, системно-структурный подход и другие методы и принципы современного исследования общественных феноменов и институтов.

Ключевые слова: равенство, неравенство, стоимость, рыночная экономика, демократизация, централизация, взаимозаменяемость индивидов, незаменимость индивидов.

УДК33(045)

Введение. Противоречия принципа равенства

В современных концепциях равенство признается исходным принципом демократии. Общественно-политическая практика показывает, что действительная демократия возможна лишь там, где господствуют равенство граждан перед публичными законами общества, равное участие в управлении общественной жизнью и защищаются социально-экономические и политические права и интересы каждого члена сообщества.

Однако здесь следует говорить о двух аспектах равенства: равенство всех граждан *перед законом при неравных природных способностях*. Еще Жан-Жак Руссо писал о природном неравенстве людей, которое усугубляется социальным неравенством, и призывал вернуться к естественному состоянию. Таким образом, равенство как общественный феномен неразрывно связано, с одной стороны, с общеродовым единством, равенством людей; с другой – с природным неравенством, неповторимостью индивидов.

¹ Таир Махаматович Махаматов, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, д-р филос. наук, e-mail: makhamatov.tair@mail.ru

² Саида Таировна Махаматова, Финансовый университет при Правительстве РФ, канд. экон. наук, e-mail: mahamatova@mail.ru

Естественная соревновательность, присущая индивидам, психологическая сила личных интересов, многовековая идеология равенства как тождественности, одинаковости, как отмечает Н. Больц, «... увековечивает ненависть, порожденную реальностью неравенства» [2, с. 10]. Поэтому он считает, что «эгалитаризм – это не что иное, как руководство к несчастью» [там же, с. 23], ибо «невозможно изменить *природные* «несправедливые преимущества», т. е. наличие у людей разных врожденных способностей и таланта, без того чтобы не поставить под угрозу свободу общества. Исходя из того, что все люди разные, материальное неравенство их жизненного положения следует из соблюдения ими принципа равенства» [там же, с. 49].

Наряду с природным неравенством, согласно британскому социологу и политологу Колину Краучу, имеет место «фундаментальное неравенство между его отдельными участниками» (особенно ярко проявляющееся на рынке риска), обусловленное формами и размерами принадлежащих им финансово-экономических или недвижимых активов. Он выделяет три категории людей, *не равных перед риском потери источников дохода* [7, с. 109–110]:

1. «Обладатели крупных активов, достаточных для защиты достигнутого уровня жизни» от большинства шоковых воздействий и позволяющих преумножать богатство.

2. Владельцы жилой недвижимости, небольшие финансовые активы которых не могут защитить от большей части шоковых воздействий.

3. «Люди, владеющие только необходимыми для повседневной жизни и никакими другими активами».

Диалектика противоречия равенства и неравенства имеет не только социальные, но и экономические аспекты. Переплетаясь с проблемой справедливости, она оказывает огромное социально-психологическое и общественно-политическое воздействие на экономическую сферу, предпринимательскую активность в современном обществе. Если в обществе не созданы необходимые правовые, социальные и финансово-экономические условия исходного равенства и механизмы сдерживания усиления социально-экономического неравенства, то происходит падение темпов экономического роста, на что указывают Дж. Стиглиц [15], Э. Аткинсон [1], Ха-Джунг Чанг [19] и другие исследователи.

1. Диалектика равенства в экономических отношениях

Диалектику равенства как онтологическую основу капиталистического способа производства раскрыл и исследовал К. Маркс, он обосновал, что принцип *равенства является объективным требованием рыночной экономики*. Согласно К. Марксу, *личная правовая независимость человека в обществе создает правовое пространство* капиталистического производства, что является одним из объективных законов рыночной экономики. Как бы подтверждая его правоту, Томас Х. Маршалл писал: «Гражданские права были необходимы для конкурентной рыночной экономики» [12, с. 175].

Таким образом, правовое равенство является формой *реализации объективного требования прежде всего рыночной экономики*. На рынке рабочей силы между капиталистом-покупателем и рабочим-продавцом происходит *равный и справедливый обмен, основанный на равенстве меновых стоимостей* [11]. В этом равном обмене меновых стоимостей разных по потребительным стоимостям происходит абстрагирование сторон от природных, сословных, национальных и иных различий, без чего невозможен капиталистический способ производства. Поэтому капиталист вынужден быть сторон-

ником правового равенства, обеспечивающего равенство на рынке обмена меновыми стоимостями.

В правовом равенстве более четко проявляется социальная сущность человека, его принадлежность к определенному социальному организму. Он как член сообщества выполняет необходимую социальную функцию, которую может выполнить и другой индивид. Здесь с объективной необходимостью проявляется принцип взаимозаменяемости: *«каждый человек заменим»*. Данный принцип, как бы недемократично он ни звучал, является объективным основанием обеспечения целостности социального организма. В современном обществе *правовое равенство* позволяет уравнивать разных по способностям и здоровью людей, устанавливать единый критерий для всех членов общества.

Однако обмен товарами на рынке происходит не только на основе равенства меновых стоимостей, но и благодаря различию потребительных стоимостей, являющихся результатом конкретного труда, конкретных способностей, профессий – как отражение многообразия и качественной нетождественности людей. Следовательно, как отмечал К. Маркс, различие потребительных стоимостей как проявление различия качества труда выступает *«предпосылкой их социального равенства»* на товарном рынке [11]. Это утверждение К. Маркса показывает объективное диалектическое единство, взаимодополнение правового равенства, обеспечивающего нормальные рыночные отношения, и природного неравенства способностей индивидов как подтверждение неповторимости и незаменимости каждого, т. е. объективность принципа *«каждый человек незаменим»*.

Если *взаимозаменяемость индивидов* обеспечивает единство, целостность социального организма и нормальное функционирование капиталистического рыночного хозяйства, то *незаменимость* и природное различие способностей *индивидов* являются основой развития социального организма. Благодаря различию личностей людей создаются разные потребительные стоимости, формируется малый и средний бизнес. Весь социальный организм, в том числе его хозяйствующая система, нуждается в органах управления и регулирования, каковым является институт государства.

2. Институт государства, демократия и экономика

Позитивная взаимосвязь правового равенства и природного неравенства в экономической сфере достигается действием рынка – как взаимоотношение продавца и потребителя. В обществе абстрактное равенство (*каждый заменим*) выступает онтологическим основанием централизующих функций государства, достижения им стабильности и устойчивости общественной жизни. Конкретное равенство как индивидуальная неповторимость граждан (*каждый незаменим*) выступает онтологической базой объективной необходимости демократизации общества как создание основ устойчивого развития экономической сферы [19, с. 208–226], стремления граждан реализовать свои природные способности, таланты, расширения социальными группами границ своей свободы, автономий и относительной независимости от государственного надзора. Эти тенденции также должны обеспечиваться, регулироваться и защищаться (особенно от монополизации рынка) с помощью законодательной базы и соответствующих государственных институтов.

Наряду с механизмами по антимонополизации, К. Крауч выделяет ряд мер, смягчающих неравенство социально-экономического характера посредством *«создания контекста защищенности»*. К таким мерам, которые применяются в России и других социально ориентированных странах, относятся:

- предоставление возможностей для переобучения и оказание помощи в поисках работы;
- «расширение общих образовательных возможностей»;
- «Не менее важное значение и предложение людей, обученных думать и разумно применять эти навыки, так как они являются источником инноваций и инициативы»;
- «государственное финансирование охраны материнства и детства, что способствовало бы участию женщин в функционировании рынка труда и облегчило бы семьям с двумя работающими родителями нахождения баланса между рабочим и свободным временем» [7, с. 139–140].

Принципы необходимости принятия мер по социальной защищенности граждан от рисков утраты легальных источников дохода и накопленных финансовых активов; создания условий для реализации каждым гражданином своих творческих возможностей и способностей становятся основами устойчивого развития общества и признаками его демократичности и цивилизованности.

Полноценное обеспечение государством реализации обеих тенденций в демократии необходимо не только для устойчивого развития общества, но и для «динамической эффективности» предпринимательской деятельности. Видный представитель австрийской экономической школы Хесус Уэрта де Сото основными факторами динамической эффективности считает предпринимательскую активность, творчество предпринимателя, создание и передачу информации в предпринимательском пространстве, конкуренцию, координацию и предпринимательскую этику [16, с. 9–12]. Государство, которое создает правовую основу, пространство предпринимательства [9, с. 194–196], Х. У. де Сото не рассматривает как необходимый фактор «динамической эффективности» предпринимательства.

Однако далее он пишет, что общество, чтобы «наиболее энергично» поощрять «предпринимательское творчество всех своих членов... должно априори гарантировать каждому человеку, что он сможет присвоить результаты своего предпринимательского творчества и никто не отберет их у него ни полностью, ни частично (и уж конечно этого не сделает власть)» [16, с. 23]. Еще Дж. Дьюи, критикуя подобную социальную и политическую философию и понимая под авторитетом государственную власть, писал: «... суть вопроса состоит не в разграничении особых «сфер» для авторитета и свободы, стабильности и изменения, а в стимулировании их взаимопроникновения. Нам нужен авторитет, который, в отличие от старых форм своего воплощения, способен направлять и использовать перемены, и необходим иной тип личной свободы, нежели тот, который рождала и оправдывала неограниченная экономическая раскрепощенность, а именно – нам необходим всеобщий и всеми приемлемый тип личной свободы, подоплекой и руководящим началом которой служил бы социально организованный разумный контроль» [4, с. 205].

При рассмотрении концепции Х. Уэрта де Сото через призму высказывания Дж. Дьюи возникает ряд вопросов, связанных с взаимоотношением предпринимателя как гражданина с институтом государства:

1. Для выполнения своих функций государство взимает налоги, т. е. отбирает часть «результата предпринимательского творчества».
2. Предприниматель должен выплачивать зарплату своим работникам в рамках установленного государством минимума.
3. Только государственная антимонопольная политика может защитить малый и средний бизнес от давления крупного капитала.

4. Каждый предприниматель подчиняется законам и постановлениям государственных институтов, регулирующих жизнедеятельность своих граждан во всех сферах общества (в том числе и конкурентные отношения предпринимателей). Как отмечает Чарльз Линдблом: «... способность влиять на принятие правительством программ, в которых заинтересовано население, требует не более слабого правительства, а более сильного, способного справиться с налогообложением и управлением» [9, с. 253]. Сказанное касается и эффективности предпринимательства.

Таким образом, предпринимательская деятельность, с одной стороны, опирается на свободу рабочей силы, свободную конкуренцию и полное присвоение результатов предпринимательства; с другой – требует гарантии защиты внутреннего рынка, своих экономических интересов от крупных монополий и иностранных компаний, стабильности в деятельности Центробанка, налоговых норм и т. п. В деятельности государственных институтов современного демократического общества должны сочетаться объективные противоположные потребности экономической сферы и всего общества. Диалектическое единство перечисленных обязательств государства в демократических обществах образует принцип демократического централизма.

3. Централизация в деятельности государства и демократия

Централизация – это онтологически необходимая деятельность института государства, направленная на максимальное сосредоточение в своем распоряжении основных функций принятия военно-политических, финансово-экономических и других решений и контроля над главными финансово-экономическими ресурсами общества, политика, направленная на укрепление целостности общества, стабильность и безопасность его жизнедеятельности.

Людвиг фон Мизес пишет, что «государство и правительство являются не целью, а средством. <...> Признанная власть прибегает к сдерживанию и принуждению, чтобы обеспечить ровное функционирование определенной системы социальной организации» [14, с. 674]. Упомянутый нами Колин Крауч, отталкиваясь от достижений, раскрытых экономической теорией государственного регулирования, приводит «четыре причины того, почему результаты свободного рынка способны вызывать разочарование и побуждать к обращению за помощью к государству». Таковыми он считает «несовершенную конкуренцию, неадекватную информацию, существование общественных благ и существование отрицательных экстерналий» [7, с. 50].

Однако при слабости гражданского общества и законодательных механизмов ограничения власти централизация может превратить государственную власть в диктатуру. Следовательно, для гармоничного развития общества, исключения возможности превращения института государства в диктатуру требуется создание политико-правовой основы обеспечения и защиты демократизации общества.

Демократизация в деятельности государства

Демократизация — это действия государственных органов управления общества, институтов гражданского общества и социально-политическая активность граждан, направленные на создание политико-правовых, социальных и морально-этических основ расширения автономности местных органов власти, развития самостоятельности социальных групп, предпринимательских и иных форм деятельности граждан.

Обществу необходимо не только сохранять себя, свою целостность и стабильность, но требуются политико-правовые, социальные условия обеспечения своего им-

манентного изменения и развития посредством расширения правового пространства для самореализации индивидов, формирования социально-экономически и политически активного гражданина. Это и есть демократизация общества, одно из необходимых условий формирования и нормального функционирования рыночной экономики. Исторический опыт ведущих экономик мира показывает, что демократизация общества является основой развития рыночной экономики [9, 19]. Демократизация общества и функционирования государственных институтов не сводится к принципу равного распределения общих материальных благ, неверно понятого как социальная справедливость. Этот процесс означает создание не только государством, но и всеми экономическими предприятиями условий для реализации принципа «от каждого по способности и каждому по труду», что является одним из важных аспектов социальной справедливости. Ф. фон Хайек подчеркивает, что функция вознаграждения состоит не только в том, чтобы вознаградить людей за то, что и как они сделали, т. е. по заслугам. Вознаграждение указывает людям на то, «что им следует сделать в своих собственных и в общих интересах» [18, с. 239–241].

Реальным базисом демократизации в сфере общественного бытия является, на наш взгляд, осуществление принципа *каждый человек незаменим*, что отвечало бы объективным потребностям рыночной экономики. Действительно, по своей физиологической природе, способностям, социальным условиям своего формирования, склонностям, образованию и т. п. люди различаются. Однако, в основном, социальные и общественно-политические реальности определяют социальное пространство и предпосылки реализации природных творческих и созидательных способностей индивидов. Согласно Л. фон Мизесу, «поскольку способности у индивидов неодинаковы, это требует от власти изучения их личности» [14, с. 272]. Такая задача выполняется демократичной политикой в области образования.

Процесс демократизации общества не может развиваться только на базе соответствующей политико-правовой деятельности института государства. Одним из мощных факторов ее углубления и развития является рост социально-политической и экономической активности института гражданского общества в рамках существующего законодательства, даже если оно имеет недостатки. Но, как многократно отмечал известный американский философ первой половины XX в. Джон Дьюи, демократия становится действительно целостной, когда она становится еще и образом жизни народа. Процесс цифровизации информационного пространства общества создает благоприятные условия для превращения мечты великого мыслителя в реальность [20, 21, р. 45–50].

Демократическое общество нуждается в сочетании в деятельности государства централизующей политики с демократическими принципами формирования и осуществления власти. Дж. Дьюи писал: «... я просто не могу представить себе человека, который не считал бы насущной потребностью инициирование и учреждение некоего органического единства свободы и авторитета» [4, с. 207]. Таким «органическим единством» является *принцип демократического централизма*. Применение данного принципа диалектически соединяет централизующую деятельность государственной власти с ее демократизирующей политикой, направленной на расширение прав граждан, институтов гражданского общества и СМИ. В этом принципе должно синтезироваться все позитивное, заключающееся как в централизующей, так и демократизирующей политике государства [13].

Благодаря постепенному (в какой-то мере – стихийному) переходу демократических государств к реализации принципа демократического централизма и одновре-

менному росту активности институтов гражданского общества и «мониторной демократии» [20] демократия выходит за рамки своей политической формы, приобретает культурно-цивилизационный смысл и постепенно превращается в образ жизни народа [4, 5].

Практика свидетельствует, что в современных демократиях, несмотря на постоянную идеологическую и политическую борьбу между различными институтами и движениями гражданского общества [6, с. 83–111], благодаря активности гражданского общества, формируется и развивается культура демократии, демократизируется сфера экономических отношений, в том числе и предпринимательское пространство, и все четче проявляется органическая связь полноты принципов демократии с устойчивым экономическим развитием общества. Следовательно, принципы демократии не являются только факторами политики, они выступают необходимыми основаниями становления и развития современного рыночного хозяйства, условием равноправной и свободной конкуренции.

Заключение

Проведенное исследование показало, что один из основных принципов демократии – равенство – означает прежде всего всеобщее правовое равенство. Данный принцип создает правовое пространство равных стартовых условий, что способствует становлению и развитию системы рыночного хозяйства. Однако его осуществление усиливает социально-экономическое неравенство граждан. Чтобы нивелировать это неравенство, в демократическом обществе создаются условия для выявления и реализации гражданами своих природных индивидуальных способностей, талантов и проводится социальная и образовательная политика государства, исключающая иждивенчество. Такая политика государства и общественной жизни способствует реализации принципа – *каждый незаменим*.

Анализ онтологических основ современного демократического общества показал, что демократия опирается на централизующую политику государственной власти, которая обеспечивает безопасность и суверенитет страны, создает политико-правовые условия для стабильного и устойчивого развития ее социально-политической и экономической сфер. На основе демократической централизации современное государство сможет успешно проводить программу соблюдения правил свободной конкуренции, социальной защиты и обеспечения защищенности граждан на рынке труда.

Сравнительный анализ исследований по демократии и эволюции деятельности институтов гражданского общества показал, что в современных развитых демократиях одной из действенных гарантий развития рыночного хозяйства и углубления демократии является принцип демократического централизма, активизация деятельности малого и среднего бизнеса и институтов гражданского общества.

Список литературы

1. *Аткинсон, Э. Б.* Неравенство: как с ним быть? / Э. Б. Аткинсон; пер. с англ. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 536 с.
2. *Больц, Н.* Размышления о неравенстве. Анти-Руссо / Н. Больц; пер. с нем; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2014.
3. *Грэттон, Л.* Демократическое предприятие. Раскрепощение бизнеса благодаря свободе, гибкости и приверженности / Л. Грэттон. – СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2005.

4. Дьюи, Д. Реконструкция в философии. Проблема человека / Д. Дьюи; пер. с англ. – М.: Республика, 2003. – 494 с.
5. Дьюи, Д. Общество и его проблемы / Д. Дьюи; пер. с англ. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.
6. Капустин, Б. Г. Гражданство и гражданское общество / Б. Г. Капустин; Высшая школа экономики; прил. Т. Х. Маршалл / пер. с англ. – М.: Издат. дом гос. ун-та, 2011. – 224 с.
7. Крауч, К. Как сделать капитализм приемлемым для общества / К. Крауч; пер. с англ. – Издат. дом гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2016. – 288 с.
8. Ларин, А. Президент или демократия с тайваньской спецификой / А. Ларин. – М.: Муравей, 2004. – 136 с.
9. Линдблом, Ч. Рыночная система: что это такое, как она работает и что с ней делать / Ч. Линдблом; пер. с англ. – М.: Издат. дом гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. – 320 с.
10. Манхейм, К. Эссе о социологии культуры / К. Манхейм // Избранное: Социология культуры. – М.: СПб, 2000.
11. Маркс, К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 46. – 906 с.
12. Маршалл, Т. Х. Гражданство и социальный класс. Приложение / Т. Х. Маршалл; пер. с англ. // Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. – М.: Издат. дом гос. ун-та. – Высшая школа экономики, 2011. – С. 145–223.
13. Махаматов, Т. М. Диалектика онтологических факторов политики / Т. М. Махаматов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2018. – Т. 8, №3 (33). – С. 28–35.
14. фон Мизес, Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. фон Мизес; пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2012. – 878 с.
15. Стиглиц, Д. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / Д. Стиглиц; пер. с англ. – М.: Изд-во «Э», 2017. – 512 с.
16. Уэрта де Сото, Х. Социально-экономическая теория динамической эффективности / Х. Уэрта де Сото; пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2011. – 409 с.
17. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р. Флорида; пер. с англ. – М.: Классика XXI, 2011. – 432 с.
18. фон Хайек, Ф. Мираж социальной справедливости / Ф. фон Хайек // Право, законодательство и свобода. – М.: ИРИСЭН, 2006.
19. Чанг, Ха-Дж. Как устроена экономика / Ха-Дж. Чанг; пер. с англ. – 6-е изд., доп. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 320 с.
20. Keane, J. Democracy and Media Decadence/ J. Keane // Cambridge Univ. Press. – NY, 2013.
21. Stuhr, J. J. Democracy as a Way of Life / J. J. Stuhr // Philosophy and the Reconstruction of Culture: Pragmatic Essays after Dewey. Edit by J. J. Stuhr. – State Univ. of NY, 1993. – P. 37–58.

T. M. Makhamatov, S. T. Makhamatova. Principles of democracy and market economy. This article aims to identify the relationship and interdependence of the basic universal principles of modern democracy with the principles of the market economic system. On the basis of the thesis about the socio-political and biosocial essence of man, the article substantiates the position about the non-identity of political and legal inequality with the natural inequality of citizens. Social justice is a dialectical denial of social equality, as it acts as an assessment of each individual according to the results of his practical activities. The article reveals the negative impact of limited freedom of entrepreneurship, political and financial weakness of the state power on the economic growth of the coun-

try. The development of entrepreneurship and the protection of small and medium-sized businesses from monopolization is facilitated by the implementation of the principle of democratic centralism in the activities of the state and civil society institutions. To solve this problem, the methods of comparative logical-historical analysis, unity of historical and logical, conceptual modeling, idealization, system-structural approach and other methods and principles of modern research of social phenomena and institutions are used.

Keywords: equality, inequality, cost, market economy, democratization, centralization, interchangeability of individuals, irreplaceability of individuals.

И. М. Теняков¹, Т. В. Коновалова²

ИННОВАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ: ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ И ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ПАРКИ

Раскрывается влияние на экономический рост в России ряда инновационных факторов (человеческого капитала и индустриальных парков). Выполнена систематизация подходов к инновационным факторам роста в теории экономического роста. В исследовании используются методы сравнительного анализа, статистические и эконометрическое моделирование. Выявлено значимое влияние на темпы экономического роста фактора человеческого капитала исходя из динамики занятых с высшим образованием. В то же время невысокий человеческий капитал (занятые с начальным и средним образованием или без образования) не относится к значимым фактором роста. Показано, что индустриальные парки являются важным фактором роста обрабатывающего производства лишь в нескольких российских регионах. Отмечено, что сложившаяся модель российской экономики неспособна максимально эффективно использовать потенциал инновационных факторов, который может быть раскрыт только при переходе к новой, инновационной социально ориентированной модели экономического роста.

Ключевые слова: экономический рост, инновационные факторы роста, человеческий капитал, индустриальные парки.

УДК 330.35.01, 330.354, 330.356, 334.72

На протяжении последних 20...30 лет наблюдается тенденция превышения темпов экономического роста в развивающихся странах по сравнению с развитыми. Это ведет к изменению позиций стран в мировой экономике, снижению вклада развитых стран в мировой ВВП и экспорт. Так, за 2000–2017 гг. доля США в мировом ВВП снизилась в 1,4 раза, а в мировом экспорте – в 1,3 раза; доля Китая в мировом ВВП выросла в 1,6 раза, а в мировом экспорте – в 3,5 раза [34, р. 187; 35, р. 221]. Сохраняется тенденция неустойчивости долгосрочного экономического роста, что отмечается, в частности, в докладе МВФ [36]. Модели, разработанные в русле основных подходов теории экономического роста, позволяют определить основные факторы экономического роста. В современных моделях шumpетерианской теории роста в качестве ключевого фактора роста рассматриваются инновации. Генерация инноваций в современной экономике зависит от уровня человеческого капитала и потенциала (отметим, что в мейнстриме экономической теории делается акцент на человеческий капитал, а не потенциал), от степени развития сектора исследований и разработок (сектор НИОКР) и эффек-

¹ Иван Михайлович Теняков, доцент экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, д-р экон. наук, e-mail: itenyakov@mail.ru

² Татьяна Владимировна Коновалова, аспирант экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, e-mail: tatjana92@mail.ru

тивности данных исследований. Важную роль в инновационном процессе приобретают индустриальные парки. Поэтому для стимулирования инновационного экономического роста необходимо способствовать росту человеческого потенциала в стране и создавать необходимую для его раскрытия инфраструктуру, в частности индустриальные парки, особенно в их современной, инновационной форме (экоиндустриальные парки, технопарки и т. п.). Отметим также актуальность исследования инновационных факторов экономического роста применительно к российской экономике. Задача новой индустриализации – переход к новой модели экономического роста, основанной на инновационных факторах. Выбранные для исследования факторы напрямую связаны с решением указанной задачи: человеческий капитал формирует новое качество рабочей силы в условиях новой индустриализации, а индустриальные парки являются одной из организационных форм предпринимательства, стимулирующей комплексное, инновационное развитие территории.

Инновационные факторы в теории экономического роста

Современный экономический рост становится многомерным явлением и не сводится к повышению уровня реального душевного дохода (таково традиционное определение экономического роста, представленное в большинстве обзорных работ, например [15, 20]). Чисто количественные аспекты роста (повышение доходов) вытесняются качественными – совершенствованием жизненных стандартов, повышением качества жизни. Особенно заметным это стало в последней трети XX в. – начале XXI в., что нашло отражение в формальных теоретических моделях роста. Так, если процесс «созидательного разрушения» был выявлен и описан Й. Шумпетером еще в начале XX в. [16], то в теории экономического роста длительное время преобладали модели с однородным абстрактным продуктом, а содержание «роста» сводилось к чисто количественному увеличению выпуска данного продукта – как в абсолютном выражении, так и на душу населения (модели Р. Харрода и Е. Домара, Р. Солоу и др.). Однако в современной глобализированной экономике количественный рост выпуска любого продукта очень быстро достигает точки насыщения. Повышается значимость не количественных, а качественных, инновационных факторов экономического роста, что приводит к постоянным изменениям ассортимента выпускаемой продукции, модификации свойств товаров и услуг, возникновению новых товаров. Все это отражается не столько на росте уровня жизни, измеряемого ростом реального душевного дохода, но прежде всего на изменении качества жизни, возникновении новых жизненных стандартов, которые крайне ограниченно фиксируются количественными показателями макроэкономической статистики. Экономический рост и экономическое развитие, строго разделяемые Й. Шумпетером в начале XX в., в настоящее время все больше сближаются по своему содержанию.

Стимулом для включения в теорию экономического роста эндогенных инновационных факторов послужила необходимость дать теоретическое объяснение «остатку Солоу», характеризовавшему вклад НТП в экономический рост, но не объяснявшему природу и возникновение НТП.

Американский экономист К. Эрроу предположил, что технологический прогресс является следствием процесса производства новых капитальных благ [21]. Данный феномен получил название «обучение на практике» (англ. – learning by doing). Принцип обучения на практике положен в основу развития первой модели эндогенного экономического роста – АК-модели. В данной модели отсутствует разграничение физического,

человеческого и интеллектуального капитала – они образуют совокупный капитал – К. Согласно АК-модели, люди способствуют накоплению капитала, а процесс обучения на практике стимулирует научно-технический прогресс, что увеличивает предельный продукт капитала [20]. АК-модель является неоклассической моделью без убывающей доходности факторов производства. Существует несколько разновидностей АК-модели, в частности, простая модель с постоянной нормой сбережения [27] и АК-модель с межвременной функцией полезности [33].

НТП в АК-модели как инновационный фактор роста проявляется в эффекте обучения на практике, а также в возникновении инноваций при проведении исследований с целью производства новых капитальных благ. По оценке американского экономиста Р. Гордона, фактор обучения на практике в ходе выполнения оборонных заказов во время Второй мировой войны способствовал ускорению послевоенного экономического роста в США, когда работники с новыми навыками вернулись к производству в гражданском секторе [29].

Другой способ эндогенизации НТП в моделях экономического роста связан с включением в модель переменных, характеризующих накопление человеческого капитала. Такая модель была предложена Р. Лукасом [31], который предположил, что индивидуальный человеческий капитал работника соответствует уровню его навыков. Р. Лукас рассматривал как индивидуальный, так и средний для всей экономики уровень человеческого капитала и пришел к выводу, что «экономика, стартующая с низкого уровня физического и человеческого капитала, будет перманентно отставать от экономики, имеющей лучшие начальные условия по обоим видам капитала» [31]. Таким образом, модель Р. Лукаса объясняет различия в темпах и результатах экономического роста между бедными и богатыми странами.

Однако зависимой переменной в производственных функциях, используемых в АК-моделях и в модели Р. Лукаса, оставался показатель реального дохода, не учитывающий должным образом инновационные сдвиги в структуре всего набора производимых в экономике благ. Это ограничение снимается в шумпетерианском направлении теории экономического роста. Так, в многопродуктовой модели П. Ромера [32] экономический рост рассматривается как процесс возникновения новых видов благ в ходе инноваций. Таким образом, экономическая деятельность подразделяется на процессы разработки новых продуктов (сфера НИОКР) и производства (точнее – тиражирования) уже известных продуктов. Заинтересованность производителя в инвестициях в сферу НИОКР объясняется возможностью получения монопольной ренты в ходе тиражирования нового блага. Однако такая прибыль может быть получена на ограниченном интервале времени, поскольку конкуренция между производителями побуждает их участвовать в процессе разработки «чертежей» новых продуктов и увеличивать тем самым продуктовое разнообразие. При этом в модели Ромера прослеживается связь между количественным фактором роста в виде увеличения предложения труда и качественным фактором в виде инноваций, поскольку больший объем занятых в сфере НИОКР (при прочих равных условиях) способствует ускорению инновационного процесса и экономического роста. Однако на практике данный вывод не всегда подтверждается: так, в экономике США количество научных сотрудников с 1950 г. увеличивалось, а средние темпы роста оставались на уровне 2 % [30].

Дальнейшее развитие шумпетерианский подход в теории экономического роста получил в работах Ф. Агийона и П. Хоуитта [17, 19], а также Ф. Агийона, У. Аккигита и П. Хоуитта [18]. Экономический рост рассматривается как результат созидательного

разрушения, в ходе которого старые блага вытесняются новыми. При этом фирмы либо разрабатывают новую технологию производства, создавая передовые инновации, либо используют имеющиеся в других странах разработки и внедряют их в своей компании, развивая отрасль на уровне своей страны. Как и в модели Ромера, стимулом к инновациям для фирм является возможность получать монопольную прибыль от тиражирования нового продукта до тех пор, пока он не будет вытеснен с рынка аналогом. Частая смена компаний на рынке в связи с появлением нового более качественного товара и, как следствие, нового лидера способствует более быстрому экономическому росту. Как отмечает С. Д. Бодрунов [2, с. 9], индустриальное производство приобретает характер непрерывной инновации.

Однако частое возникновение инноваций и частая смена компаний-лидеров возможны только при высокой продуктивности научных исследований. Особую важность приобретает уровень развития науки и высшего образования.

Ряд исследователей отмечают растущую сложность изыскания новых инновационных продуктов по мере развития инновационной экономики. Изучение большого массива данных по экономике США показало [24], что «производительность» исследований падает во всех сферах, так как новые идеи все труднее «обнаружить». Для поддержания постоянных темпов роста ВВП на душу населения США необходимо каждые 13 лет удваивать объем ресурсов, направляемых на исследования и разработки, чтобы компенсировать растущую сложность обнаружения новых идей.

Институциональные факторы также могут стать инновационными факторами экономического роста. Из шумпетерианской теории роста следует, что высокий уровень защиты прав собственности способствует предотвращению производства подделок, в результате чего фирмы-инноваторы получают большую прибыль и способны вести новые разработки. Все это увеличивает частоту внедрения фирмами инноваций [20]. Наконец, отметим значимость фактора организационных форм деятельности инновационных фирм. В частности, широкое распространение индустриальных парков способствует снижению издержек фирм, появлению синергетических эффектов (когда разные фирмы получают возможность тесного взаимодействия на территории парка). Тем не менее индустриальные парки являются косвенным фактором экономического роста, а его воздействие на параметры экономического роста во многом зависит от специфики предприятий, преобладающих в индустриальных парках: задействованы ли они преимущественно в инновационных видах деятельности или занимаются производством стандартных товаров и услуг.

Российская специфика инновационных факторов экономического роста: человеческий капитал

В Российской Федерации круг исследований человеческого капитала (особенно в динамике) весьма ограничен. Первую крупномасштабную оценку человеческого капитала в России методом Джоргенсона – Фраумени предложил Р. И. Капелюшников [5]. Он оценил человеческий капитал в России для 2002 г. и 2010 г., используя данные переписей населения в возрасте от 15 до 64 лет. В 2002 г. объем человеческого капитала составил 120,8 трлн рублей, а в 2010 г. в реальном выражении (дефлирование проводилось по индексу потребительских цен) – 262,6 трлн рублей. Объем человеческого капитала в 2002 г. превышал ВВП в 11,2 раза, а в 2010 г. – в 13,5 раз [5, с. 67].

Исходя из оценок, полученных Р. И. Капелюшниковым, прирост человеческого капитала за 2003–2010 гг. составил 117,4 %. По расчетам на основе данных Росстата,

прирост реального ВВП в 2010 г. относительно 2002 г. составил около 45,6 %. Таким образом, человеческий капитал в российской экономике увеличивался более чем в два раза быстрее, чем реальный ВВП, а значит, формально его воздействие на экономический рост происходило с понижающим коэффициентом.

Исследователи А. В. Суворов, Н. В. Суворов, В. Г. Гребенников, В. Н. Иванов, О. Н. Болдов [9] использовали подход к оценке человеческого капитала, основанный на расчете накопленных затрат, связанных с получением образования и поддержанием здоровья индивида. Данный подход в наибольшей мере соответствует задаче анализа вклада человеческого капитала в экономический рост, поскольку показатели человеческого капитала рассчитываются по аналогии с показателями основного капитала. В итоге были получены следующие оценки. Объем накопленного человеческого капитала в ценах 2012 г. за счет расходов на образование составил 36,441 трлн рублей в 2000 г. и 46,397 трлн рублей в 2012 г. Объем накопленного человеческого капитала за счет расходов на здравоохранение составил 30,328 трлн рублей в 2000 г. и 35,703 трлн рублей в 2012 г. [9, с. 9, 13]. Таким образом, совокупный человеческий капитал в реальном выражении вырос на 23 % (с 66,769 трлн рублей в 2000 г. до 82,1 трлн рублей в 2012 г.). Данный показатель динамики существенно ниже темпов, полученных Р. И. Капелюшниковым, что говорит о невысоком вкладе человеческого капитала в экономический рост в России.

Противоречивость оценок человеческого капитала, полученных разными исследователями, связана как с проблемами адекватного измерения данного фактора, так и с российскими особенностями его формирования и использования. Косвенную оценку влияния человеческого капитала на экономический рост в России можно получить посредством дифференциации занятых в экономике по уровням образования. Выделим шесть групп занятых: *L1* – занятые с высшим профессиональным образованием (включая неполное); *L2* – со средним профессиональным образованием; *L3* – с начальным профессиональным образованием; *L4* – со средним (полным) общим образованием; *L5* – с основным общим образованием и *L6* – не имеющие основного общего образования. На основе выделенных групп определим динамику занятых в каждой группе (табл. 1).

Таблица 1

Темпы прироста ВВП, основных фондов (в реальном выражении) и занятых по уровням образования, % к предыдущему году*

Год	ВВП (г)	Основные фонды (К)	Занятые по уровням образования					
			<i>L1</i>	<i>L2</i>	<i>L3</i>	<i>L4</i>	<i>L5</i>	<i>L6</i>
1999	6,35	-34,63	6,44	5,95	25,44	2,26	0,01	51,92
2000	10,05	-18,94	21,75	-10,28	30,19	1,14	4,15	-22,85
2001	5,09	-1,06	1,60	8,83	6,45	-3,33	-19,48	-54,96
2002	4,74	9,68	0,83	5,98	-2,89	4,61	-4,95	-9,01
2003	7,30	10,97	-2,75	-17,17	47,94	-1,77	13,30	-0,48
2004	7,18	-5,17	6,21	-1,17	8,24	0,15	-14,98	-36,58
2005	6,38	7,38	0,38	-1,21	5,55	1,96	3,15	42,12
2006	8,15	4,05	3,88	2,01	-0,45	0,77	-5,21	-27,70
2007	8,54	9,82	9,81	3,51	0,04	-2,66	-8,09	-18,15

Год	ВВП (g)	Основные фонды (K)	Занятые по уровням образования					
			L1	L2	L3	L4	L5	L6
2008	5,25	3,41	1,01	2,65	10,02	-6,20	-22,39	25,41
2009	-7,82	1,99	-6,55	-0,03	-4,27	1,65	9,68	-21,79
2010	4,50	2,19	3,25	0,75	5,02	-3,58	-12,39	-24,43
2011	4,26	5,94	4,47	0,95	-0,22	-0,71	-1,21	1,32
2012	3,66	3,97	3,01	-2,02	1,49	2,52	-4,21	0,97
2013	1,79	2,90	4,05	-1,74	-5,33	1,29	-5,61	-0,22
2014	0,74	2,62	1,79	0,21	2,91	-4,75	0,21	-33,20

* Рассчитано по [11, с. 68; 12, с. 69; 13, с. 66; 14, с. 44].

По данным табл. 1 оценим зависимость динамики реального ВВП (g) от динамики занятых соответствующих образовательных групп, а также динамики основного капитала (K). Расчеты, выполненные в программе Gretl 1.9.13 с использованием метода наименьших квадратов (МНК), показали, что коэффициенты при переменных L4, L5 и L6 являются незначимыми. Основные параметры полученной модели представлены в табл. 2, а полученное эконометрическое уравнение выглядит следующим образом:

$$g = 0,364196 + 0,244738K + 0,577631L1 + 0,441345L2 + 0,277416L3.$$

Таблица 2

**Модель: МНК, использованы наблюдения 1999–2014 гг. (T = 16),
зависимая переменная, g**

	Коэффициент	Статистическая ошибка	t-статистика	P-значение	Уровень значимости
Const	0,364196	0,994203	0,3663	0,72107	
K	0,244738	0,0772545	3,1679	0,00895	1 %
L1	0,577631	0,120708	4,7853	0,00057	1 %
L2	0,441345	0,15878	2,7796	0,01792	5 %
L3	0,277416	0,0722709	3,8386	0,00275	1 %
Среднее зависимых переменных		4,758937	Стат. отклонение зависимых переменных		4,133547
Сумма кв. остатков		61,45088	Стат. ошибка модели		2,363566
R-квадрат		0,760232	Испр. R-квадрат		0,673044
F(4, 11)		8,719424	P-значение (F)		0,002010
Логарифмическое правдоподобие		-33,46821	Критерий Акаике		76,93642
Критерий Шварца		80,79937	Критерий Хеннана – Куинна		77,13424
Параметр rho		0,301362	Стат. Дарбина – Вотсона		1,347710

Анализ коэффициентов модели подтверждает вывод о значимости фактора человеческого капитала для российской экономики. Формально занятые с высшим профессиональным образованием вносят наибольший вклад в темпы прироста реального ВВП. Отдача последовательно снижается для занятых со средним профессиональным и начальным профессиональным образованием. При этом значимость переменной *L2* ниже, чем остальных переменных. Анализ коэффициентов модели на других периодах (с последовательным повышением нижней границы от 1999 г.) показал, что *переменная L2 быстро теряет свою значимость, в то время как уровень значимости остальных переменных остается высоким и устойчивым*. Отсюда следует, что занятые со средним профессиональным образованием не являются существенным фактором экономического роста, в отличие от занятых с высшим профессиональным и начальным профессиональным образованием. Это отражает определенные структурные дисбалансы в российской экономике. Другими словами, в современной российской экономике отсутствует прямая зависимость между уровнем образования рабочей силы и экономическим ростом. Востребованы либо работники с начальным профессиональным образованием – для нужд массового производства (в том числе услуг, не требующих высокой квалификации), либо работники с высшим профессиональным образованием, что объективно является требованием современного экономического развития (но здесь также следует учитывать широко распространившуюся тенденцию получения формальных документов о высшем образовании безотносительно к его реальному содержанию и качеству). Среднее звено образования в российских условиях слабо влияет на экономический рост. Это – следствие деиндустриализации российской экономики, снижения ее технологического уровня, деградации машиностроительного комплекса и других отраслей, в которых требуются специалисты со средним профессиональным образованием.

Таким образом, несмотря на значимость фактора человеческого капитала, есть основания полагать, что он используется не полностью в генерировании экономического роста, а человеческий потенциал в России гораздо выше, чем его реальное использование в экономике. Другими словами, человеческий потенциал (как и его ограниченная форма – человеческий капитал) может стать основой для новой модели экономического роста при снятии ограничений, унаследованных от сложившейся в 2000-е гг. экспортно-сырьевой модели роста.

Индустриальные парки: влияние на экономический рост в России

Сложившаяся в российской экономике в 2000-е гг. модель экспортно-сырьевого роста слабо сопрягается с реалиями экономического роста, описанного в шумпетерианской теории. Тем не менее, в последние несколько лет наблюдается ускоренное развитие индустриальных парков. Рассмотрим их характеристики и влияние на экономический рост.

В соответствии с Национальным стандартом под индустриальным (промышленным) парком понимают «управляемый специализированной управляющей компанией комплекс объектов недвижимого имущества, состоящий из земельного участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными зданиями, строениями и сооружениями, обеспеченный инженерной и транспортной инфраструктурой, необходимой для создания нового промышленного производства, а также обладающий необходимым правовым режимом для осуществления производственной деятельности» [7].

В России с 2000-х гг. шел процесс развития и увеличения количества индустриальных парков. Официальная статистическая информация по индустриальным паркам собирается с 2013 г. По данным Ассоциации индустриальных парков (АИП), в 2013 г. в России функционировало всего 80 индустриальных парков, а на конец 2017 г. их численность выросла в два раза – до 166 [8].

За указанный период наблюдалось снижение доли частных промышленных парков в их общем числе: с 62,5 % в 2013 г. до 54,8 % в 2017 г. [8]. Данная тенденция связана с ускоренным развитием государственных парков в 2013–2016 гг. Сложная экономическая ситуация и необходимость реализации концепции импортозамещения вызвала интерес у муниципальных властей к развитию и строительству индустриальных парков.

Для России характерно преобладание индустриальных парков в западных регионах: Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском и Приволжском федеральных округах. К восточным промышленным паркам относятся парки в Уральском, Сибирском и Дальневосточном округах. Несмотря на активное развитие промышленных парков на востоке страны, 77 % (139 единиц) индустриальных парков расположены в западной части России. Лидерами здесь являются регионы Центрального федерального округа – Московская область (25 площадок), Калужская область (10 площадок) и Приволжского федерального округа – Республика Татарстан (17 площадок) [7]. По некоторым оценкам [1], данные регионы относятся к числу лидеров по готовности к реиндустриализации.

Стагнация экономики в 2015–2016 гг. затронула и показатели развития индустриальных парков (табл. 3). В меньшей степени это проявилось в динамике создаваемых рабочих мест в расчете на индустриальный парк: уже в 2016 г. этот показатель стал

Таблица 3

**Показатели развития индустриальных парков (ИП) в России
и динамика реального ВВП***

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Общее количество ИП, ед.	80	101	120	146	166
Число созданных рабочих мест в ИП, ед.	56773	70943	83368	104872	125601
Число созданных рабочих мест в расчете на ИП, ед.	709,7	702,4	694,7	718,3	756,6
Темп прироста числа созданных рабочих мест в расчете на ИП, % к предыдущему году	-	-1,03	-1,1	3,4	5,3
Инвестиции в производство, млрд р.	235,4	302,8	471,3	550	725
Инвестиции в производство в расчете на ИП, млрд р.	2,94	3,0	3,93	3,77	4,37
Инвестиции в производство в расчете на ИП в реальном выражении, млрд р. (в ценах 2013 г.)	2,94	2,79	3,38	3,15	3,45
Темп прироста инвестиций в производство в расчете на ИП в реальном выражении, % к предыдущему году	-	-5,1	21,1	-6,8	9,5

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017
Инвестиции в инфраструктуру, млрд р.	87	101	119	134	176
Инвестиции в инфраструктуру в расчете на ИП, млрд р.	1,09	1,0	0,99	0,92	1,06
Инвестиции в инфраструктуру в расчете на ИП в реальном выражении, млрд р. (в ценах 2013 г.)	1,09	0,93	0,85	0,77	0,84
Темп прироста инвестиций в инфраструктуру в расчете на ИП в реальном выражении, % к предыдущему году	-	-14,7	-8,6	-9,4	9,1
Темпы прироста реального ВВП, % к предыдущему году	1,8	0,7	-2,5	-0,2	1,5

* Рассчитано авторами по [8, с. 9].

положительным, а в 2017 г. увеличился. Динамика инвестиций в производство в расчете на индустриальный парк в реальном выражении носила колебательный характер, при этом высокий прирост наблюдался в 2015 г., что может создать основу для будущего развития промышленного производства в индустриальных парках. Напротив, инвестиции в инфраструктуру в расчете на индустриальный парк сокращались в 2014–2016 гг., и только с 2017 г. наметились темпы роста.

Имеющиеся данные, к сожалению, ограничены коротким временным горизонтом, что не позволяет использовать их для построения корректных эконометрических моделей. Тем не менее расчеты коэффициентов корреляции между показателями, характеризующими развитие индустриальных парков, и динамикой ВВП показали следующее.

Имеется достаточно высокий положительный коэффициент корреляции между динамикой числа создаваемых рабочих мест в расчете на индустриальный парк и динамикой ВВП (0,61). Коэффициент корреляции между динамикой инвестиций в инфраструктуру в расчете на индустриальный парк в реальном выражении и динамикой ВВП также положительный, но невысокий (0,44). Коэффициент корреляции между динамикой инвестиций в производство в расчете на индустриальный парк в реальном выражении и динамикой ВВП отрицательный (-0,56). Однако в этом случае следует учитывать возможный инвестиционный лаг, поскольку инвестиции текущего периода могут оказывать влияние на параметры экономического роста в будущих периодах. Кроме того, следует учесть погрешность при расчетах реальных инвестиций в табл. 3: для их оценки использовались дефляторы ВВП в целом, которые не в полной мере отражают динамику цен на товары инвестиционного назначения.

В целом, прослеживается слабоположительная корреляция с динамикой ВВП таких показателей деятельности индустриальных парков, как удельное число создаваемых рабочих мест и удельный объем реальных инвестиций в инфраструктуру.

Конкретизируем региональный аспект влияния индустриальных парков на экономический рост. Так, среднее значение показателя «Вклад резидентов индустриальных парков в обрабатывающее производство субъекта» по субъектам РФ, имеющим действующие и создаваемые парки, составил в 2016 г. 2,11 % [4] (табл. 4).

Таблица 4

Вклад ИП в обрабатывающее производство регионов России*

Показатель	Годы	Владимирская обл.	Калужская обл.	Ленинградская обл.
Количество ИП	2014	1	11	13
	2015	4	10	10
	2016	5	11	8
	2017	5	10	8
Объем обрабатывающего производства, млн р.	2014	313 682	454 878	645 073
	2015	358 688	441 634	819 045
	2016	397 815	537 625	854 905
	2017	397 815	537 625	854 905
Вклад резидентов ИП в обрабатывающее производство субъекта, %	2014	1,17	58,06	0,47
	2015	1,03	58,17	0,45
	2016	0,92	47,65	0,43
	2017	0,92	47,65	0,43
Показатель	Годы	Московская обл.	Новосибирская обл.	Республика Башкортостан
Количество ИП	2014	16	1	3
	2015	17	1	5
	2016	15	3	6
	2017	25	5	6
Объем обрабатывающего производства, млн р.	2014	1 767 159	328 960	893 964
	2015	1 945 571	365 583	954 489
	2016	2 071 867	386 391	933 653
	2017	2 071 867	386 391	933 653
Вклад резидентов ИП в обрабатывающее производство субъекта, %	2014	0,08	0,32	0,01
	2015	0,21	0,29	0,01
	2016	0,27	0,27	0,01
	2017	0,27	0,27	0,01
Показатель	Годы	Республика Татарстан	Свердловская обл.	Ульяновская обл.
Количество ИП	2014	8	2	2
	2015	11	4	3
	2016	17	5	5
	2017	17	5	5
Объем обрабатывающего производства, млн р.	2014	1 183 555	1 343 307	185 638
	2015	1 315 418	1 526 562	225 799
	2016	1 394 842	1 580 518	248 539
	2017	1 394 842	1 580 518	248 539
Вклад резидентов ИП в обрабатывающее производство субъекта, %	2014	7,29	0,48	32,5
	2015	6,75	0,42	26,72
	2016	6,37	0,41	24,27
	2017	6,37	0,41	24,27

* Составлено по [4, 8].

Наибольший вклад в развитие обрабатывающего производства вносят индустриальные парки Калужской (47,65 %) и Ульяновской областей (24,27 %), а также Республики Татарстан (6,37 %) [4]. Как видим, индустриальные парки России неоднородны по степени участия в обрабатывающем производстве. При этом данный показатель не зависит от количества промышленных парков в субъекте. Так, в Калужской области и Республике Татарстан, в Ленинградской и Московской областях находится значительное количество парков, однако, степень влияния резидентов парков на обрабатывающее производство различна. В Ленинградской и Московской областях она составляет меньше 1 %, что ниже среднего значения показателя по России. В Ульяновской области, где число промышленных парков невелико (5 парков в 2016–2017 гг.), что сравнимо с уровнем в Республике Башкортостан (6 парков), Владимирской, Новосибирской и Свердловской областях (по 5 парков), вклад резидентов в обрабатывающее производство существенно превышает среднероссийское значение. Индустриальные парки в Республике Татарстан, Калужской и Ульяновской областях отличаются большим масштабом – количество рабочих мест в них варьирует от 5 до 10 тыс. человек.

Анализ показателей индустриальных парков в указанных регионах позволяет сделать следующие выводы. В российской экономике индустриальные парки оказывают реальное влияние на обрабатывающее производство при выполнении следующих условий: большинство резидентов парков задействованы в обрабатывающем производстве; общее количество рабочих мест парка приближается к 5 000 человек или выше данного значения; ключевыми сферами деятельности резидентов являются машиностроение, химия или металлургия. Именно такие парки и присутствуют в Республике Татарстан, Калужской и Ульяновской областях.

Таким образом, индустриальные парки в России пока не являются значимым фактором экономического роста в целом, а в региональном аспекте прослеживается привязка специфики парков к требованиям зрелого индустриального роста (классификация системно-исторических типов роста дана в [10]). Такая привязка является закономерным следствием деиндустриализации российской экономики в 1990-е гг.: в этих условиях процесс реиндустриализации часто следует по проторенной колее восстановления зрелого индустриального типа экономического роста. Однако в условиях перехода к неоиндустриальному росту, основанному на использовании фактора человеческого потенциала (даже в большей степени, чем фактора человеческого капитала) и инноваций, необходимо развитие самой организационной формы индустриального парка – распространение экоиндустриальных парков и других форм, соответствующих автоматизированному, безотходному производству. Это соответствует современным мировым тенденциям развития индустриальных парков (автоматизация производства, использование цифровых технологий, развитие высокотехнологичных инновационных производств, учет экологического фактора).

В целом, в российской экономике оба инновационных фактора экономического роста – человеческий капитал и индустриальные парки – остаются не до конца востребованными, а их воздействие на экономический рост носит ограниченный характер. Давно назрела смена модели экономического роста в стране: переход от экспортно-сырьевой модели, уничтожающей человеческий потенциал, к новой, социально ориентированной, инновационной модели роста. Последнее невозможно без развития системы стратегического планирования и прогнозирования экономики, на что указывает ряд

исследователей [3, 6]. В этом случае факторы человеческого капитала (и шире – человеческого потенциала) и инновационных форм организации бизнеса смогут проявиться в полную силу, способствуя возобновлению экономического роста и повышению его качества.

Список литературы

1. Барашкова, О. В. Оценка готовности регионов России к реиндустриализации: обоснование методики и анализ результатов / О. В. Барашкова // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 4. – С. 74–82.
2. Бодрунов, С. Д. К новому индустриальному обществу второго поколения: образование и развитие личности / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2017. – № 4. – С. 5–10.
3. Бузгалин, А. В. Теория планомерности и задачи развития селективного планирования в рыночной экономике / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 1. – С. 21–43.
4. Геоинформационная система индустриальных парков. URL: <https://www.gisip.ru/#!/ru/stats/>
5. Капелюшников, Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р. И. Капелюшников // препринт WP3/2012/06. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. – 76 с.
6. Клепач, А. Н. Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы / А. Н. Клепач // Вопросы политической экономии. – 2016. – № 1. – С. 44–63.
7. Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 56301–2014. «Индустриальные парки. Требования». – М.: Стандартинформ, 2014. – 26 с.
8. Индустриальные парки России: отраслевой обзор. – М.: НП «Ассоциация индустриальных парков», 2017. – № 2 – № 5.
9. Оценка динамики и структуры человеческого капитала для российской экономики за 1991–2012 гг. / А. В. Суворов, Н. В. Суворов, В. Г. Гребенников, В. Н. Иванов О. Н., Болдов // Проблемы прогнозирования. – 2015. – № 2. – С. 3–15.
10. Теняков, И. М. Системно-историческая типология экономического роста / И. М. Теняков // Журнал экономической теории. – 2017. – № 4. – С. 83–94.
11. Труд и занятость в России. 2003: стат.сб. / ред. колл.: К. Э. Лайкам, А. Н. Ананьев, Л. А. Белокодная [и др.]. – М.: Госкомстат России, 2003. – 638 с.
12. Труд и занятость в России. 2007: стат.сб. / ред. колл.: А. Л. Кевеш, Л. А. Белокодная, Т. Л. Горбачева [и др.]. – М.: Росстат, 2007 – 611 с.
13. Труд и занятость в России. 2011: стат.сб. / ред. колл.: К. Э. Лайкам, О. И. Антонова, Т. В. Блинова [и др.]. – М.: Росстат, 2011. – 637 с.
14. Труд и занятость в России. 2015: стат.сб. / ред. колл.: К. Э. Лайкам, В. Е. Гимпельсон, О. Б. Жихарева [и др.]. – М.: Росстат, 2015. – 274 с.
15. Хелпман, Э. Загадка экономического роста / Э. Хелпман; пер. с англ. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. – 240 с.
16. Шумпетер, Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – М.: Прогресс, 1982.
17. Aghion, P. Entrepreneurship and Growth: Lessons from Intellectual Journey / P. Aghion // Small Bus Econ. – 2017. – № 48. – P. 9–24.
18. Aghion, P. What do we learn from Schumpeterian Growth Theory? / P. Aghion, U. Akcigit, P. Howitt // The National Bureau of Economic Research. – 2013. – Working Paper № 18824.
19. Aghion, P. Model of Growth through Creative Destruction / P. Aghion, P. Howitt // Econometrica. – 1992. – № 60. – P. 323–351.

20. *Aghion, P.* The Economics of Growth / P. Aghion, P. Howitt // The MIT Press. – 2009.
21. *Arrow, K. J.* The Economic Implications of Learning by Doing / K. J. Arrow // Review of Economic Studies. – 1962. – № 29.
22. *Bambi, M.* Endogenous Growth and Time-To-Build: the AK-case / M. Bambi // Journal of Economic Dynamics and Control. – 2008. – № 32. – P. 1015–1040.
23. *Bambi, M.* Optimal Policy and Consumption Smoothing Effects in the Time-To-Build AK Model / M. Bambi, G. Fabbri, F. Gozzi // Econ Theory. – 2012. – № 50. – P. 635–669.
24. *Bloom, N.* Are Ideas Getting Harder to Find? / N. Bloom, C. Jones, J. Van Reenen, M. Webb // The National Bureau of Economic Research. – 2017. – Working Paper № 23782.
25. *Boucekkine, R.* Vintage Capital and the Dynamics of the AK Model / R. Boucekkine, O. Licandro, L. A. Puch, F. del Rio // Journal of Economic Theory. – 2005. – № 120. – P. 39–72.
26. *Fabbri, G.* Solving Optimal Growth Models with Vintage Capital: the Dynamic Programming Approach / G. Fabbri, F. Gozzi // Journal of Economic Theory. – 2008. – № 143. – P. 331–373.
27. *Frankel, M.* The Production Function in Allocation of Growth: A Synthesis / M. Frankel // American Economic Review. – 1962. – № 52.
28. *Getachew, Y. Y.* Credit Constraints, Growth and Inequality Dynamics / Y. Y. Getachew // Economic Modelling. – 2016. – № 54. – P. 364–376.
29. *Gordon, R. J.* The rise and fall of American growth: the U.S. standard of living since the Civil War / R. J. Gordon. – Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2016. – 762 p.
30. *Jones, C. I.* R&D-Based Models of Economic Growth / C. I. Jones // Journal of Political Economy. – 1995. – № 103. – P. 759–784.
31. *Lucas, R.* On the Mechanics of Economic Development / R. Lucas // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22, № 1. – P. 3–42.
32. *Romer, P.* Endogenous Technological Change / P. Romer // Journal of Political Economy. – 1990. – № 98. – P. 71–102.
33. *Romer, P.* Increasing Returns and Long-Run Growth / P. Romer // Journal of Political Economy. – 1986. – № 94.
34. World Economic Outlook. – IMF. – 2000. – October.
35. World Economic Outlook. – IMF. – 2017. – October.
36. World Economic Outlook. Seeking Sustainable Growth. Short-Term Recovery, Long-Term Challenges. – IMF. – 2017. – October.

I. M. Tenyakov, T. V. Konovalova. Innovative factors of Russia's economic growth: human capital and industrial parks. The article reveals the influence of a number of innovative factors on the economic growth in Russia. The purpose of the article is to reveal the influence of human capital and industrial parks as an innovative form of business organization on the indicators of Russia's economic growth. The following tasks are solved: the systematization of approaches to innovative growth factors in the theory of economic growth, the evaluation of human capital and industrial parks in Russia, the identification of the relationship between these factors and the growth of the Russian economy. Comparative analysis method, statistical method and econometric modeling are used in the article. The significant influence of human capital in the shape of employees having higher education on Russian economic growth is found. At the same time employees having primary and secondary education or employees without education are the insignificant factor of growth. The contradictory influence of industrial parks on economic growth in Russia is revealed. It is shown that industrial parks are a significant factor in the growth of manufacturing production in only a few Russian re-

gions. It is noted that the current model of the growth of the Russian economy is incapable of fully utilizing the potential of innovation factors, which can be fully revealed only when moving to a new, innovative, socially-oriented model of economic growth.

Keywords: economic growth, innovative growth factors, human potential, industrial parks.

Ю. В. Вертакова¹, А. В. Евченко²

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СКВОЗНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ СИНТЕЗА ПРОДУКТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ И РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ

Выполнен анализ эволюции производственного планирования – от техпромфинплана до сквозных плановых технологий; актуализированы состав и структура системы планов на современных промышленных предприятиях; определены перспективы и возможности расширения использования сквозных технологий в условиях цифровизации экономики. Рассмотрены проблемы в сфере организации и проведения сквозного производственного планирования на предприятиях; выполнен поэлементный анализ состава реализуемых сквозных технологий и процедур производственного планирования. Осуществлен синтез позитивного опыта плановой и рыночной экономики для использования в процессах разработки сквозной системы планов предприятия в условиях цифровизации.

Ключевые слова: производственное планирование, промышленное предприятие, сквозные технологии планирования, система планов предприятия.

УДК 338.984

Введение

Цифровизация экономики Российской Федерации требует трансформации теоретико-методологической базы производственного планирования [1–4 и др.]. В качестве объекта исследования принята методология сквозного производственного планирования на предприятии в условиях цифровой экономики. Цель исследования – синтез продуктивных элементов плановой экономики и развитой рыночной среды для их использования в современном производственном планировании.

Основные задачи исследования: анализ эволюции производственного планирования – от техпромфинплана (в плановой экономике) до сквозных технологий (в рыночной среде); актуализация состава и структуры сквозной системы планов на современных промышленных предприятиях; обоснование возможностей и определение перспектив расширения использования сквозных технологий производственного планирования в условиях цифровизации экономики.

Для повышения степени порядка в функционировании хозяйствующего субъекта, сохранения и развития характерных и определяющих его специфику свойств и качеств необходимо осуществлять управление системой предприятия. Высокоэффектив-

¹ Юлия Владимировна Вертакова, директор Курского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, д-р экон. наук, профессор, e-mail: YVVertakova@fa.ru

² Андрей Васильевич Евченко, старший научный сотрудник Курского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, канд. экон. наук, доцент, e-mail: AVEvchenko@fa.ru

ное управление должно предусматривать системную реализацию комплекса функций (исследование, организация, контроль, мотивация, коммуникация, принятие решений, координация и др.), в составе которых основная роль отводится планированию. Действительно, каждая функция непосредственно связана с плановым процессом, и само управление необходимо, исходя из его сути, планировать и организовывать.

Планирование, создающее основу для принятия управленческих решений, включает определение целей и разработку задач управления производством с последующим формированием мероприятий и поиском путей осуществления планов для реализации поставленных целей. Многогранное и многоаспектное понятие планирования предусматривает как осуществление процедур прогнозирования, подготовки графика работ для реализации целевых программ, формирования бюджета, обосновывающего необходимый объем затрат с распределением по структурным подразделениям, видам работ и временным периодам, так и разработку общей политики предприятия, его экономической стратегии, внутренних положений и руководящих документов, целевых показателей развития.

Формируя набор целевых показателей развития хозяйствующего субъекта, планирование создает основу для контроля полученных результатов, их анализа и сопоставления [5]. В свою очередь, анализ и оценка показателей функционирования предприятий и организаций служат базой для осуществления новых этапов планирования и прогнозирования тенденций будущего.

Методика исследования

Среди наиболее общих определений планирования можно выделить следующие [6, с. 60]: *планирование* – один из выделяемых экономических методов управления, интегрирующий разработку и практическое осуществление планов, детерминирующих будущее состояние экономической системы, а также способы, средства и пути его достижения; *планирование* – разновидность экономических методов управления, выступающая в роли ключевого средства практического применения экономических законов обществом в процессе хозяйствования; *планирование* – один из способов регулирования экономических процессов на всех уровнях хозяйствования (национальной экономики, отраслей, территориальных единиц, предприятий), включающий постановку целей и поиск путей их практического достижения с опорой на прошлые сведения и на этой основе стремящийся определить будущее.

Раскрытие сущности и особенностей планирования в работах различных исследователей во многом определяется применяемыми подходами к трактовке понятия (например, через близкородственные понятия, с позиций установления происхождения слова, через расшифровку отдельных наиболее важных для исследователя черт изучаемого понятия), уровнем хозяйственной системы, на котором авторы рассматривают понятие планирования, и т. д.

Так, экономисты советского периода (например, В. С. Дунаева) подходили к определению планирования через близкое понятие планомерности: «Планомерность – объективная закономерность жизнедеятельности общества, обеспечивающая его целенаправленное развитие; отношения планомерности могут пониматься как внешнее проявление процесса планирования» [7, с. 67].

Современные авторы раскрывают более узкие понятия, в частности *внутрифирменное* и *внутрипроизводственное планирование*, ограниченные рамками исследуемой хозяйственной системы. Например, М. И. Бухалков определяет внутрифирменное плани-

рование как «научное обоснование на предприятиях или фирмах предстоящих экономических целей их развития и форм хозяйственной деятельности, выбор наилучших способов их осуществления на основе наиболее полного выявления требуемых рынком видов, объемов и сроков выпуска товаров, выполнения работ и оказания услуг и установления таких показателей их производства, распределения и потребления, которые при полном использовании ограниченных производственных ресурсов могут привести к достижению прогнозируемых в будущем качественных и количественных результатов» [8, с. 10].

Существует и другая точка зрения: современное внутрифирменное планирование можно определять как взаимосвязанные научные и практические виды деятельности, предметом изучения которых является система рыночных свободных отношений между капиталом и трудом в процессах производства, распределения и потребления всех материальных и духовных ценностей [9, с. 30].

Как считает И. Н. Герчикова: «... внутрипроизводственное планирование конкретизирует цели развития всей фирмы и каждого подразделения в отдельности на установленный период времени и определяет хозяйственные задачи, средства их достижения, сроки и последовательности реализации, выявляет материальные, трудовые и финансовые ресурсы, необходимые для решения поставленных целей» [10, с. 177].

Подытожим: планирование – это неотъемлемый элемент системы управления всей финансово-хозяйственной деятельностью хозяйствующего субъекта, реализующийся через установление желаемого состояния и определение оптимальных методов и способов его достижения в условиях неопределенности и риска, ограниченности ресурсов и альтернативных возможностей их использования.

В планировании выделяются две относительно самостоятельные стороны: *организационная* (кто, с какой периодичностью разрабатывает планы, в какие сроки и кому передает, как корректирует) и *содержательная* (как формируются результаты планирования, какие применяются алгоритмы и технологии, что является источником исходных данных, каково экономическое содержание исходных данных и получаемых результатов). Таким образом, достижение предприятием устойчивого экономического функционирования и развития во многом определяется эффективностью плановых процедур, соответствием применяемого инструментария поставленным целям и качеством управленческих решений.

Рассмотрим изменения во взглядах на планирование – от стихийного до собственно планового и рыночного. В разные периоды формы проявления планирования существенно различались. Плановые институты прошли три этапа в своем развитии: 1) до создания национальных государств; 2) до образования плановых органов и формирования формальных процедур планирования; 3) с функционированием плановых органов и соблюдением установленных процедур планирования.

На *первой стадии* все виды планов создавались на основе обычаев и традиций, не было дифференциации планирования. На *второй стадии* на микроуровне не было формальных правил осуществления планирования, им занимались на свой страх и риск главы хозяйств всех типов. *Третья стадия* (этап зарождения теории планирования) началась в России в 1920-е гг. С этого времени теория управления понималась, в первую очередь, как наука о народнохозяйственном планировании [11, с. 372].

Социалистическое планирование сочетало текущие (годовые, квартальные, месячные) планы с перспективными (пятилетними). Основной частью единого народнохозяйственного плана СССР являлся план развития промышленности. Исходя из показателей, содержащихся в едином государственном плане, предприятия разрабатывали

свои техпромфинпланы. Техпромфинплан являлся сводным планом финансово-хозяйственной и производственно-технической деятельности предприятия. После утверждения техпромфинплана до всех отделов, цехов, участков и вспомогательных служб доводились квартальные уточненные планы работы с помесечной разбивкой. Такие производственные месячные программы были основой для формирования сменно-суточных заданий ежедневного производства и сдачи готовой продукции [12, с. 73].

При плановой экономике цели предприятиям и их подразделениям устанавливались сверху, они были жестко заданными. С переходом России к рыночной экономике все вопросы управления предприятием (включая планирование производственно-хозяйственной деятельности), которые раньше директивно спускались вышестоящими органами, стали группироваться на уровне хозяйствующего субъекта.

В условиях цифровизации экономики предприятия при принятии хозяйственных решений сталкиваются с резким ростом влияния на организацию, планирование и функционирование их производства многочисленных внешних факторов, неопределенности и рисков рынка. Видоизменяется система показателей, критериев и характеристик эффективности экономики предприятия, что влечет за собой разработку новых расчетных методик, формирование нового экономического мышления и рост профессионализма.

Несмотря на множественные различия процессов планирования в условиях административно-командной и рыночной экономики, можно выделить ряд схожих черт и преемственность навыков и опыта. Так, в основе системы планирования большинства современных промышленных предприятий лежит практически та же методика разработки оперативного плана и даже некоторых разделов техпромфинплана, т. е. в современной экономике учитываются достижения планового опыта, оставшегося со времен советской системы хозяйствования [11, с. 373].

Однако следует учесть, что в условиях рынка (особенно на современном этапе цифровизации) методы планирования на предприятии должны соответствовать рыночной экономике, поэтому традиционные методы требуют некоторой ревизии, а в случае необходимости создается новый модельный и научно-методический аппарат [13, с. 28].

В современных быстро меняющихся условиях функционирования без регулярного и четкого процесса планирования ни один хозяйствующий субъект не сможет завоевать на рынке конкурентные позиции и обеспечить требуемые темпы роста экономической эффективности производства. В связи с этим важно комплексно подходить ко всем видам планирования и разрабатывать сквозную систему планов.

Результаты и их обсуждение

Сквозная система планов – это реализуемая предприятием совокупность планов с их внутренней структурой, включающей формализованные и определенные для каждого из них регламент, форматы и принципы планирования. Совокупность взаимосвязанных плановых документов должна обеспечивать полное и целостное представление о положении предприятия в описываемый временной период и в будущем.

Планы различных групп и уровней могут увязываться либо содержательно, либо во времени, либо по обоим параметрам. Сопряженная временная и содержательная увязка выполняется, если содержание двух и более планов формируется одновременно (синхронное планирование) либо один или несколько планов формируются на основе другого (последовательное планирование) [14, с. 325].

Существуют различные варианты дифференциации планирования на предприятии по группам (см. таблицу).

Классификация видов планирования

Признак классификации	Вид планирования	Примечание
Степень охвата сфер деятельности	Общее	Планирование всех сфер хозяйственной деятельности предприятия
	Частное	Планирование определенных сфер деятельности
Функциональная область предприятия	Планирование производства	Планирование ассортимента продукции, объемов и сроков ее изготовления, исполнителей по структурным подразделениям
	Планирование сбыта	Планирование объемов и цен реализации, основных потребителей, направлений отгрузки
	Финансовое	Планирование основных финансовых показателей, формирование бюджета доходов и расходов, бюджета движения денежных средств, управленческого баланса предприятия
	Планирование кадров	Определение плановой численности, фонда оплаты труда, среднемесячной заработной платы
Степень неопределенности плановой деятельности	Детерминированный тип	Предприятие работает в предсказуемых условиях и не испытывает нехватки информации
	Стохастический (вероятностный) тип	Предполагает дефицит определенности во внешней среде, недостаток информации для принятия решений
Ориентация идей плановика в прошлое, настоящее или будущее [15, с. 2903]	Реактивное (ориентация на прошлое)	Подразумевает генетический подход – проблема исследуется с точки зрения ее возникновения и прошлого развития, опирается на предшествующий опыт, осуществляется «снизу вверх»
	Инактивное (приспособление к настоящему)	Предполагает отказ от возвращения в прошлое и вместе с тем стремится к движению вперед, воспринимает существующие условия как достаточно хорошие или приемлемые
	Преактивное (предпочтение будущего)	Ориентировано преимущественно на изменения в будущем, базируется не на сокращении принимаемых усилий, а на нахождении оптимальных решений

Признак классификации	Вид планирования	Примечание
Метод реализации	Директивное	Предполагает безусловное исполнение планов
	Индикативное	План предстает как ориентир экономического развития и может изменяться в некотором диапазоне в зависимости от условий
Горизонт времени планирования	Долгосрочное (перспективное)	Формирует стратегию предприятия, включая научно-техническое, экономическое, социальное развитие (на период 5...25 лет)
	Среднесрочное	Направлено на детализацию перспективных планов (на срок 1...5 лет)
	Краткосрочное (текущее)	Включает планы на квартал, месяц, декаду, неделю, сутки и смену (на срок до 1 года)
Организация внутрифирменных процессов [6, с. 68]	Ретроградное	Реализуется в оргструктуре «сверху вниз», руководство определяет укрупненные цели в качестве рамочного плана, а нижестоящие уровни конкретизируют их в детализированных и уточненных подпланах
	Прогрессивное	Исходит от нижних уровней управления и реализуется поэтапно методом «снизу вверх»; конечный результат – формирование общих целей и планов
	Планирование по методу встречного потока	Соединяет прогрессивное и ретроградное планирование. Вначале руководство предприятия временно устанавливает верхние цели, на этой основе нижестоящие уровни формируют свои подцели и подпланы для проверки достижимости поставленных целей; затем идет обратный процесс – «снизу вверх», когда планы нижних уровней управления пошагово координируются и сводятся воедино. Процесс заканчивается итоговым определением целей и планов высшим руководством
Учет изменчивости планируемых процессов	Фиксированное	План разрабатывается для одного объема производства и реализации; основной недостаток – при отклонении фактических объемов от планируемых невозможен контроль затрат
	Гибкое	План включает многовариантные расчеты показателей, отображая разные версии развития производства в пределах заданного диапазона его изменения

Признак классификации	Вид планирования	Примечание
Частота планирования	Функциональное	Планирование по внутрифирменным сферам деятельности, осуществляемое через регулярные интервалы времени в одной и той же сфере
	Планирование проектов	План разрабатывается для ограниченной по времени задачи (к примеру, планирование внедрения новой техники)

В особую классификационную группу необходимо выделить стратегическое, тактическое и оперативно-производственное планирование, которые можно рассматривать как сквозную иерархию. *Стратегическое планирование* – функция управления предприятием, содержание которой заключается в выборе долгосрочных целей и определении путей их достижения. *Тактическое планирование* – принятие управленческих решений по распределению ресурсов для достижения запланированных стратегических целей предприятия. *Оперативное планирование* – завершающее звено плановой работы на предприятии [11, с. 375].

В зависимости от объекта стратегического планирования различают: корпоративную стратегию (стратегия развития всего предприятия); бизнес-стратегию (определяющую развитие отдельной стратегической хозяйствующей единицы предприятия); функциональную стратегию (стратегию функциональной зоны хозяйствования) [16, с. 28].

На предприятии должна быть единая стратегия развития, а функциональные стратегии необходимо разрабатывать как планы по достижению стратегических целей по функциональным направлениям. В противном случае структурные подразделения предприятия, не принимая в расчет ограниченность его ресурсов, могут ставить независимые цели и, соответственно, пути их реализации (функциональные стратегии) для всего спектра функциональных направлений [17, с. 31].

Со стратегией предприятия тесно увязана его тактика. Тактические планы, или планы текущей деятельности, выполняют роль инструментов для осуществления стратегических планов и существенно отличаются от последних. *Тактические планы* формируются в полном соответствии со стратегическими; в ходе тактического планирования реализуется принцип «разрабатывает планы тот, кто будет их выполнять» (решения по стратегическим планам принимаются высшим менеджментом; тактические планы разрабатываются руководителями среднего звена управления); тактические планы создаются на более короткий горизонт планирования, чем стратегические; результаты их осуществления проявляются достаточно быстро, что позволяет оперативно принять меры по установленным отклонениям [13, с. 198].

Годовой (тактический) план производства составляется на год с разбивкой на более короткие периоды (кварталы, месяцы) с указанием количества изделий в каждом периоде. Его основная задача – обоснование реальных возможностей предприятия по производству определенного ассортимента продукции заданного количества, требуемого качества и в установленные сроки [18, с. 199]. Годовой план производства предпри-

ятия служит основой при расчетах планов производства по структурным подразделениям. Он конкретизируется по отдельным деталям, сборочным единицам; распределяется по кварталам и месяцам и доводится до каждого основного производственного подразделения. В дальнейшем формируются оперативно-производственные планы.

В ходе оперативного планирования на предприятии плановые службы формируют детализированные и уточненные задания для всех производственных подразделений (цехов, бригад, участков, рабочих мест) на смену, сутки, неделю, декаду, месяц, квартал. На этом же уровне выполняются текущее руководство производственными процессами и ежедневный контроль выполнения заданных объемов деятельности по каждому производственному подразделению.

В каждом цехе предприятия основанием для расчетов календарно-плановых нормативов движения производства служат номенклатурно-календарные планы. Исходя из заложенных в них показателей, цеха на каждый месяц разрабатывают производственные программы по запуску и выпуску закрепленных за ними изделий, учитывая дополнительные предложения производственно-диспетчерского отдела, и распределяют их по всем участкам или бригадам. В свою очередь, для участков и бригад формируются два типа производственных заданий: а) оперативно-календарный план запуска-выпуска деталей с учетом ритмичного и равномерного выпуска готовой продукции; б) сменно-суточные задания, предусматривающие конкретное закрепление деталей (операций) по рабочим местам [13, с. 595].

Заключение

Стратегическое, тактическое и оперативно-производственное планирование взаимосвязаны, взаимозависимы и образуют единую сквозную систему планирования. В целом, эту взаимосвязь можно отобразить следующим образом:

- все планы формируются и осуществляются в определенном порядке: сначала – стратегический план (на срок от 3 лет), затем – текущий, или тактический (на срок от 1 до 3 лет), потом – оперативно-производственный план (до одного года);
- объекты всех этих планов взаимозависимы (объектом стратегического плана является изделие; объектом тактического – проектирование этого изделия, закупка необходимых материалов и оборудования; объект оперативно-производственного плана – распределение персонала по участкам, задействованным в подготовке производства данного изделия, оплата текущих расходов и т. п.).

Все рассмотренные планы различаются по назначению, степени точности устанавливаемых промежуточного и конечного интервалов планирования, степени внутренней дифференциации либо интеграции; по количеству планируемых показателей, уровню точности выполняемых расчетов результатов производства и затрат. В единой сквозной системе планов предприятия каждый из них предназначен для решения своих задач (или комплекса взаимосвязанных задач), и в то же время они дополняют друг друга.

Направление наших дальнейших исследований – продолжение разработки теоретико-методологических, организационно-методических и прикладных аспектов применения сквозных технологий планирования.

Список литературы

1. Авдеева, И. Л. Использование RFID-технологий в управлении производственными экономическими системами в условиях реализации четвертой промышленной революции /

И. Л. Авдеева, Т. А. Головина, А. В. Полянин // Организатор производства. – 2019. – Т. 27, № 3. – С. 33–45.

2. Бодрунов, С. Д. Информационно-цифровые технологии как основа технологической компоненты новой модели развития экономики / С. Д. Бодрунов // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2017. – Т. 207, № 5. – С. 317–328.

3. Золотарев, А. А. Российская экономическая система: перспективы реинтеграции производства, образования и науки / А. А. Золотарев, Н. Г. Яковлева // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 4 (42). – С. 171–176.

4. Плотников, В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике / В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4 (112). – С. 16–24.

5. Vertakova, Y. V. Decomposition of industry structural shifts and reconstruction research based on share analysis / Y. V. Vertakova, M. G. Klevtsova, A. V. Rushkova // E3S Web of Conferences. – 2019. – Vol. 110, art. 02012.

6. Концепция контроллинга: Управленческий учет. Система отчетности. Бюджетирование. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 269 с.

7. Дунаева В. С. Планомерное пропорциональное развитие народного хозяйства – экономический закон социализма / В. С. Дунаева. – М.: Мысль, 1981. – 80 с.

8. Бухалков, М. И. Внутрифирменное планирование / М. И. Бухалков. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 328 с.

9. Усатова, Л. В. Управленческий учет как база для осуществления внутрифирменного планирования / Л. В. Усатова // Управленческий учет. – 2009. – № 11. – С. 30–33.

10. Герчикова, И. Н. Менеджмент / И. Н. Герчикова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 511 с.

11. Babich, T. N. Evolution and characteristics of planning at an enterprise in Russia / T. N. Babich, L. S. Belousova // World Applied Sciences Journal. – 2013. – P. 371–376.

12. Экономика промышленности СССР / под ред. Е. Тягая. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1956. – 464 с.

13. Управление организацией / под ред. А. Г. Поршнева, З. П. Румянцевой, Н. А. Саломатина. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 669 с.

14. Великая, Е. Г. Подходы к управлению затратами промышленного предприятия / Е. Г. Великая // Аудит и финансовый анализ. – 2007. – № 5. – С. 323–329.

15. Vertakova, Y. Factors enhancing strategic technological competitiveness of industrial companies / Y. Vertakova, T. Babich, E. Bykovskaya // Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: International Business Information Management Association (IBIMA). Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference (10–11 April, 2019). – Granada, Spain, 2019. – P. 2901–2908.

16. Шамгунов, Р. Н. Стратегия и стратегическое управление в российских компаниях / Р. Н. Шамгунов // Справочник экономиста. – 2010. – № 4. – С. 27–31.

17. Шамгунов, Р. Н. Стратегия компании на пути к разработке / Р. Н. Шамгунов // Справочник экономиста. – 2010. – № 7. – С. 29–38.

18. Vertakova, Y. V. The Integrated Approach to Sustainable Development: The Case of Energy Efficiency and Solid Waste Management / Y. V. Vertakova, V. A. Plotnikov // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2019. – Vol. 9 (4). – P. 194–201.

Y. V. Vertakova, A. V. Evchenko. Formation of the modern paradigm for the application of end-to-end production planning technologies based on the synthesis of planned economy's and market environment's productive elements. The main objectives of the study: to analyze the evo-

lution of production planning from cutting-tekhpromfinplan planned technologies; to update the composition and structure of the system plans in modern enterprises; to determine the prospects and possibilities of expanding the use of end-to-end technology production planning in terms of digitalization of the economy. The existing problems in the field of organization and implementation of end-to-end production planning at the enterprises of modern industry are considered. An element-by-element analysis of the composition of end-to-end technologies and production planning procedures implemented by the enterprise is carried out. The synthesis of positive experience of planned and market economy for use in the development of end-to-end system of enterprise plans in the conditions of digitalization is carried out.

Keywords: production planning, industrial enterprise, end-to-end planning technologies, enterprise plan system.

В. Б. Сироткин¹

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ В РЕЖИМАХ УПРАВЛЕНИЯ: ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

Обсуждается влияние общественно-экономических движений на экономическое поведение. Показано, что в гибридных обществах (обществах несостоявшегося модерна) экономика всегда подчинена целям политической традиции, поэтому попытки экономистов самостоятельно обосновать и установить приоритеты и инструменты хозяйствования в таких странах представляются нереалистичными. Типологии экономического поведения следуют из типологии политической мысли, а не наоборот. Экономические изменения должны получать поддержку общественных движений. Закрытость сообщества экономистов от политологов, социологов и психологов отрицательно сказывается на темпах экономического развития.

Ключевые слова: общество, консерватизм, либерализм, радикализм, экономика, управление.

УДК 330.352

Предварительные замечания

1. Рассмотрим ответ на вызов, стоявший перед разгромленной Германией после окончания Второй мировой войны.

Западногерманский экономист и государственный деятель, Федеральный канцлер ФРГ в 1963–1966 гг., творец «немецкого чуда» Людвиг Эрхард (1897–1977) утверждал [1]:

а) принцип экономической свободы – основа богатства и энергии людей – выше принципа распределительной справедливости. В ФРГ государство защитило рынок (свободные цены, низкие налоги, антимонопольные законы, льготы для частных инвесторов, защита от внешних конкурентов) и из этого возникло «экономическое чудо»²;

б) только свободная рыночная цена делает сопоставимыми и измеримыми результаты труда и выявляет правильность (или ошибочность) предпринимательских решений³. Подстройка производства под потребление возможна только при существова-

¹ Владислав Борисович Сироткин, зав. кафедрой менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, e-mail: jaette@mail.ru

² Послевоенная Германия, в которой «копошилось» 40 млн голодных немцев, к 1950 г. при поддержке США достигла довоенного уровня производства, а к 1962 г. утроила производство (по сравнению с 1950 г.).

³ В смешанной экономике рыночные цены ориентируют производителей при решении вопросов: что производить (в товарах), как производить (в технологиях) и для кого производить (о потребителях).

нии свободной цены. Картельное регулирование цен – это зло, которое выводит из строя экономическую функцию цены и приводит к присвоению большей доли покупательной способности населения; к защите рабочих мест с низкой производительностью, что снижает экономический рост, и необоснованной ренте, угнетающей другие сектора экономики;

в) в рыночной экономике доля зарплаты в цене выше, чем в плановой. В административно-принудительной экономике цены и зарплата регулируются правительством. Большевистский яд восточного типа мышления ведет к неопределенным отношениям собственности и отсутствию четкого разделения ответственности. Любое плановое хозяйство предполагает, что некое сверхмудрое ведомство лучше знает, что народу необходимо, чем сам народ. Такое ведомство устанавливает показатели потребления и сбережения рядового гражданина и полагает это гармонией в обществе. По сути, такой порядок означает полный произвол, устраняющий свободу действий и принуждающий потреблять то, что тебе дает государство. В такой системе возникает пропасть между государством и народом. Не конкуренция, а государство определяет, какие виды деятельности и предприятия нужны;

г) государство отвечает за конкурентоспособность национальной экономики, ее интеграцию в мировую экономику и развитие предпринимательской инициативы. Соревнование – это мотор рыночной экономики, а свободные цены – средство управления такой экономикой. Общество, в котором существуют «особые порядки», гораздо больше разобщено и раздроблено. Там, где отдельные группы хотят особой защиты и безопасности, люди менее свободны – конкуренция подталкивает к выравниванию и сбалансированности. Свободное предпринимательство обладает запасом приспособляемости.

2. Философ и политолог, левый исламский радикал, сторонник социалистической интеграции, один из инициаторов создания левого фронта России (2008 г.) Гейдар Джемаль (1947–2016) утверждал [2], что субъективные игроки на исторической сцене представлены треугольником: традиционалистский клуб, либеральный клуб и радикальный клуб. Между вершинами этого треугольника – молчаливое большинство⁴.

Традиционалистский клуб потерпел крушение после того, как традиционное кастовое общество (общество предмодерна) было разрушено и возникли абсолютные монархии. Традиционализм подчинен идее трансцендентного⁵. В фундаменте традиционалистов после расстрела Романовых в 1918 г. образовалась огромная черная дыра. Однако традиционный клуб не только не был добит, он действует сегодня и воспринимается либералами как главный и наиболее опасный противник.

Либеральный клуб возник при крушении традиционного общества, за несколько столетий до Первой мировой войны. Начались мощные мобилизационные социальные процессы⁶: появляются либеральные профессии (врач, адвокат и др.), которые черпают ресурсы для своего существования не из обмена с природой, а из своего обмена с со-

⁴ Молчаливое большинство – огромная масса людей, не имеющих средств самовыражения и самоидентификации и вынужденных быть, скорее, объектом воздействия, нежели иницирующим субъектом, с которым вынуждены считаться выделенные клубы.

⁵ Идеи трансцендентного включают понятия Бог, Судьба, Карма, Дух и пр.

⁶ Такие процессы испанский философ Ортега-и-Гассет назвал «восстанием масс» [3].

циумом. В абсолютистском государстве дворянство из касты воинов, жрецов и феодалов превращается в сословие, в корпорацию. Либералы живут той энергией, которая выделяется в результате мобилизационных процессов. Либерализм очень широкое понятие: есть левый и правый либерализм. Консерватизм – это часть либерального клуба.

Консерватизм возникает в двух случаях:

- когда в мобилизационной динамике имеет место перегрев, угрожающий широкой корпорации либералов. Реакцией на избыток энергии мобилизационных процессов может выступать консерватизм;

- когда цивилизационная стагнация (процесс идет не по восходящей, а по зигзагообразной нисходящей) не позволяет продвинуть мобилизационные процессы. В этом случае энергия выделяется в результате торможения – консерватизма. Важнейшее отличие консерватизма от традиционализма в том, что консерваторы мыслят категориями имманентного, а не трансцендентного человечества, понятиями имманентных блага и бытия.

Радикальный клуб включает в себя религиозные и духовные направления, воспринимающие существующее бытие как изначальный сбой, который следует скорректировать. Свою сверхзадачу радикалы видят в изменении онтологического фундамента человечества.

Либерализм как паразитическая форма социал-антропологического существования потерпел крушение. Консервативные представители либерального клуба стремятся получить энергию из торможения мобилизационных процессов. Штаб правоконсервативного либерализма находится в США. Для спасения этого сегмента либерального клуба сегодня пытаются свернуть шею традиционному клубу через организацию «войны всех против всех».

Либерализм – это корпорация, исчерпавшая свой потенциал: либеральное общество не способно на мобилизационные проявления, которые дают избыток энергии для ее использования.

3. Российский историк и политолог профессор В. Багдасарян (р. 1971 г.) полагает, что общество можно представить как биосоциальную систему, в которой цивилизации и народы – это живые организмы. Общественные движения выполняют определенную функцию этого организма: обеспечивают базовые принципы жизни, без которых общественный организм существовать не может. Консерватизм выполняет базовую функцию самосохранения. Принцип индивидуальной недетерминированности раскрывается в либеральном направлении политического спектра. Принцип преемственности выражен в феномене традиционализма. Принцип групповой солидаризации реализуется политически через социализм. Принцип качественной изменчивости преломляется через модернизм.

Трансформацию доминирующей идеологии В. Багдасарян объясняет логикой развития капитала в стране. Консерватизм – это не только политическая онтология и даже не только принцип бытия, но и определенный стиль мышления. Какой же тип консерватизма сложился в современной России: фундаментальный, социальный, революционный или либеральный? Багдасарян полагает, что в современном российском обществе сложилась версия «аппаратного консерватизма»: и власть, и народ панически не хотят перемен. Сегодня восстановлена брежневская модель общественной консервации, согласно которой благополучие страны может быть обеспечено без существенных перемен.

В 1990-е гг. произошло «превращение» коммунистов и комсомольцев в либералов. Доктрина либерализма лучше других теорий подходила для приватизации государственной собственности и легализации капиталов, накопленных под партийным прикрытием. Позднее перед новыми собственниками возникла задача обосновать свое право и защитить его от зарубежных претендентов. И тогда либеральная идеология была заменена идеологемами национального консерватизма [4].

4. Британский философ-литератор Джон Николас Грей (р. 1948 г.) утверждает:

а) политическим символом веры Запада по умолчанию выступает «улучшающий» либерализм, исходящий из идеи прогресса. Согласно этому взгляду на мир, зло (склонность к борьбе и разрушению) – это не системная ошибка человеческой природы, а продукт дурных социальных институтов, которые могут быть со временем улучшены. При таком подходе нормативное состояние современности – постепенное движение к либеральным ценностям;

б) либерализм, победив в историческом состязании коммунизм, считает, что он воплощает будущее человечества. Лидеры Запада не готовы осознать, что, уничтожив одно зло, они освобождают место для другого: анархия приходит на место тирании. Западные лидеры в согласии с собственными взглядами неправильно оценивали настоящее и помогли создать в ряде регионов ситуацию неизлечимого конфликта, у которого нет хороших исходов. Насильственное насаждение либеральных режимов там, где либерализма никогда не было, работать не будет. Объяснить, почему в большинстве посткоммунистических стран так и не произошел переход к либеральной демократии, они не могут;

в) западная модель, к которой якобы тяготела остальная часть мира, лишилась своей формы, но Запад оказался не в силах это признать. Либералы не хотят видеть, во что превратился их либерализм. Сегодня Китай и Россия – вызовы всему, что осталось от либерального Запада. Китайская кредитная экспансия спасла Запад во время кризиса 2007–2008 гг. В настоящее время китайская экономика держится на громадном долговом пузыре и, если его проткнуть, весь рыночный капитализм полетит в пропасть. Россия сегодня перешла к определению себя как евразийской державы – центра православной цивилизации, отказавшись усваивать достижения европейского Просвещения, как это делали реформаторы (от Екатерины Великой до Горбачева).

В отношениях с Западом наша страна периодически переходила от обострений к разрядкам. Каждый раз, когда нежизнеспособная экономика разваливалась и заводила правящий режим в тупик, наши лидеры предлагали нормализовать отношения с Западом, чтобы разрядить международную напряженность. Так было при Ленине, Сталине, Хрущеве, Брежневе и Горбачеве. По мере того как отечественная экономика с помощью Запада оживала, амбиции лидеров и конфронтация усиливались.

Либерализм и консерватизм

Отечественный консерватизм активизировался на рубеже XVIII–XIX вв. как ответ на вызов Великой французской революции и попытки инициировать либерально-конституционные преобразования в России [6].

С конца Средневековья национальные государства в Европе в фискальных целях ставят под контроль внутриобщинные обмены. Рынок был изначально институционально монетизирован властью и не являлся спонтанным. Национальное государство и национальный рынок развиваются одновременно, причем государство формирует рынок. Экспансия государства (гомогенизация и унификация) методически уничтожа-

ет все относительно независимые формы социальности, присущие феодализму (семейные кланы, общины, ремесленные цеха, братства и пр.). Буржуазия, вооружившись либеральной идеологией, действует в направлении атомизации общества и эмансипации его членов. Государство и буржуазия разрушают все формы солидарности в обществе, способные ограничить рыночные обмены.

С XVIII в. в Европе государство и гражданское общество уже не образуют единое целое. Буржуазия стремится нанимать государство как гаранта обеспечения безопасных индивидуальных экономических обменов, а гражданское общество – как сферу собственности и обменов. Неэкономические отношения встраиваются в общественные, а общественные отношения встроены в экономические (К. Поланьи).

Общественные практики подчиняются буржуазной рационализации, регулированию и унифицируются. Сопротивление гомогенности умножает конфликты и противоречия. Либеральная доктрина продвигает идею регулирования общества на рыночной основе, выступает против государственной монополии на удовлетворение коллективных потребностей.

С XIX в. антагонизм между общественным актором и рынком усиливается. Чтобы смягчать противоречия, вызванные саморегулирующимися рыночными отношениями, требуется вмешательство государства. В середине XX в., согласно кейнсианской доктрине, государственная поддержка населения и бизнеса (увеличение расходов государства) усилит инфляцию (обесценение сбережений).

К настоящему времени современный западный мир, опираясь на либерализм, отверг холизм и получил возможность выставить на продажу те ценности, которые считались непродолаемыми (Ш. Пеги).

Выдающийся французский философ, жесткий критик неолиберализма Ален де Бенуа (р. 1943 г.) так характеризует современный либерализм [5]:

1. В современном капитализме доминирует посредник в обменах. Финансовая глобализация – это процесс, при котором посредник может вести свою деятельность в любом месте – переводить свои и чужие капиталы, преодолевая границы суверенных государств. Рыночная сеть охватила всю планету и стремится утвердить свое господство над обществом.

2. Современные либералы утверждают:

- общество является продуктом индивидуальных волей, простой совокупностью его членов, стремящихся реализовать свои интересы;
- все противоречия общества преодолеваются рынком – эффективным и справедливым регулятором обменов;
- рынок способен управлять социальными отношениями между людьми без субординации и подчинения;
- не существует общего блага, а у государства – собственных целей, оно существует ради того, чтобы гарантировать индивидуальные права, свободный обмен и уважение к закону;
- интересы общества должны быть подчинены экономическим интересам индивидов, эгоизм наилучший способ служить другим;
- рынок выступает миротворцем, потому что, опираясь на коммерцию, замещает конфликты переговорами.

Известный российский философ, социолог, сторонник и теоретик консерватизма и евразийства Александр Дугин (р. 1962 г.) полагает [6], что универсальной теории консерватизма быть не может. Плюрализм, защита различий консерватизма выступает

самой общей чертой данного мировоззрения перед лицами двух других альтернативных идеологий – коммунистической и либеральной. Либерализм и коммунизм представляют универсалистские идеологии, т. е. стремятся преодолеть все различия и противоречия в мышлении и поведении.

Выдающийся европейский мыслитель Ортега-и-Гассет (1883–1955), исследуя европейское общество, утверждал [3]:

1. Государство рождено цивилизацией, составляет ее славу и выступает главной опасностью для цивилизации.

Созданная Юлиями и Клавдиями Римская империя была великолепной машиной, но как только она достигла блеска (II в. н. э.), государство придавило общественный организм, и он зачах. В России большевизм победил, потому что в России не было буржуазии.

Европейский абсолютизм уважал общество гораздо больше, чем современные демократии. В ходе буржуазных революций вплоть до 1848 г. буржуазия отбирала власть у дворянства и создавала сильное государство, которое покончило с революцией. До конца XVIII в. в Европе государственный режим был намного слабее общества.

В наши дни государство стало чудовищной машиной. Массовый человек считает его своим. Когда возникают проблемы, он требует, чтобы власть немедленно вмешалась и взяла все заботы на себя. Полностью огосударствленная жизнь, экспансия власти, поглощение государственной властью всякой социальной самостоятельности и творческих начал представляет серьезную опасность для цивилизации. Массы говорят: «государство – это Я» и под любым предлогом стремятся раздавить всякое творческое меньшинство. Народ становится пищей для государственной машины им же созданной.

Государство как общественную форму человек не получает готовым, без усилий. Государство – это не орда, не племя, а преодоление природной общности. При строительстве государства народное сознание способно отвергнуть привычную форму общности и вообразить новую. Государство возникает как плод воображения у народов, способных фантазировать. У всех народов наступал предел их государственного развития – предел, поставленный природой их воображения.

Европеец – человек, который мысленно переносится в будущее и оттуда определяет свою позицию в настоящем. Политическая направленность неумолимо ведет ко все более широкому объединению. Пока на одном клочке земли дерутся, на ста других торгуют и обмениваются идеями с неприятелем.

В средневековой Европе общественная жизнь была частной. Средневековый феодал обходился без государства. Свои права он получал при рождении или приобретал силой. Право и способность его отстоять были едины, так как права приходилось публично добывать. Государство, будучи вторичным, возникло в результате переплетения личных связей. Вольных германцев больше всего возмущали попытки ввести для них правосудие по римскому образцу: подчинение власти, ее вторжению в частную жизнь. Для германцев закон был вторичен и возникал только после того, как утверждалась личная свобода. Либерализм – это плод, возвращенный из мировоззрения германцев, для которых личное право преобладало над общественным.

2. Однородность приобретает тревожные масштабы. В прошлом однородность не противилась многообразию. Массовый человек – это человеческий тип, «изготовленный» на скорую руку из немногих и немудреных абстракций. Такой человек – главная угроза для разноцветия культур. Массовый человек точно знает, что у него есть права, и не подозревает, что существуют и обязанности. Массовый человек есть про-

дукт персоналистского либерализма, воплощенного в законодательстве Французской революции. В этот период расцвела демагогия – форма интеллектуального вырождения, призыв к толпе с выгодными для манипулятора воззваниями. Всеобщая политизация, поглощение политикой «вся и все» – это не что иное, как восстание масс. Средний человек стал господином: он живет для себя и в свое удовольствие, он не терпит подчинения, поглощен своим досугом, у него нет собственного мировоззрения. Масса утратила интерес к религии и знанию; политика вытеснила мудрость и расчеловечила людей. Власть в обществе захватил человек нового типа – равнодушный к основам культуры.

Человек обречен на сосуществование с другими и не может остаться наедине с собой. Либерализм – это вера в то, что у каждого своя судьба. Противоположная вера – обобществление человека: общее (мнение, вкусы и пр.) должно стать твоим. Сегодня многие тоскуют по стаду: им хочется двигаться за грибок к грибку в одном направлении.

3. Сегодня терпят крах не устои общества, а сам человек, которому угрожает вырождение. Все, что творится сейчас, – только отсрочка, подделка под жизнь.

Сегодняшняя жизнь – плод междуцарствия, пустота между двумя формациями исторической власти – той, что была, и той, что назревает. Неизвестно, какой источник гравитации рассортирует и упорядочит человеческую взвесь. Национализм – не более чем способ уклониться от великих замыслов и творческого долга. Массовый человек лишен морали, поскольку ее суть есть подчинение чему-то. Буржуа сегодня не так боязлив и склонен к насилию куда больше, чем рабочие.

Ортега-и-Гассет утверждал, что торжеству хамства мы обязаны демократии [3]. Благородная идея обернулась в общественном сознании утверждением низкого. Чрезмерная демократия – это опасные болезни народовластия в религии, искусстве, мышлении и поведении. Культура – это попытка решения проблем жизни. Культуры различаются, потому что разные народы по-разному осознают жизненные проблемы. Народу, как правило, «чужое» не идет на пользу.

4. Демократия и либерализм – два ответа на два совершенно разных государственно-правовых вопроса.

Демократия отвечает на вопрос: «Кто должен осуществлять политическую власть?». Ответ: «Гражданское общество». Демократия предлагает каждому право вмешиваться в общественные дела.

Либерализм отвечает на вопрос: «Каковы должны быть границы политической власти кому бы она ни принадлежала?». Ответ: «Она не должна быть неограниченной. Любое вмешательство государства предупреждается правами, которыми наделена личность». Так проясняется различная природа этих двух начал: можно быть большим либералом, но отнюдь не демократом и наоборот.

В либерализме личность обретает привилегию – освобождается от посягательств на нее любой власти. Права человека – это вольности. Института привилегии вольности первыми добились для себя франки, готы и бургундцы. Германцы были в большей степени либералами, чем демократами; средиземноморцы больше демократами, чем либералами. Английская революция – это торжество либерализма, французская – демократизма. Права человека перекочевали во Францию из Учредительного собрания США.

Политической власти всегда и всюду свойственно не признавать никаких ограничений. Безразлично – в одних руках власть или в руках миллионов. Цивилизация –

это дочь варварства и внука дикарства – ступень духовности и развития по аналогии с детством и юностью.

Концепты русской системы управления поведением

Русские концепты управления поведением существенно отличаются от индивидуалистических представлений общественных наук, доминирующих на Западе. Доктор политических наук, академик РАН Ю. С. Пивоваров предпринял попытку создать концепцию русской системы, которая включает следующие основные положения [7]:

а) в русско-славянском смысле не может быть «правового государства» (тип власти, существующий на Западе с XVII в. по настоящее время), поскольку государство здесь не предполагает правового компонента. Главная концепция послевоенной политической науки неприменима к описанию России, которая не является западным обществом;

б) власть в русской системе является системообразующей субстанцией⁷. Власть – это моносубъект и двигатель российской истории. Русская власть – это насилие, процесс насилия и подавление индивида. В этом смысле русская власть в корне отличается от власти на Западе, где она носит конвенциональный и договорной характер.

Насилие – черта русской власти, унаследованная в результате общения с Золотой Ордой.

Существуют два способа управления захваченной территорией: а) осесть и смешаться; б) управлять дистанционно. Орда не пошла на Север Руси и приобрела внеположенный обществу дистанционный характер.

На Западе власть есть продукт и следствие гражданского общества, сформированного в XVIII–XIX вв. В России власть есть предпосылка общества, как Орда была причиной того, что развивалось в северных княжествах в XIV–XV вв. Властная плазма в России – это некий «бульон» из чиновников и должностных лиц, в котором варится конфликтная ситуация⁸;

в) Москва заключила союз с Ордой и тем самым воплотила основную стратегию Александра Невского: противостоять Западу с опорой на Орду. Русская власть извне была ограничена Ордой, а изнутри – наличием единства князя и боярства. Внутреннее ограничение власти было обусловлено внешней необходимостью сплочения перед лицом Орды. Как только Орда пала, созданный мутант стал для Руси новой «ордой».

Система власти не объемлет всей России. Россия гораздо шире и в ней присутствует многое другое. Сломы и переделы русской власти происходят либо при чрезмерной концентрации власти-собственности, либо при ее чрезмерной распыленности.

Известный политтехнолог Г. Павловский выделил следующие свойства российской действительности [8]. Российское общество – внеправовое (как и его институты): гражданин должен платить и договариваться с теми, кто обязан выполнять его распоряжения. Никто, даже президент, не обладает правами, прописанными в законе. Он должен платить и договариваться с теми, кто выполняет его указания (платить за лояльность).

⁷ Субстанция в классическом смысле – это то, что существует само в себе и не нуждается в представлении другой вещью, из которой она должна образовываться.

⁸ На Западе «социальная плазма» смягчает конфликты через правовые нормы и держится на среднем классе, обладателе собственности.

Система, где все в ней заинтересованы и все ей нелояльны, при возникновении угрозы немобилизуема. Мобилизация мгновенно приведет к коллапсу власти. Такая система долго существовать не может. Общественные сети отвернутся от государства, так как победившие уже за себя заплатили.

Согласно римскому мыслителю Варрону: «Раб – это человек, не имеющий права продавать». Экономика основана на обмене правами собственности. Граждане и социальные группы России правами собственности не обладают, а значит, не могут участвовать в обменах. Вне правового поля экономика обмена отсутствует. Государство представляет собой распределительную систему с административным торгом между субъектами с различным статусом и ролями. Центр покупает лояльность губернаторов через налоговые отчисления и разрешения на семейный контроль над вверенными территориями. Аналогично приобретается лояльность крупного бизнеса, силовых структур и других элит. Центр не может ничего навязать, у него нет таких сил. Он вынужден торговать, что-то продавая (нефть и газ, участие в доходах; связи, влияющие на власть) и приобретая в обмен на знаки покорности.

Устойчивые и распространенные неформальные гражданские институты для решения проблем – домашние и ресторанные застолья, баня, охота, рыбалка, клубы, путешествия. У власти, в принципе, нет партнера и достойного собеседника.

Российский социолог С. Кордонский (р. 1944 г.) отрицает капиталистический характер современной России и в своей концепции ресурсно-сословного государства полагает, что сословная социальная структура⁹ создается властью и необходима в нашей стране, чтобы обеспечить справедливое распределение ресурсов. Сословная система (сословные собрания, этика и суд) в России еще не сложилась. Всякое уменьшение количества ресурсов порождает дефицит, конфликты, стремление к переделу и межсословные войны.

Основные идеи С. Кордонского сводятся к следующему [9–11]:

а) после слома советской системы начал действовать дикий рынок. Организованные протестные движения обделенных при дележе ресурсов групп заставили власти в начале 2000-х гг. создавать новые сословия, чтобы восстановить принципы распределительной справедливости, разрушенные рынком. Сословная сущность современной России выстраивается законами о системе госслужбы: формирует категории людей с установленным статусом. Структурирование по сословиям необходимо, чтобы изъять ресурсы с рынка и распределять их по группам населения. В стране нет отдельно экономики и отдельно государства, они слиты в сословное устройство и административный рынок. Доходы зависят от того, к какому сословию человек приписан и какой статус имеет внутри сословия;

б) на административном рынке происходит конверсия статуса в деньги. Власть обменивается на деньги, а деньги – на статус. Место во власти можно купить, а через статус – получить доступ к ресурсу. Поскольку формальный закон не включает понятия сословной иерархии, она возникает в форме сословной ренты, которая устанавливает, какие сословия каким и сколько платят;

⁹ Сословия – это группы (военные, полиция и др.), создаваемые государством для решения определенных задач. Механизм согласования интересов таких групп – собор лидеров групп во главе с верховным арбитром, например съезд КПСС.

в) то, что в классовом обществе называют коррупцией, у нас выступает как сословная рента – связка, интегрирующая на основе взаимного обмена рентой иерархию сословий в целостное социальное устройство. Формы сбора сословной ренты многообразны: лицензирование, аккредитации, разрешения, согласования и откаты в пользу тех, кто распределяет ресурсы. Норма отката регулируется репрессиями против тех, кто берет не по чину. Борьба с коррупцией есть борьба со статусной рентой и социальной структурой – основой общественного устройства. Сегодня нет единого центра насилия, поэтому норма отката растет, а экономика стагнирует;

г) в стране существует система вложенных друг в друга «поместий»: президент назначает губернаторов, губернатор – глав муниципальных образований и т. д. Каждый вассал выступает помещиком по отношению к нижестоящему вассалу. Поток распределяемых из центра власти ресурсов интегрирует социальное пространство. Советский Союз развалился, когда поток ресурсов уменьшился и возник дефицит товаров. Закрытость системы сохраняется в эпоху глобализации и только пограничный слой менеджеров имеет деловые связи с другими странами;

д) дефицит власти – это ситуация, когда непонятно, к кому обратиться, чтобы решить проблему. Имитация власти – это, когда все места во власти заняты, откаты берут, а проблемы не решают. Одна из причин дефицита власти – отсутствие межсословных социальных лифтов. Одни и те же лица долго находятся во власти, обросли своими бизнесами и научились не нести ответственность за государственные дела. Из-за дефицита власти государство теряет управляемость, а устранить дефицит власти можно только насилием по отношению к обеспеченной правящей элите;

е) вместе с сословиями была восстановлена ресурсная экономика, но уже не советского типа. В ресурсной системе верховным арбитром при распределении выступает первое лицо (император, генеральный секретарь, президент). Такое лицо рассматривает жалобы, наказывает тех, кто берет не по чину, и выступает гарантом распределительной социальной справедливости. Ресурсная экономика использует дефицит для интеграции различных групп влияния в обществе. Власть консолидирована в институтах, предназначенных для сбора и перераспределения ресурсов в соответствии с принципами социальной справедливости, а не в институтах рынка, которые реализуют принцип равенства перед законом. Деятельность всех активных агентов современной ресурсной экономики направлена на то, чтобы обосновать потребность в ресурсах, получить их, освоить, перевести в наличность и вывезти за границу. В момент пересечения границы эти ресурсы становятся товарами и деньгами, затем их ввозят обратно в страну в виде инвестиций.

Профессор НИУ ВШЭ Л. Полищук на основе концепции порядков ограниченного доступа к политической и экономической деятельности¹⁰ указывает на следующие явления отечественной реальности [12]:

1. Институты в России формировались главным образом политическими и экономическими элитами. Члены общества с начала 1990-х гг. не были активными участниками институциональной трансформации.

¹⁰ Порядки ограниченного доступа к организациям и институтам – это режимы управления в естественных государствах, в которых для управления насилием используются привилегии, позволяющие захватывать и удерживать ренты (сверхдоходы).

2. Предпочтения элит не совпадали с предпочтениями и потребностями общества, в результате чего наблюдаются:

- дефицит «общественных благ» – институтов, обслуживающих все общество;
- чрезмерная концентрация экономических активов в руках немногочисленной группы олигархов;
- безусловный приоритет консолидированной бюрократии.

3. Сохранение существенного конфликта интересов из-за утраты обществом контроля за базовыми правилами игры в политике и экономике.

4. Реализации теоремы Коуза (смягчение конфликта интересов, когда проигравшие могут получить компенсацию за счет перераспределения в их пользу части совокупного выигрыша) препятствует недоверие между различными группами общества. «Элиты» заинтересованы в «порядке ограниченного доступа», когда доминирующая коалиция формирует институты в соответствии со своими интересами. Общество в целом заинтересовано в «открытом доступе» к институтам – общественным благам (верховенство закона, защита прав собственности, договоров и др.). Вместе с тем режимы ограниченного доступа поддерживают стабильность и ограничивают насилие в обществе.

5. Экономическую основу благ элит составляют ренты – изъятия благ в свою пользу. Элиты защищают институты изъятия ренты и воспроизводят их во времени. Доступ элит к административному ресурсу позволяет существовать без института прав собственности. В результате захвата институтов «группами интересов» страна попадает в ловушку: неспособность к развитию даже в условиях ресурсного богатства и других предпосылок к росту.

6. Историческая традиция «догоняющей модернизации сверху», когда государственная власть снова и снова выступает инициатором и главным субъектом преобразований, а население (объект реформ) несет бремя изменений, лежит в основе траектории развития естественных государств. Спрос масс на демократию¹¹ в таких странах неустойчив: общество быстро разочаровывается в ценностях гражданских прав и свобод, если не получает ожидаемых благ.

7. Следствиями захвата и защиты элитами неэффективных институтов являются:

- крупные безвозвратные потери для экономики и общества в целом;
- низкая эффективность сложившейся системы прав собственности;
- высокое экономическое и политическое неравенство.

Большая часть населения не участвует во внутриэлитных договоренностях и не доверяет частному сектору. Снижается способность к совместным действиям ради достижения общих целей, активизируется массовый спрос на ужесточение государственного контроля над обществом и доминирование исполнительной власти. Исчезает подконтрольность обществу поведения элит, контроль за институтами переходит к правящей бюрократии. Сомнительно, чтобы элиты ввели порядок открытого доступа при отсутствии общественного давления и ориентированного сопротивления порядку ограниченного доступа.

8. В авторитарных государствах общественные блага выступают средством создания и извлечения ренты. Рента служит самоцелью, а ее величина определяется сопоставлением выгод правящей элиты и издержек от снижения размера общественных

¹¹ Демократия в порядках ограниченного доступа выступает для большинства средством повышения уровня жизни, а не как самостоятельная ценность.

благ. Присутствие в экономике политической элиты позволяет ей получать более высокую отдачу на собственные активы (за счет манипулирования ценами и др.).

9. «Ресурсное проклятие/ресурсное изобилие» (искажение структуры экономики) ослабляет привлекательность для элит производительной деятельности, увеличения человеческого капитала, создания универсальных и общедоступных институтов и общественных благ. Гражданин-налогоплательщик – ключевой субъект для демократии – отодвигается на второй план, потому что в бюджете преобладают нефтегазовые доходы. Связь между политическим представительством граждан и налогообложением ослабляется, и подотчетность власти перед обществом исчезает. Общество, утратив способность к коллективному действию, перестает контролировать выбор институтов, уступив его элитам. Ценности самовыражения и автономии замещаются в обществе ценностями выживания. Дефицит общественных благ (образование, здравоохранение, охрана общественного порядка и др.) усиливается и поддерживается властью на уровне общественно допустимого.

Заключение

1. Возможности устойчивого экономического роста в стране определяются политическим содержанием режима управления. Современный режим управления поведением можно назвать гибридным, так как он стремится реализовать особый вид капитализма социалистическим проектным методом.

В традициях западного капитализма, возникшего в результате модернизации, – отрицание возможности любого общественного проекта. Капитализм признает наличие только индивидуальных проектов, а идею единого проекта считает ложной, репрессивной и тоталитарной. В России формирование капитализма – это государственный проект [13].

Западный капитализм исходит из предпосылки о самостоятельности индивида, который находит опору в себе самом и верит¹² только в пользу для себя. В результате прагматичного поведения возникает что-то полезное не только для себя, но и для других. Современное капиталистическое общество не верит даже в рациональность, а верит в здравый смысл – выгоду, успех, деньги. Проигравшим в конкуренции помощь должны оказывать государство и религия.

В России строительство капитализма опирается на доктрины рационализма и монизма – единства целостности. Реализовать установки западного капитализма в русской православной цивилизации невозможно. Такие установки разрушают русскую цивилизацию, поэтому все ее компоненты сопротивляются попыткам модернизации. Русское общество противопоставляет западному индивидуализму холизм – философию целого, обосновывая ее соответствующей системой рациональных ценностей. Экономическая логика западного капитализма направлена на оживление и отказывается от жертв в пользу целого. Если конкуренция обостряется, то экономическая логика русского капитализма может быть подчинена логике военного характера.

2. Экономическая наука в России появилась гораздо позднее, чем в Западной Европе; всегда напрямую зависела (и зависит) от воли чиновника, регулировалась и цензурировалась.

¹² Вера – способность действовать, когда результат действия не гарантирован.

Говорить о каких-то системах в русской экономике сложно, поскольку политическая конъюнктура часто менялась и устойчивый научный дискурс закрепить не удалось. Критический дискурс, позволяющий развивать мировоззрение, не дозволялся. Экономисты-публицисты, экономисты-общественники безуспешно пытались вести дискуссию с экономистами-чиновниками. Сфера практического хозяйствования отображается экономической наукой неадекватно. Экономическую реальность мы сегодня отображаем по картам/текстам, заимствованным у США и Западной Европы, плохо представляя себе, где находимся и куда следует двигаться.

Согласно типологии Г. Джемала, в современной России к традиционалистам относятся люди:

- укрепляющие социальные, политические и экономические функции государства;
- поддерживающие идею особого русского пути, противостоящего Западу;
- демонстрирующие верность Империи, полагая главным критерием ценности систему институтов и отбора элит.

К либералам можно отнести тех, кто:

- пренебрегает нормами законов, уклоняется от налогов (самозанятые);
- допускает компромиссы и сотрудничество с Западом;
- полагает, что деньги представляют доминирующую ценность, а посредничество в обменах – уважаемый в обществе вид деятельности;
- считает идею прогресса двигателем развития.

В человеческом бытии всегда присутствует двойственность: традиция и прогресс, прошлое и обновление. Умение объединять традиционные ценности своего народа с лучшим из внешнего окружения, найти связь между ними во все времена почиталось мудростью. Способность объединить в настоящем прошлое и будущее позволяет людям мобилизовать энергию и приумножить блага.

3. Пути модернизации экономики определяют возможные и состоявшиеся линии развития русского общества. Давление мирового капиталистического хозяйства ассоциируется с принуждением жить под контролем Запада, вызывает сопротивление адептов религиозного и культурного консерватизма. Потребность в переустройстве и отладке социальной системы требует компромисса между высшим сословием и новыми социальными группами.

Парадигма экономического мышления задана ценностными ориентациями, доминирующими в социально активных слоях общества. В русском обществе материальные функции и ценности (труд, производство, обмен, торговля) подчинялись религиозным и военным традициям.

Существуют три тенденции относительно модернизации страны: стабилизация, реформирование (преобразование) и радикализация (трансформация).

Консервация текущего состояния общества бесперспективна. Состояние покоя – это опасная иллюзия. Возможны только два варианта – или деградировать, или развиваться. Когда ресурсы правящего режима закончатся, наступит конец эпохи аппаратного консерватизма.

4. Активизировать экономический рост способны только предприниматели. Гибридный режим управления предлагает региональным и федеральным чиновникам разработать и реализовать дорожную карту прорыва [14]. Надежда на то, что российские бюрократы возглавят рынки и модернизацию административными методами, содержит глубокие противоречия и маловероятна. Трудно обосновать экономическое пове-

дение правительства, если благосостояние граждан падает, а накопления фонда национальной безопасности растут и расходуются вне России.

Либеральные изменения и пересмотр консервативных принципов произойдут только после того, как политики и чиновники заведут экономику в очередной тупик. Ухудшение материального положения и протест большинства населения потребуют от элиты пересмотра политического курса и экономического поведения, как это было в 1985 г. в СССР. Маятник принятия и отказа от частной собственности продолжит свое колебание. Русское общество легко соблазнить – оно с энтузиазмом принимает чужие иллюзии¹³ и ждет улучшения жизни.

5. Экономический порядок в стране следует рассматривать как производную от доминирующей идеологии/мировоззрения/общественно-политической мысли. Традиционализм и либерализм содержат очень разные идеологические/политические основания и механизмы реализации в обществе. «Либеральный традиционализм» может выступать компромиссом между «сторонниками свободы» и «приверженцами принуждения».

Когда экономисты-теоретики обвиняют Центральный банк в том, что его политика тормозит экономический рост, они не учитывают, что этот государственный орган осуществляет сегодня консервативную политическую функцию. Увеличение налоговых и неналоговых платежей Министерством финансов, активизация преследований за экономические преступления также указывают на переход к традиционализму в государстве.

Экономика и политика – взаимозависимые феномены. Рассмотрим пример. В России Росстат подчинен правительству. На первый взгляд такое организационное решение не связано с политикой. Если государственная статистика демонстрирует цифры (темпы роста инфляции, бедности, зарплаты), которым население не доверяет, данное административное решение приобретает политические последствия. Независимо от степени достоверности публикуемых данных большинство способно быстро переключать свое умонастроение (от «неверно» в состояние «нас обманывают») и переходить к радикальным формам взаимоотношений с властью. Когда величина темпов экономического роста находится в зоне погрешности, возникающей при расчете экономических показателей (1...1,5 %), политические проблемы разделения ветвей власти и самоуправления обостряются.

6. Рассмотренные концепции управления русским обществом не включают широко используемый на Западе принцип методологического индивидуализма, согласно которому единственным субъектом действий, обладателем целей и интересов выступает индивид. Перечисленные модели управления можно отнести к коллективистским конструктам, в которых доминируют интересы и цели системы власти.

В представленных моделях управления обществом сопоставление затрат и результатов индивидуальных субъектов хозяйствования не отражает реальной экономической ситуации, в которой доминируют перераспределительные процессы. Эти процессы осуществляются не механизмами рыночной координации, а в рамках иерархии/системы, ориентированной на ренту. Экономические принципы вознаграждения за достигнутые результаты и эффективное использование ресурсов в такой системе подав-

¹³ Иллюзия – искаженное восприятие действительности, нечто кажущееся, несбыточная надежда, мечта.

лены действием принципа бюджетного распределения затрат и результатов. (Я. Корнаи называет это мягкими бюджетными ограничениями.) В русской модели управления обществом взаимосвязанность и взаимозависимость экономики и политики осуществляются с помощью таких институтов, как «власть – собственность», «общество – государство» и рента (природная и административная).

Сильная зависимость бытия от предшествующего развития и традиций означает, что в сложившейся институциональной среде не могут развиваться инновации – новые правила поведения. Новая или заимствованная идея будет отвергнута в обществе, если она не соответствует действующим правилам. Застывшая общая система верований/убеждений ограничивает разнообразие способов решения социальных проблем.

Можно предположить, что русский режим управления обществом сформировался как ответ России на вызовы расширяющейся западной цивилизации (внешние политэкономические факторы). Неспособные противостоять экспансии цивилизации Нового света были уничтожены пришельцами из Европы.

В основу русской модели управления можно положить отношения между элитой и населением страны (внутренние политэкономические факторы). Точно так же можно допустить, что гибридный режим управления обществом является следствием иных факторов (климатических, территориальных, демографических и др.).

Независимо от предполагаемых причин факты свидетельствуют, что рассмотренным русским моделям управления обществом сопутствуют экстенсивная экономика и коррупция.

Список литературы

1. Эрхард, Л. Полвека размышлений. Речи и статьи / Л. Эрхард. – М.: Руссико Ордынка, 1993.
2. Джемаль, Г. Консерватизм как часть либерального клуба / Г. Джемаль // Русское время. Журнал консервативной мысли. – 2009. – №1 август. – С. 30–31.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Камень и небо / Х. Ортега-и-Гассет; пер. с исп. – М.: Грант, 2000.
4. Багдасарян, В. Необходимость синергичного консерватизма / В. Багдасарян // Русское время: журнал консервативной мысли. – 2009. – №1 август. – С. 36–37.
5. де Бенуа, А. Против либерализма / А. де Бенуа // Русское время: журнал консервативной мысли. – 2009. – №1 август. – С. 68–77.
6. Дугин, А. Четыре консерватизма / А. Дугин // Русское время: журнал консервативной мысли. – 2009. – №1 август. – С. 10–18.
7. Пивоваров, Ю. С. Система русской власти («круглый стол»): Ч. 1 / Ю. С. Пивоваров // Политическая концептология. – 2010. – №2.
8. Павловский, Г. Гениальная власть: словарь абстракций Кремля / Г. Павловский. – М.: Европа, 2012.
9. Кордонский, С. Ресурсное государство / С. Кордонский. – М.: RECNUM, 2007.
10. Кордонский, С. Россия. Поместная федерация / С. Кордонский. – М.: Европа, 2010.
11. Кордонский, С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России / С. Кордонский. – М.: ОГИ, 2006.
12. Полищук, Л. Аутсорсинг институтов / Л. Полищук // Вопросы экономики. – 2013. – №9. – С. 40–65.
13. Сысоев, Т. Время глобальных исторических проектов закончилось / Т. Сысоев // Эксперт. – 2019. – №15 (1115). – С. 54–60.

14. Кузнецов, Д. Почему число проверок снова растет / Д. Кузнецов, Р. Кугаков, Д. Скучаревский // Ведомости. – 24.10.2019. – С. 7.

V. B. Sirotkin. Economic opportunities in control modes: interdependence of the economy and politics. V. B. Sirotkin discusses the impact of socioeconomic movements on economic behavior and shows that in hybrid societies (archaeomodern societies) the economy is always subjugated to objectives established by the political tradition. That is why economists' attempts at independent substantiation and establishment of priorities and economic instruments in such countries are deemed quixotic. Categories of economic behavior ensue from categories of political thought, not vice versa. Economic changes require support from social movements. The economic community shuts off experts in political sciences, sociology and psychology, which exudes a negative effect on economic growth rates.

Keywords: society, conservatism, liberalism, radicalism, economy, control.

Д. М. Журавлев¹

ОЦЕНКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ К ВОСПРИЯТИЮ ИННОВАЦИЙ

Предложена модель (цифровой двойник) процесса «технологическая готовность» региональной экономической системы. Дано содержательное описание и осуществлена фиксация процесса; скомпонована пара «фактор – индикатор», характеризующая базовые аспекты его функционирования; приведено доказательство правильности формализации выбранных показателей количественной и качественной оценки при помощи разработанного прикладного программного обеспечения. Использование на практике разработанных методологических подходов по моделированию позволит целенаправленно и обоснованно решать задачи стратегирования опережающего развития региона.

Ключевые слова: анализ данных, технологическая готовность, потенциал развития, региональная экономическая система, стратегирование, цифровой двойник, экономико-математическая модель.

УДК 338.27

Введение

Объективная реальность требует опережающего развития национальной экономики в направлении системной модернизации производительных сил и производственных отношений. «Динамизм новых технологий усиливает непредсказуемость многих процессов современного мира. Отсюда возникает необходимость уточнения роли долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования. <...> при анализе экономической динамики важно учитывать не только количественные, но и качественные сдвиги, то есть внимательнее относиться к качеству экономического роста. Проблема, в принципе, не новая – на всех этапах развития технологий и создания новых товаров оценка роста количества производимых товаров и динамика индексов цен не учитывали качественные изменения в структуре производства. Однако в последние десятилетия в силу быстрого перехода множества экономических трансакций в цифровую среду (цифровизация), лавинообразного появления новых товаров, замещающих товары «традиционной» экономики, эта проблема особенно обострилась» [7]. Решение проблемы подразумевает необходимость совершенствования методологических принципов оценки перспектив и угроз экономического роста. В настоящее время именно в этом направлении происходит формирование правовых, экономических и организационных основ обоснования, разработки, мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования [8, 9, 12]. Тем не менее, используемые технологии регионально-го стратегирования недостаточно учитывают возможности таких методов планирова-

¹ *Денис Максимович Журавлев*, ведущий специалист Управления информации и медиакоммуникаций МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. экон. наук, e-mail: molnet2025@gmail.com

ния, как предиктивная аналитика, анализ больших данных, создание цифровых двойников и пр. Современный подход к региональному стратегированию должен быть основан на традициях долгосрочного территориального планирования, подкрепленных информационными технологиями, позволяющими в сжатые сроки обрабатывать большие объемы данных и формировать заданное множество сценариев развития будущих периодов. Декларируемый подход может быть успешно реализован при внедрении информационной системы поддержки принятия решений по стратегированию, в основу которой заложена модель (цифровой двойник), адекватно воспроизводящая функционирование региональной экономической системы, в том числе в разрезе основных процессов.

Методология

Ведущие отечественные ученые-экономисты [2, 3, 4, 10] полагают, что текущее и планируемое состояния объекта регионального стратегирования во многом определяются стадией экономического развития, носят многоплановый характер и зависят от ряда факторов, подлежащих выявлению и формализации. Это означает, что при решении задач стратегирования должны быть установлены измеримые цели, произведена фиксация системообразующих экономических процессов и осуществлена взаимосвязь между управляемыми факторами² и индикаторами³.

Каждый субъект Российской Федерации находится на определенной стадии экономического развития [5, 11], поэтому ему приходится самостоятельно (с учетом имеющихся предпосылок) разрабатывать и реализовывать стратегию опережающего развития. Основой разработки стратегии являются оценка и формулирование рационального применения своего потенциала. Для четкого целеполагания и оценки текущей ситуации необходима комплексная оценка составляющих потенциала развития:

1. *Коммерческий потенциал* – уровень деловой активности, наличие надежных экономических связей с партнерами, доля региона на отечественном и зарубежном рынках конкурентоспособной продукции.

2. *Организационный потенциал* – стабильность структуры управления социально-экономической системой региона, четкое распределение и понимание ролей исполнителей в реализации стратегии развития, налаженная система сбора и обработки оперативной отчетности, наличие эффективной обратной связи.

3. *Производственно-технический потенциал* – наличие на территории производственно-промышленных кластеров, так называемых точек роста, занимающих лидирующие позиции в своих секторах экономической деятельности. Наличие технологических заделов, при которых привнесение новых технологий не ведет к системной перестройке отлаженных производственных процессов, но улучшает существующие, сокращая издержки и повышая добавленную стоимость.

² Фактор – управляемый параметр, характеризующий использование ограниченных материальных, информационных, энергетических, трудовых и других ресурсов. Управляемое изменение численного значения фактора приводит к достижению стратегических целей социально-экономического развития региона, что отслеживается с помощью системы индикаторов.

³ Индикатор – результирующий показатель, отображающий изменения экономического процесса вследствие изменения связанного управляемого параметра (фактора).

4. *Инновационный потенциал* – способность хозяйствующих субъектов к внедрению новых технологий и способов организации производства, к расширению номенклатуры выпускаемой продукции, товаров и услуг.

5. *Кадровый потенциал* – наличие в регионе системы обучения и подготовки квалифицированной рабочей силы; научных школ различных направлений, научно-исследовательских институтов, проектно-конструкторских бюро, способных не только обучить персонал, но и развернуть в заданные сроки опытное производство с минимальными издержками.

6. *Социальная устойчивость* – наличие в регионе инфраструктуры, обеспечивающей удовлетворение материальных и духовных потребностей работников и создающей дополнительную мотивацию для привлечения рабочей силы из других регионов.

7. *Финансовый потенциал* – состояние хозяйствующих субъектов должно обеспечивать реализацию долгосрочных инвестиционных проектов, а региональный бюджет должен гарантировать привлечение внешних источников финансирования, выдачу преференций, предоставление налоговых льгот.

8. *Инфраструктурный потенциал* – наличие развитой инфраструктуры, прежде всего инфотелекоммуникационной, приобретающей в условиях цифровизации экономики первостепенное значение.

Интегрирующим элементом составляющих регионального потенциала являются инфотелекоммуникационные технологии (ИКТ), образующие единое информационное пространство – залог свободного и недискриминационного распространения знаний и информации. Хозяйствующие субъекты получают возможность доступа к технологиям, проектам и дополнительным источникам финансирования. На основе новой информации возможно оперативное внедрение инноваций во всех сферах деятельности, в управлении производством, организации сбыта продукции, обучении персонала, логистике и пр. [1, 6].

Таким образом, в качестве ключевого управляемого показателя (главного фактора), оказывающего влияние на возможность максимально эффективного использования имеющегося потенциала, целесообразно использовать объем региональных инвестиций в ИКТ, рассматриваемых как часть общих инвестиций в основной капитал. Предполагается, что инвестиции в ИКТ являются показателем, управляемым на уровне региона как через прямое инвестирование в рамках бюджетных расходов на национальную экономику, так и косвенно, через механизмы региональных тарифных и налоговых льгот. Предлагаемый фактор (здесь и далее – *ИКТ_ИОК*) формализуется как выраженное в процентах отношение полных (т. е. по всем видам затрат, относимых в методиках Федеральной службы государственной статистики [13] к обеспечению и развитию ИКТ) годовых затрат на ИКТ к годовому объему общих инвестиций в основной капитал.

Поскольку уровень внедрения ИКТ в народное хозяйство рассматривается в контексте соответствующей доли в общих инвестициях в основной капитал, в качестве индикатора логично рассматривать показатель валового регионального продукта (ВРП), отнесенного к годовому объему общих инвестиций в основной капитал. То есть, соответствующий индекс (здесь и далее – *ВРП_ИОК*) формализуется как отношение произведенного ВРП к объему общих (годовых) инвестиций в основной капитал (*ИОК*) и, по сути, характеризует совокупный производственный эффект от этих инвестиций. В свою очередь, анализ изменений этого индикатора позволяет выделить эффект от целевого инвестирования, задаваемого главным фактором – *ИКТ_ИОК*.

Зависимость рассматриваемого индикатора от выбранного главного фактора должна наиболее значимо проявляться в регионах, находящихся на этапе целенаправленного перехода от технологической модели развития к инновационной.

Таким образом, для оценки состояния технологической готовности региональной экономической системы субъекта Российской Федерации к восприятию инноваций⁴ предлагается использование пары «фактор – индикатор».

Фактор (X) – доля затрат на ИКТ в общих инвестициях в основной капитал ($ИКТ_ИОК$), %.

$$ИКТ_ИОК = \frac{ГЗ_ИКТ}{ИОК} \times 100,$$

где $ГЗ_ИКТ$ – объем годовых инвестиций в развитие ИКТ, млн р.; $ИОК$ – годовой объем инвестиций в основной капитал, млн р.; 100 – переводной коэффициент относительных единиц в проценты для числовой сопоставимости фактора и индикатора.

Индикатор (Y) – отношение произведенного ВРП (млн р.) к годовому объему инвестиций в основной капитал $ИОК$ (млн р.), отн. ед.

$$ВРП_ИОК = ВРП/ИОК.$$

Математическая модель

В качестве математического метода исследования оценки предлагается парная линейная аппроксимация зависимости индикаторов от управляемых факторов с аддитивным учетом случайной компоненты:

$$Y = b_0 + bX + e = a + bX, \quad (1)$$

где Y – скалярный индекс-индикатор, результирующий признак категории, характеризующий состояние исследуемого экономического процесса; X – скалярный индекс-фактор, объясняющий (управляемый) параметр, изменение которого приводит к управляемому изменению экономического процесса; a – скалярный свободный член парной линейной аппроксимации, аддитивно включающий в себя среднее значение индикатора при отсутствии влияния (изменения) фактора (b_0), а также случайную аддитивную компоненту оценки Y , (e), обусловленную иными неоцениваемыми (мешающими) факторами и ошибками измерений, включая потенциальные систематические эффекты и погрешности; b – коэффициент парной линейной регрессии, определяющий *среднее* изменение индикатора при изменении фактора на одну установленную единицу измерения.

В соответствии со стандартным подходом регрессионного анализа к определению параметров парной линейной зависимости Y от X на основе имеющегося массива измерений (X_i , Y_i) и использования метода наименьших квадратов (МНК) строится аппроксимация регулярной (*неслучайной*) составляющей индикатора – $\hat{Y}$, удовлетворяю-

⁴ Технологическая готовность экономики региона к восприятию инноваций, внедрению новых технологий, модернизации и усовершенствованию существующих характеризуется готовностью субъектов экономической деятельности (с учетом мер государственной поддержки) реализовать имеющийся потенциал развития.

щая условию минимума суммы квадратов отклонений фактических и расчетных значений индикатора:

$$\sum_{i=1}^n (Y_i - \hat{Y}_i)^2 = \sum_{i=1}^n (Y_i - a - Y_i)^2 \rightarrow \min, \quad (2)$$

где n – количество используемых измерений (X_i, Y_i) (далее – поле корреляции).

В соответствии с (2) в модели используются стандартные выражения для оценки значений коэффициентов парной линейной аппроксимации (1), a и b :

$$b = \frac{\sum_{i=1}^n (X_i - \bar{X})(Y_i - \bar{Y})}{\sum_{i=1}^n (X_i - \bar{X})^2}; \quad a = \bar{Y} - b\bar{X}, \quad (3)$$

где $\bar{X} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n X_i$; $\bar{Y} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n Y_i$ – средние значения используемых измерений фактора и индикатора соответственно.

В свою очередь, количественные характеристики качества (статистическая значимость, сила и теснота связи и т. п.) построенной аппроксимации в целом и по отдельным параметрам оцениваются на основе стандартного набора показателей корреляционно-регрессионного анализа, применяемых для случая построения парной линейной регрессии на основе выборочной реализации факторов и индикаторов – (X_i, Y_i) [14–16].

Доказательство правильности формализации пары «фактор – индикатор» было проведено экспериментальным методом с использованием правила, приведенного в табл. 1 (в расчеты включены показатели Центрального и Северо-Западного федеральных округов).

Таблица 1

Правило для проведения количественной оценки

Математический параметр	Значение
Коэффициент корреляции r_{xy}	$\geq 0,7$
Коэффициент детерминации R^2	$\geq 0,5$
Число степеней свободы df	≥ 5
F -критерий (критерий Фишера)	$F_{\text{факт}} > F_{\text{табл}}$
T -критерий (критерий Стьюдента)	$ t < t_{\text{табл}}$
Средняя ошибка аппроксимации A	$\leq 12,5 \%$

Экспериментальная проверка модели

Расчеты выполнялись с помощью специально разработанного прикладного программного обеспечения, в качестве информационной базы были приняты данные Федеральной службы государственной статистики за 2007–2017 гг.

Результаты методических исследований формализации пар «фактор – индикатор» для каждого из процессов региональной экономической системы представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты методических исследований

№ п/п	Наименование региона	Технологическая готовность					
		Итог	r_{xy}	R^2	F -критерий	A	Df
1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Центральный федеральный округ</i>							
1	Белгородская обл.	Ø	0,91	0,83	14,37	2,68	3
2	Брянская обл.	✓	0,81	<u>0,66</u>	17,52	6,92	9
3	Владимирская обл.	✓	0,73	0,54	9,21	7,43	<u>8</u>
4	Воронежская обл.	✓	0,71	0,51	8,27	<u>2,64</u>	8
5	Ивановская обл.	✓	0,92	0,85	45,19	10,14	8
6	Калужская обл.	✓	0,86	<u>0,73</u>	24,85	10,57	9
7	Костромская обл.	✓	0,72	0,52	6,52	10,78	6
8	Курская обл.	✓	<u>0,77</u>	0,60	8,83	2,95	6
9	Липецкая обл.	✓	0,72	0,52	8,66	9,72	8
10	Московская обл.	✓	0,73	0,53	10,28	11,88	9
11	Орловская обл.	✓	0,97	0,95	88,44	1,73	5
12	Рязанская обл.	✓	0,92	0,85	46,83	7,94	8
13	Смоленская обл.	✓	0,73	0,53	7,80	5,57	7
14	Тамбовская обл.	✓	0,78	0,61	9,31	6,40	6
15	Тверская обл.	✓	0,80	0,64	15,88	9,38	9
16	Тульская обл.	✓	0,76	0,58	9,75	6,64	7
17	Ярославская обл.	✓	0,72	0,52	7,46	12,31	7
18	Москва	Ø	0,96	0,92	43,97	3,68	4
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>							
1	Республика Карелия	✓	0,72	0,52	8,51	6,61	8
2	Республика Коми	✓	<u>0,91</u>	0,83	44,94	<u>6,84</u>	9
3	Архангельская обл.	✓	0,95	0,91	60,77	14,92	6
4	Вологодская обл.	✓	0,76	0,58	12,52	11,80	9
5	Калининградская обл.	✓	0,74	0,54	10,59	12,04	<u>9</u>
6	Ленинградская обл.	✓	0,78	0,60	13,75	15,28	9
7	Мурманская обл.	✓	0,92	0,84	47,21	6,37	9
8	Новгородская обл.	✓	0,75	0,56	10,17	3,87	8
9	Псковская обл.	✓	0,75	0,56	7,64	6,55	<u>6</u>
10	Санкт-Петербург	✓	0,86	0,75	26,39	8,02	9

Комментарии к табл. 2:

• числовые значения коэффициента корреляции r_{xy} показывают значимость связи между фактором X и индикатором Y , например, на пересечении столбца 4 и строки «Белгородская область» $r_{xy} = 0,91$, что означает доказанную взаимосвязь фактора X (доля затрат на ИКТ в общих инвестициях в основной капитал – ИКТ_ИОК) с индикатором Y (отношение произведенного ВРП к годовому объему инвестиций в основной капитал – ВРП_ИОК);

- аналогичным образом интерпретируются значения коэффициента детерминации, F -критерия, средней ошибки аппроксимации и числа степеней свободы;
- в столбце 3 (итоговое решение правильности формализации пар «индикатор – фактор») знаком «✓» отмечено положительное решение, знаком «Ø» – отрицательное;
- итоговое решение, значение «✓» устанавливается в случае доказуемости статистической значимости пары «фактор – индикатор», т. е. полного соответствия правилу (см. табл. 1), значение «Ø» устанавливается при несоответствии расчетного значения хотя бы одному установленному критерию;
- итоговое решение, значение «Ø» не означает, что для исследуемого экономического процесса пара «фактор – индикатор» конкретной региональной экономической системы имеет другую формализацию; это показывает, что процесс имеет отклонения (объективного и/или субъективного характера) от общепринятых тенденций⁵.

В качестве примера приведем количественную оценку процесса «технологическая готовность» социально-экономической системы Калининградской области (табл. 3 и 4, рис. 1 и 2).

Таблица 3

Данные регрессионного и дисперсионного анализа процесса «технологическая готовность» для Калининградской области

Регрессионный анализ		Дисперсионный анализ	
Число наблюдений n	11	Дисперсия X	1,640
Число степеней свободы df	9	Среднеквадратичное отклонение X	1,281
Коэффициент детерминации R^2	0,54	Дисперсия Y	0,583
Коэффициент корреляции	0,74	Среднеквадратичное отклонение Y	0,763
Критерий Фишера ($F_{\text{табл}} = 5,12$)	10,59	Случайная ошибка a	0,463
Коэффициент a	2,36	Предельная ошибка a	1,048
Коэффициент b	0,44	Случайная ошибка b	0,135
t -фактор a (2,2622)	5,08	Предельная ошибка b	0,305
t -фактор b (2,2622)	3,25	Случайная ошибка R_{xy}	0,226
Коэффициент эластичности	0,37	Случайная ошибка Y	0,572

Таблица 4

Расчетные значения фактора и индикатора

Год	Значение фактора ИКТ_ИОК, %	Значение индикатора ВРП_ИОК, отн. ед.
2007	3,220	3,116
2008	2,041	2,532
2009	2,470	2,809
2010	2,536	3,503

⁵ В частности, для Белгородской области и Москвы итоговое решение «Ø» поставлено из-за отсутствия достоверной и сопоставимой информации (для Белгородской области $df = 3$ значения, для Москвы $df = 4$).

Год	Значение фактора ИКТ_ИОК, %	Значение индикатора ВРП_ИОК, отн. ед.
2011	2,607	3,815
2012	3,039	3,699
2013	2,939	4,016
2014	3,548	4,929
2015	6,976	5,069
2016	3,465	4,309
2017	2,289	3,511

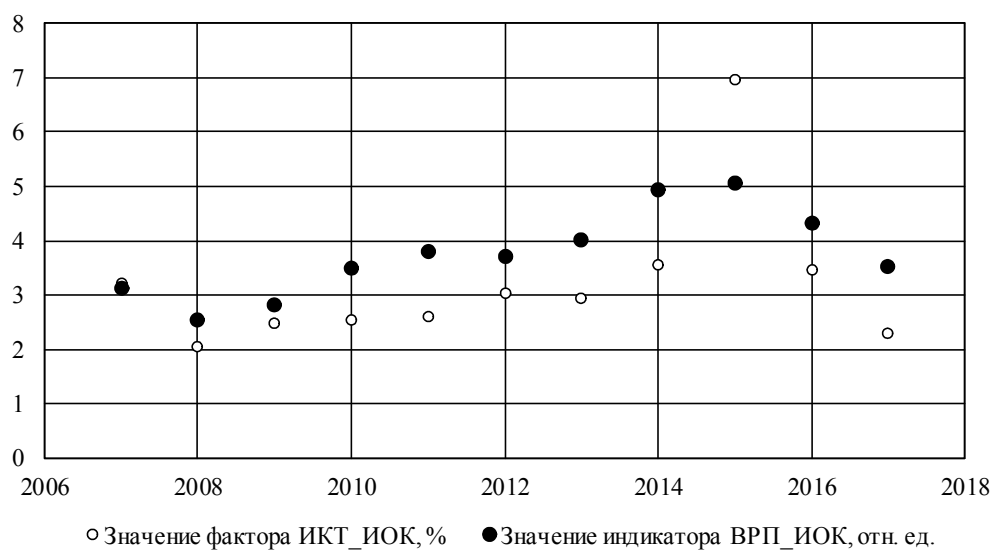

Рис. 1. Числовые значения фактора X и индикатора Y в динамике

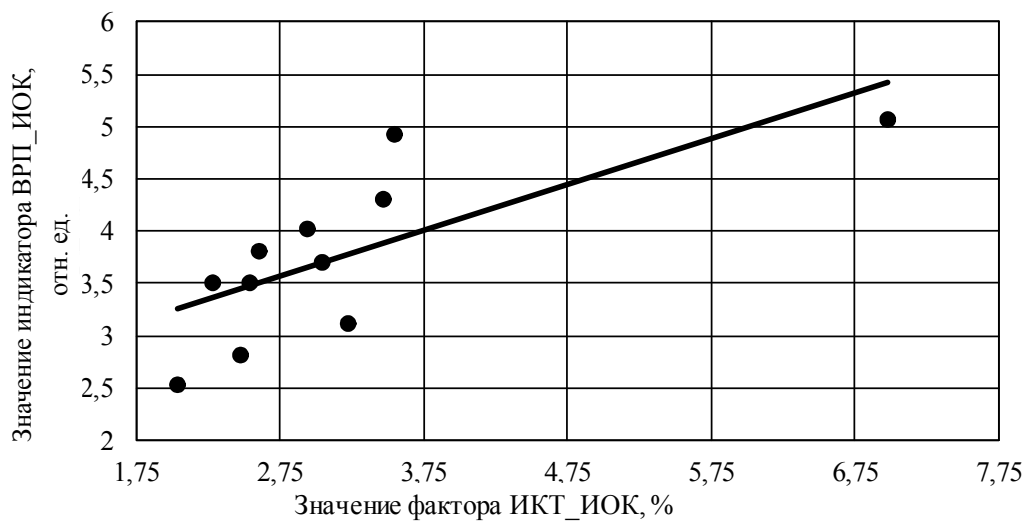

Рис. 2. Эконометрическая модель процесса «технологическая готовность»

Оценка процесса «технологическая готовность» для Калининградской области свидетельствует о способности региональной экономики задействовать имеющийся потенциал (кадровый, ресурсный, финансовый, технологический и пр.) для реализации перехода к инновационной стадии развития. Это подтверждается соответствием динамики индикатора *ВРП_ИОК* динамике фактора *ИКТ_ИОК*, т. е. процесс определяется прямым влиянием фактора на индикатор⁶.

Заключение

Применение метода парной линейной регрессии позволило доказать правильность использования для создания цифрового двойника процесса «технологическая готовность» региональной экономической системы формализованного набора «экономический процесс – фактор – индикатор». Применяя на практике разработанные методологические подходы к оценке уровня развития инноваций для конкретного региона, можно обоснованно решать задачи стратегирования развития: формировать систему приоритетных долговременных ориентиров, достижение которых осуществляется с помощью комплекса организационно-технических мероприятий. Предполагается, что разработанное для целей настоящего исследования прикладное решение (база данных и приложение) при его доработке и настройке под задачи конкретного региона может стать ядром системы поддержки принятия решений стратегирования и управления развитием.

Список литературы

1. Бабкин, А. В. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития / А. В. Бабкин, Д. Д. Буркальцева, Д. Г. Костень, Ю. Н. Воробьев // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. – 2017. – Т. 10, № 3. – С. 9–25.
2. Бодрунов, С. Д. Ресурсные преимущества России как основа высокотехнологичного экономического роста / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2014. – № 4(42). – С. 24–31.
3. Бузгалин, А. В. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов // Вопросы экономики. – 2016. – № 1. – С. 63–80.
4. Квинт, В. Л. Концепция стратегирования: Т. 1 / В. Л. Квинт. – СПб.: СЗИУ РАН-ХИГС, 2019. – 132 с.
5. Курбатова, М. В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация / М. В. Курбатова, С. Н. Левин, Е. С. Каган, Д. В. Кислицин // Terra Economicus. – 2019. – № 17(3). – С. 89–106.
6. Ленчук, Е. Б. Цифровизация экономики: драйверы и результаты / Е. Б. Ленчук // Экономическое возрождение России. – 2019. – № 2(60). – С. 32–37.
7. Медведев, Д. А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития / Д. А. Медведев // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 5–28.

⁶Изменение фактора *ИКТ_ИОК* на 1 % влечет за собой изменение индикатора *ВРП_ИОК* на 0,4 % (средний коэффициент эластичности $E = 0,37$).

8. Овчинников, В. Н. Развитие рынков и структуризация экономического пространства региона / В. Н. Овчинников, Н. П. Кетова, А. Г. Дружинин // *Terra Economicus*. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 77–95.
9. Рисин, И. Е. Стратегическое планирование регионального развития: современная практика, направления совершенствования / И. Е. Рисин. – М.: РУСАЙНС, 2016. – 84 с.
10. Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития / отв. ред. Р. С. Гринберг, П. В. Савченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 460 с.
11. Стали известны самые инновационные регионы России // *Российская газета*. – 2019 г. 16 января. – Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/16/reg-szfo/peterburg-tatarstan-i-moskva-stalipervymi-v-rejtinge-razvitiia.html> (дата обращения: 07.12.2019).
12. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102468157>.
13. Федеральная служба государственной статистики. Статистика инноваций в России. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/nauka/ind_2020/pril3.pdf (дата обращения 26.10.2019).
14. Эконометрика / И. И. Елисеева [и др.]; под ред. И. И. Елисеевой. – М.: Изд-во «Юрайт», 2019. – 449 с.
15. Cook, R. D. Diagnostics for heteroscedasticity in regression / R. D. Cook, S. Weisberg // *Biometrika*. – 1983. – № 70 (1). – P. 1–10.
16. Damodar, N. G. Basic Econometrics, The McGraw-Hill Companies. – 2004.

D. M. Zhuravlev. Assessing regional economy's technological readiness for uptake of innovations . A model (digital double) of the «technological readiness» process of the regional economic system is proposed. A meaningful description is given and the process is fixed, a pair of «factor-indicator» is arranged, which characterizes the basic aspects of its functioning; The proof of the correctness of the formalization of the selected indicators of quantitative and qualitative assessment using a specially developed application software is given. Using the developed methodological approaches to modeling in practice will allow you to purposefully and reasonably solve the tasks of strategizing the rapid development of the region.

Keywords: data analysis, development potential, digital double, economic and mathematical model, innovative development, regional economic system, strategic planning.

Для записей

Для записей

Для записей

Для записей

Для записей
